

ЧЕРНЫЙ
БЕЛЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РИГУВА

18+

Черный Белый

Ри Гува

Черный Белый

«Автор»

2018

Гува Р.

Черный Белый / Р. Гува — «Автор», 2018 — (Черный Белый)

ISBN 978-5-532-99599-4

Мир рухнул и ожил заново, позволяя закрытому городу Сфера властвовать над выжившими людьми. Они не знают, что есть другие новые города, а знают лишь то, что за стеной их ожидают голодные хищники, рожденные Мировой Катастрофой. Лекса Ройс тоже верит в это, но вынуждена бежать из Сферы, в которой прожила всю жизнь. Она хочет лишь спасти брата, но теперь за ней охотится целая армия. Она хочет жить вдалеке от опасности, но ее манит новый город... и охотник, которому нет равных. Лекса обещает, что полюбит новую жизнь, но в нее врывается ураган. И зовут его мистер Блэк. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99599-4

© Гува Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ри Гува Черный Белый

Глава 1

– Мам, вставай!

Что следовало взять с собой?! Только самое необходимое. Но для начала нужен свет, чтобы не собираться в темноте. Слава Богу, сегодня ночью свет был.

– Что? – мама зажмурила глаза от появления яркого света. – Что случилось? Что ты делаешь?

Вопрос остался без ответа, так как я уже запихивала в сумку все, что попадалось под руку.

– Прошу тебя, мам, я объясню все позже, но сейчас нам нужно уйти.

– Лекса! Ты с ума сошла?! Что ты делаешь? – она уже открыла глаза и гневно взирала на меня. В детстве я очень боялась, когда она делала такой взгляд, ведь это не предвещало ничего хорошего.

Бросив сумку на пол, я подбежала к ней. В это время Дэйтон начал постанывать и ворочаться на своем матрасе в другом углу комнаты.

– Мам! Послушай меня! Нам нужно срочно уходить! Пожалуйста! Просто... ты можешь поверить мне? Пойдем!

На разговоры не было времени, тем более я знала, что одним объяснением тут не обойтись. При всем своем уважении к законам Сферы, мама будет в ярости из-за того, что случилось.

– Что ты сделала??? – кажется, до нее дошло. – Лекса! Что ты натворила?!

К счастью, она хотя бы встала с матраса. Пока мама гневно испепеляла меня голубыми глазами, я, честно, не понимала, почему нельзя просто поверить родной дочери?! Дэйтону она всегда верила, что бы он ни ляпнул.

– Я пытаюсь спасти брата.

– Каким образом?! Убегая из нашей квартиры?

– Мы не из квартиры убегаем, мам! Мы убегаем из Сферы.

Оглушительная тишина, будто громом, ударила по комнате. Мамины глаза стали круглыми, а ее дыхание мог услышать даже глухой.

– Алексия Ройс! Ты сейчас же остановишься и скажешь, что, черт возьми, случилось?! – если мама повысила голос, то мне стоит помолиться, чтобы брат проснулся, как можно скорее.

Если сказать ей, то будет бешеный скандал. Если не сказать, то она не двинется с места. Что ж?! Первый вариант показался мне наименьшим из зол.

– Я украла кое-что... из больницы... для Дэйтона. И так вышло, что меня увидели. И теперь вопрос времени, когда они опознают меня по камерам и придут сюда.

Столько чистого ужаса в глазах мамы я никогда не видела. Мне даже на секунду показалось, что это я целиком и полностью виновата во всех наших бедах, в нашей жалкой жизни, и в самой Катастрофе, которая обрушилась на мир двадцать два года назад. Я даже на секунду испугалась, что она сейчас ударит меня, но, к счастью или сожалению, у нас не было времени подумать об этом. Необходимо собрать вещи и уходить, пока мое лицо не включили в список преступников по всем базам Сферы.

Я уже положила немного одежды, щетку и пасту. Вот и все. Я собрала все свои вещи. Да, еще фонарики: три штуки, как полагается, на каждого члена семьи по одному.

Повернувшись к маме, из меня вырвался разочарованный вздох, так как она даже не шелохнулась. Она просто стояла на том же месте, и единственное, что изменилось, это взгляд:

из осуждающего он превратился в испуганный и пустой. А руки безжизненно повисли вдоль тела.

– Мам, давай ты мне все это позже скажешь, когда мы будем в безопасности, потому что сейч...

– Какого черта тут происходит? – раздался хриплый голос Дэйтона, который только что открыл глаза.

Когда я посмотрела в эти глаза, сердце кольнуло. Они были воспаленные, будто он плакал, хотя я знала точно, мой брат не делал этого... никогда, наверно... даже когда был маленьким. Хотя сейчас я бы с радостью приняла тот факт, что мой девятнадцатилетний брат рыдал в свою подушку, чем реальную причину его больного вида.

Согласна гореть в аду за то, что поднимала его с пневмонией, но другого выхода не было. Брат тоже под угрозой, потому что именно для него были лекарства, которые я украла. И в базе Сферы были данные, что Дэйтон тяжело заболел, поэтому ни у кого не возникло бы вопросов насчет предназначения украденных таблеток.

– Прости, Дэйтон, но нужно уйти подальше, насколько это реально. Безопасники, возможно, уже ищут нас.

Мыслительные процессы завибрировали в его недоуменном взгляде, а я достала из кармана три баночки и одну бросила Дэйтону.

За несколько секунд лицо брата превратилось из вымученного сонного в напряженное. Он сразу же откинул одеяло и начал натягивать уличную одежду. Я видела, что ему больно и плохо, но сейчас была горда им и мысленно поблагодарила за поддержку, когда он открыл баночку с таблетками и проглотил одну, продолжая натягивать штанину.

– Мы с Дэйтоном никуда не пойдем! – надменно заявила мама. – Если ты что-то натворила, мы сможем договориться. Ты сдашься отделу безопасности, и они все поймут. Дэйтон! Ложись обратно! Тебе лучше лежать!

Брат не обратил никакого внимания на ее слова. Когда, вместо того, чтобы лечь обратно, он протянул ей рюкзак, мама так удивленно уставилась на его вытянутую руку, что Дэйтон закатил глаза и хрипло сказал сквозь кашель:

– Мам, если ты собираешься идти в ночной рубашке, я не против, но наверно ты замерзнешь. Собери рюкзак, пожалуйста. Мне нелегко часто наклоняться.

Мама сдалась. Дэйтону всегда удавалось давить на нее одним своим словом... в отличие от меня. У нас с ней всегда чего-то не хватало в отношениях... чего-то близкого.

– Но, сын? Ты не здоров! Тебе нужно отдыхать. И мы не можем уйти из Сферы. Это же просто... невозможно, уму непостижимо, и это безумие! – прошептала мама с непомерным страхом, а потом ее голос стал еще тише. – Мы же умрем там...

– Мам, мы умрем здесь, если останемся. Сфера никогда не простит... Черт, да они даже не попытаются что-то понять! – воскликнула я.

Меня всегда бесила ее чрезмерная покорность нашей «безупречной» системе, но это уже слишком. Эта женщина, как никто другой, знала, что любое преступление карается смертью. Даже жалкая кража нескольких таблеток от пневмонии. Даже кража спички привела бы к казни!

– Лекса, ты ненормальная! Если бы ты была послушной, то ничего такого бы не сделала. Это ты во всем вин...

– Если бы я этого не сделала, то Дэйтон бы умер!

– Хватит, пожалуйста! Все с этой гребанной ситуацией понятно! – взбесился Дэйтон, несмотря на недомогание. – Мы уходим, мам! Собирайся! Потом пообсуждаем, если тебе захочется! А сейчас уходим!

Она окончательно сдалась: взгляд потускнел, губы поджались. Если мама сейчас разрешится, то придется силком тащить ее отсюда. К счастью, до этого не дошло.

Подняв свои вещи, мама ушла в ванную комнатку, а мы с Дэйтоном принялись собирать его одежду. К моему облегчению, он набирал сил. Болезнь уже долгое время властвовала, но брат был достаточно крепким для того, чтобы не обращать внимания на ломку во всем теле. Хотя кашель, регулярно вырывающийся наружу, заставлял мое сердце обливаться кровью.

Наши ничтожные пожитки вызвали и грусть, и смех. Дэйтон не забыл про воду и контейнеры с едой. Их было не так уж и много.

К тому времени, когда заплаканная мама вышла из ванной в темных брюках и черной водолазке, мы уже собрали ее вещи. Серые старенькие кроссовки, красовавшиеся на ее ногах, я видела уже лет десять, наверное.

Ее слезы я понимала. После Катастрофы Сфера стала для нее спасением. Мама ни разу не выходила за пределы стен за двадцать лет. А еще я понимала, что позже мы непременно вернемся к обсуждению меня и моей безответственности.

– Все готовы? – спросил брат, мельком глянув на потускневшую маму. – Тогда выходим!

Нацепив на спину сумку, я пошла вслед за Дэйтоном и мамой, но обернулась.

Сейчас я видела эту комнатку в последний раз. При виде четырех стен с одним окном и дверью в ванную, меня обуяли странные чувства: смесь холодного равнодушия, печали и облегчения. Стены были пошарпаны, а пыль на оконных занавесках можно увидеть невооруженным взглядом. Три матраса, три подушки, три одеяла. Несколько старых коробок от еды и какие-то старые бумажки.

Первое, о чем я подумала, это папа. Мне хотелось верить, что он бы сейчас с радостью убежал из Сферы. Он ее ненавидел, хоть был вынужден жить здесь, ведь других городов больше не было. А папа боялся того, что вне. Мы все боялись. Ведь то, что нам рассказывали про мутантов за стенами, казалось верной гибелью. И сейчас мы направлялись именно к ней.

Я захлопнула дверь не только в мой дом, но и дверь в прошлое, угнетающее своим прозябанием и дерьмовой жизнью.

Прощай, милый дом! Возможно, следующие хозяева будут ценить тебя больше, чем я...

.....

– Как ты планируешь выбраться наружу? – шепотом спросил Дэйтон, пока мы оглядывали прилегающие дороги с нашего заваленного крыльца.

Комендантский час уже давно наступил, но в данный момент на нашей улице не было патруля.

– Пролезем через ту дыру, о которой говорил Стив. Ну, помнишь?! Через которую они выбегали наружу, чтобы увидеть уродов. Она недалеко, ведь? – прошептала я.

Я знала, что Дэйтон хорошо понимал, о какой дыре речь, но я ничего никогда не спрашивала. Стив говорил, что как-то раз и Дэйтон бегал с ними, но я не хотела уточнять это при маме. Нам абсолютно не нужен очередной приступ истерики.

– Это недалеко от старой церкви. До туда минут пятнадцать пешком. – объяснил Дэйтон, не боявшись, что мама что-то заподозрит в таком состоянии.

А мама действительно выглядела как призрак. Лишь на мгновение она оживилась, когда Дэйтон взял ее за руку. У них произошло что-то вроде немого диалога, ведь мама ни слова не проронила после выхода из ванной.

Здания, вдоль которых мы пробирались, вмещали больше людей, чем предполагалось их создателями. В одной старой книжке было сказано, что раньше каждый такой дом принадлежал лишь одной семье. С ума же сойти! Целый двух- или трехэтажный дом – для всего одной семьи. Оттуда же я узнала, что раньше любили заводить питомцев, а у каждого члена семьи была своя комната (у некоторых даже несколько комнат: в одной человек спал, в другой работал, в третьей обедал с семьей). Для гостей, которые приходили на какой-нибудь праздник, была отдельная комната. Если честно, в это верилось с трудом. Учитывая, что это было всего двадцать два года назад... Это вся моя жизнь, а я не считала ее длинной.

Хотелось бы родиться пораньше, чтобы застать те волшебные времена, но я родилась именно в год Катастрофы. Данный факт приравнялся к чуду, потому что – как нам говорили в школе – выжили только сильные, быстрые и умные. Мне неоднократно твердили, что в год Катастрофы выжившая беременная женщина, и вскоре родившая здорового ребенка – это было сказочное явление, и что я должна ценить каждый момент своей жизни и благодарить родителей. Наблюдая сейчас за собой со стороны, было очевидно, что я ослушалась всех этих добрых советчиков.

Мы крались уже минут десять и пока никакого движения на улице не заметили. На самом деле все вокруг выглядело тихо: пустая широкая дорога, дома по обеим сторонам. Если бы не приглушенные настенные светильники вдоль тротуара, то нас бы окутала крошечная тьма. Они, конечно, были для патруля или безопасников, но благодаря этим лампочкам, нам не пришлось включать фонарики.

Несмотря на то, что ни на улице, ни в окнах не было ни единой души, меня не покидало ощущение постоянной слежки. Казалось, что все вымерло, а равнодушные мертвецы продолжали следить из всех щелей.

Вся Сфера казалась единым организмом, который любил поиграть со своей жертвой, прежде чем прихлопнуть ее. Тишина и безлюдье, запах страха и пыли – эти обязательные атрибуты Сферы давили на меня, разжигая ужас.

Проходя каждый дом или угол, я невольно отмечала места, в которые можно было вжаться, если вдруг появится патруль. Но пройдя половину пути, никто – ни мертвец, ни безопасник – на нас так и не набросился.

Осталась всего пара домов, большой перекресток, затем разрушенный забор со старой церковью, и за ней – долгожданная прореха в безупречной стене. Как дар для хулиганов и нарушителей порядка... и для нас.

Я прокладывала путь самая первая. За мной были брат и мама, которые ни разу не отпустили руки друг друга после выхода из дома. Стыдно признаться, что я ревновала из-за этого, но это так. И даже не знаю, кого к кому, ведь выглядело так, что они вместе, а я сама по себе. К маме претензий не было – она никогда меня не любила – а вот брата я считала ближе к себе, чем к ней.

Мама выглядела так, будто ее могло стошнить в любой момент: бледное мраморное лицо с остекленевшими глазами делали ее похожей на красивую статую. И несмотря на то, что она всегда была главная и всегда делала из меня козла отпущения, мне было жаль ее. Какая-никакая, но эта женщина была моей семьей.

Погрузившись в мысли, сама не заметила, как замедлила шаг.

– Что такое? Патруль? – насторожился Дэйтон.

– А? Нет! Я просто... задумалась. – пробурчала я.

– Очень вовремя, детка! – фыркнул Дэйтон. – А ты не могла бы позже заняться этим дерьмом, раз уж втянула нас в приключения?! Давай дойдем до пункта А, а после вместе подумаем о жизни, идет? Теперь двигай задницей, черт возьми! – он практически орал шепотом.

То, как мой братик справлялся с пневмонией и стрессом, не могло не восхищать. Находясь на грани обморока, да еще и с полуживой мамой позади, он умудрялся дерзить. Я любила его за это.

Дойдя до угла последнего дома перед большим открытым перекрестком, я запаниковала. Мы на нем как в чистом поле среди ясного дня, но по-другому не пройти.

– Я первый. – шепнул Дэйтон и обошел меня.

Пришлось перенять у него мамину ладошку. Сказать, что мне стало неловко от этого – ничего не сказать. Но мама будто и не заметила подмену.

Дэйтон подошел к последнему углу дома и, оглядев перекресток, прошептал:

– Вроде никого, но я не вижу вдаль. Там нет фонарей.

– Хорошо! Идем! – также приглушенно ответила я.

– Стой! Через перекресток мы побежим, дальше пригнемся около того забора. – он указал на противоположную сторону. – Если все будет тихо, то обходим забор и включаем фонарики. Там темно, как в заднице. Без света не пройдем.

– Какое интересное сравнение ты употребил.

– Заткнись! – прошипел он хриплым голосом.

Нервный смешок, вырвавшийся из меня, был свидетельством настоящего ужаса. Теперь мне стало действительно страшно. То ли у меня реакции запоздалые, то ли вся правда нашего побега только что нещадно накинута на меня. Вся суть была в том, что я уже не считала уход из Сферы наименьшим из зол... учитывая, ЧТО нас ждало за стеной.

Собрать себя в единое целое оказалось трудно, ведь паническая дрожь захватывала мое тело сантиметр за сантиметром. Единственное, что не дало расплакаться прямо здесь – это Дэйтон. Подставив его под угрозу казни, я не посмела сказать сейчас, что не могу сделать следующий шаг.

Дэйтон схватил меня за руку. Я крепче сжала мамину, и мы тронулись с места. Мама машинально повторяла за нами.

Мы очень тихо бежали, шаркая кроссовками по древнему асфальту. Много шума мы создать не могли, но казалось, что от нашей обуви раздавались настоящие взрывы.

Темнота топила со всех сторон. Ненавижу темноту! Сколько я себя помнила, мы почти всегда проводили наши вечера и ночи в темноте. Электричество постоянно выключалось. По чистой случайности сегодня в Сфере не вырубili питание.

Прыгнув под забор в неухоженную траву, мы скрылись почти по плечи. Я, как ненормальная, мотала головой из стороны в сторону в поисках кого-то или чего-то подозрительного. Но, кажется, мы были одни в этой части квартала.

Запах асфальта сменился резким ароматом свежей травы и влажных гниющих деревяшек. Вроде, мы пересекли лишь перекресток, но старая церковь казалась другим миром.

Только сейчас я обратила внимание, как Дэйтон тяжело дышал. Мы пробежали всего ничего, может метров двести, а у него глубокая скрипучая отдышка. Я прекрасно понимала, что это из-за болезни, но стало еще тревожней. Вдруг он не справится с дорогой?

Кинув взгляд на маму, которая сидела за моей спиной, мне почудилось, что она в каком-то трансе. Должен же человек испытывать какие-то эмоции, находясь в такой ситуации?

Дэйтон замер и лихорадочно искал источник звука, который поверг меня в испепеляющий ужас. Когда его взгляд остановился, я повернулась туда же – в направлении нашей улицы.

Черная, почти незаметная в темноте, машина двигалась вдалеке около нашего дома. Если бы ее двигатель не издавал никакого шума, то я бы ее даже не увидела.

Джип безопасников остановился, и вышедшие из нее люди направились напрямик в нашу бывшую дверь.

– Они пришли за нами. – Дэйтон прочитал мои мысли. – Пора сматываться подальше от Сферы.

– Мы... еще можем вернуться... – мамин шепот был такой тихий, что я сначала не разобрала слова.

– Мам! – шепнул Дэйтон и взял ее руку. – Мы сейчас убежим и больше не вернемся. Иначе нас убьют! Всех! – он смотрел на нее и шептал каждое слово очень тихо, но уверенно. – Все будет хорошо! Я обещаю! У нас все будет хорошо, мам! Пожалуйста, сейчас нужно потерпеть.

Его слова прозвучали настолько убедительно, что я сама в них поверила. Он не только для нее их произнес, но и для себя самого. Если бы я не знала своего брата, я бы этого не заметила, но почувствовала, что Дэйтон сомневался в своих и наших силах, поэтому ему нужно было произнести это вслух.

– Мы не можем сейчас включить фонарики. Придется бежать вслепую. Надеюсь, я помню эти тропы до прохода. Держимся за руки. Никто не тормозит. Может, включим фонарик за церковью, когда обойдем вокруг. – сказал Дэйтон.

Мы прокрались вдоль забора к его разгромленной части, напрямик к церкви. Здесь была куча деревяшек под ногами. Где-то валялся всякий хлам, очертания которого были видны на земле. Мы сбавили шаг, потому что меньше всего нам было надо, чтобы кто-то сейчас споткнулся и упал.

Церковь отчетливо выделялась на фоне серого неба. Машина безопасников гудела намного ближе, чем раньше. Видимо, они осматривали окрестности, поняв, что дома нас нет. Сейчас мне казалось, что на их месте, я бы первым делом побежала искать преступников в старую темную церковь. Эта мысль подкатила комком в горле, и меня чуть не стошнило.

Дэйтон схватил меня за плечи. Кажется, он что-то сказал мне.

– Что? – переспросила я.

– Соберись! Они близко! Без фонариков бежим.

Двинувшись к стене под прикрытием церкви, мы старались не шуметь всяким хламом в траве.

А что если я сдамся безопасникам и буду умолять на коленях, чтобы они не трогали маму и Дэйтона? Скажу, что я лично сама все придумала и заставила их действовать со мной. Может, это спасет их? Чем же я думала, когда потащила их за собой? Надо было бежать одной! Зачем я заставила моих близких проходить этот ад. А мы ведь еще не вышли за пределы Сферы.

– Лекса, двигайся! Ты тормозишь нас! – тихо выругался Дэйтон.

– Да... – все, что мне удалось ответить.

Время тянулось непривычно долго. Будто от церкви до стены мы шли несколько часов, а не пару минут. Добравшись до стены, брат начал что-то лихорадочно щупать в темноте. Могла ли я помочь – я не знала, ведь прежде никогда не видела эту штуку в стене. Я смутно представляла, как в такой неприступной стене могла быть дыра. А если ее там нет, что мы будем делать?! Молиться.

– Нашел! Давайте! Я первый, вы за мной. И не тормозите. – прохрипел Дэйтон сдерживая кашель.

Он что-то отодвинул, кажется, доски или что-то похожее. Половина его силуэта протиснулась в нечто более темное, чем стена. Когда Дэйтон полностью скрылся там, я подтолкнула маму вперед. Я не была уверена, что она точно полезет за мной, если я втиснусь следующая. Она могла побежать обратно или просто остаться на месте. Это было бы неудивительно. После смерти папы она вообще стала чокнутой.

Грохот мотора был уже около церкви. Бросив последний взгляд на отблески их фонариков, я зарылась в темную щель за мамой и братом.

Когда я вынырнула с другой стороны, то безграничный простор и свобода выбили из меня весь дух. Такого я не ожидала. Исполинские здания – выше стены – тянулись во всех направлениях. Даже в сумерках было понятно, что они полуразрушены и окутаны растительностью. В Сфере, куда ни глянь, ты видел либо дома, либо стены, а здесь блестящая разрушенная дорога уходила прямо в небо.

Дэйтон был уже около ближайших домов в пятидесяти метрах от стены. Он также не мог оторвать глаз от уходящей под горизонт дороги. Мама же стояла слева от меня и равнодушно смотрела по сторонам.

Достав три фонарика, через секунду я убрала один обратно: мама вряд ли возьмет его.

С одним включенным фонариком мы подошли к Дэйтону, который не мог перестать глядеть на бесконечный разрушенный город.

– Обалдеть, да? – прошептал брат.

– Я думала, ты уже бывал здесь и видел, разве нет?

– Да, бывал! И каждый раз не мог насмотреться...

Переведа дух, мы всю помчались вперед. Так быстро, как только могли, учитывая, что один из нас больной, а еще одна последний раз бегала двадцать два года назад, находясь примерно в такой же ситуации. Только в тот раз мама убегала не от людей.

Мы пробежали целую вечность, прежде чем замедлились и перешли на быстрый шаг. Мама тяжело дышала – ей нужна передышка. Но она хорошо держалась, учитывая ее астральное состояние. Даже не отставала. Дэйтон еле-еле сдерживал кашель. В итоге, он остановился и начал глухо кашлять в свой свитер. Сложно представить, как он себя чувствовал в своем состоянии после бега.

Реально порадовало то, что мама немного ожила при виде кашляющего сына. Обойдя меня, она коснулась его плеча. Приступ кашля почти стих, и Дэйтон проглотил еще одну таблетку из баночки.

– Ты хотя бы... уверена... что... это поможет от пнев...монии? – задыхаясь, спросил брат.

– Да, абсолютно. – ответила я, опустившись на треснутый кусок асфальта.

Мы просидели минут десять, пока все восстановили силы. Выпили одну бутылку воды на троих и просто рассматривали темноту. Спасибо, что глаза уже привыкли к ней.

Мы были за пределами Сферы! Мы – за пределами стены и людей с оружием, которые могли убить нас из-за нескольких баночек с таблетками, но которые также защищали нас от мира, который я никогда прежде не видела. Я никогда не видела живую тех, кого боялись все взрослые старше тридцати лет. А сейчас мы сидели вдвоем, ночью, без оружия, посреди огромного разрушенного города, который принадлежал мутантам.

Испуганный зверек стал беспокойно поскуливать в груди и шептать, что какой-то мутант мог быть прямо около нас. Он мог смотреть сейчас на нас своими голодными глазами, а мы даже не подозревали.

Думай, Лекса, думай! Что делать? Чему учили в школе? Учили, что ночью мутанты активнее, чем днем. Они инстинктивно охотились большой стаей, но могли быть и одиночками. Они могли замирать и не двигаться. Реагировали на звук. Что еще?! Укус был смертелен. Как и средние царапины. Они быстрые. Сильные. Сильнее, чем я?! Нет, не думай об этом, Лекса! Ты сможешь справиться с мутантом... Наверное...

Схватившись за голову, я издала жалкий вскрик. Дэйтон положил ладонь мне на голову. Это было нелепо, но его тепло успокаивало меня.

– Не думай об этом. У тебя не было выхода. И сейчас не раскисай, вокруг может быть полно мутантов. – шепотом подбодрил брат.

Дэйтон тоже думал о голодных тварях, и в этом было какое-то утешение: он ведь оставался спокоен, несмотря на парализующий страх. Мама, так вообще, будто задремала с открытыми глазами.

Столь долгая остановка уже действовала на нервы, и мы зашагали дальше.

.....

Вокруг было тихо: ни единого звука, никакого движения. «Они могут замирать и не двигаться».

Дэйтон обводил фонариком каждый подозрительный силуэт и темный угол. Мы шли еще около получаса в полной тишине, прежде чем мама прошептала:

– Ночью мы наиболее уязвимы. Надо спрятаться, и Дэйтону необходим отдых. Сын, тебе нужно поспать.

Несмотря на то, что мама была не в себе, все же из нас только она бывала в этих условиях. И выжила.

– Окей, мам! Уверен, ты лучше нас разбираешься в этом дерьме. Говори, что делать. – сказал Дэйтон.

– Не следует выражаться при матери, Дэйтон Ройс. – выдала мать с гордой осанкой.

Она возвращалась из своего транс. Радоваться этому или опасаться – я не знала, но скоро узнаю. Хорошо, что она хотя бы снова заговорила.

– Нужно найти какой-нибудь дом, который не до конца разрушен. Он должен быть с целыми окнами. Или они должны быть заколочены досками. И двери должны быть закрыты. Если хоть одна из дверей открыта, то там могут быть мутанты. Старайтесь больше полагаться на обоняние. Вонь гнилья – самый верный признак того, что пора бежать.

После такого монолога мы с Дэйтоном опешили. У меня даже рот открылся. За последние полтора часа она не проронила ни одного внятного слова, а сейчас мы прослушали краткий курс выживания в опасной среде.

– С каких это пор, мам, ты стала супер-воякой? – спросил Дэйтон.

Мама так и не ответила, потому что наши три головы резко повернулись в сторону шума, который раздался секунду назад. Он возник далеко, но учитывая, что мутанты очень быстро бегали, расстояние нас не спасло бы. Звук был похож на удар металла об асфальт. Мое воображение вырисовывало кошмары, которые могли породить этот звук, так же как и фантазия Дэйтона. Он не знал, что делать.

– И последнее... – прошептала мама, не поворачиваясь. – Найдите что-то, чем мы будем отбиваться, когда они нас найдут.

.....

На одном из уроков в школе нам рассказывали о стрессовых моментах и их влиянии на человека. Что-то типа: «В стремительно развивающихся ситуациях человек способен отключать все эмоции и делать все механически, пользуясь лишь зрением, слухом, обонянием и осязанием. Адреналин помогает находить выход из ситуации». Кажется, именно это сейчас происходило со мной... с нами тремя... потому что мы быстро перебежали от дома к дому в поисках закрытых дверей и заколоченных окон: без эмоций, без сомнений, без лишних действий, перекидываясь лишь необходимыми фразами.

Дэйтон на ходу подобрал какую-то железку, напоминающую трубу, а я нашла палку. Мама тоже схватила палку и, наконец, взяла фонарик.

Приходилось постоянно оборачиваться. Я даже не знаю, что со мной случится, если я вдруг обернусь и засеку там двигающиеся силуэты. Мне мерещилось, что мы втроем бежим по огромному чужому городу, а вокруг со всех сторон к нам бегут бешеные мутанты.

Дэйтон свистнул нам и побежал к закрытому дому, окна которого на первом этаже были заколоченные, а на втором: некоторые заколоченные, некоторые застекленные.

Мы тихо поднялись по ступенькам. Дэйтон опять кашлянул в ворот свитера. Лишь бы только эти твари не услышали! Пусть они не услышат!

Попробовав ручку, которая оказалась закрытой изнутри, мама кивнула, чтоб мы следовали за ней. Она спустилась с крыльца и побежала в обход дома, а мы, как собачонки, рядом. Все окна сбоку дома были забиты досками, а дальше была задняя дверь, которая тоже оказалась запертой. Дэйтон уже отчаялся и собрался уходить, когда мама дернула его за локоть и прошептала:

– У тебя хватит сил выбить эту дверь?

– Что? Нас услышат! Пойдем дальше. – ответил он.

– Нет. У нас мало шансов! Мы можем выбить дверь и сразу завалить ее с другой стороны. Я почти уверена, что внутри нет тварей. Здесь давно все закрыто.

– Мама, я сейчас создам здесь шум, подобный грому, пока буду выбивать дверь! – прошипел Дэйтон.

– Так значит, ты можешь выбить дверь?!

– Думаю, да.

– Выбивай! Сейчас! Но ты должен сделать это с первого раза, иначе нам конец.

Дэйтон разбежался с бывшей когда-то лужайки и врезался плечом в дверь с такой силой и таким грохотом, что я закусила губу до крови. Будет чудом, если он не сломал себе плечо, или мутанты уже не окружили нас.

Придя в себя, я поняла, что Дэйтон уже внутри, осматривает первую комнату. Мы с мамой быстро поднялись к нему и закрыли искалеченную дверь. Как ни странно, никто за нами не гнался и не пытался сожрать. Хотя я уверена, этот грохот услышали даже в Сфере.

Дэйтон подтянул что-то большое по полу и прислонил к двери. Теперь надо будет либо открыть ее изнутри, либо долго таранить с улицы. Выглядело надежно.

Скатившись по стене, я пыталась надышаться всем воздухом в мире и поверить, что пока жива. Дэйтон стоял рядом и потирал плечо. Он точно стал моим героем на сегодня.

– Мы пока не можем сидеть. – прошептала мама. – Вставайте!

– Но мы ведь уже в доме. – ответила я.

– Нам нужно проверить все открытые комнаты. Проверяете на наличие мутантов и затем на дыры в стене или открытые окна еще раз. После каждой проверенной комнаты, закрывайте дверь. Так мы услышим, если кто-то попробует открыть их снова где-то в доме.

Согласиться, что это чертовски логично, было сложно. Как по мне, это был бред. Но никто ничего, конечно, не возразил, и мы принялись за дело.

Мы оперативно проверили все комнаты: мама караулила в коридоре, пока мы с Дэйтоном заходили в каждую со своим «оружием» наготове.

К нашему огромному счастью, мы никого не обнаружили на первом этаже. Стены были целы, и все окна заколочены досками. На втором этаже действовали по такой же схеме. И снова никого и ничего подозрительного.

Видимо, здесь уже давно побывали мародеры: мебели было очень мало. Непонятно только, зачем они закрыли за собой двери, но это было невероятной удачей для нас.

Мы устроились на первом этаже. В комнате, которую выбрали для ночлега, стоял один потасканный диван и одно откидное старое кресло.

Дэйтон сначала устроился в кресле, но мама выгнала его на диван, объяснив тем, что ему нужно нормально поспать на горизонтальной поверхности. Сама она устроилась в кресле и вытянула ноги по полу. Палку из рук она так и не выпустила.

Я только сейчас поняла, насколько вымоталась. Дэйтону было в сто раз хуже с его болезнью. Он достал еще одну таблетку и проглотил ее в то время, когда я молилась, чтобы лекарства помогли ему.

– Спокойной ночи, дети! – тихо произнесла мама так, как и каждый вечер говорила дома.

Эта фраза показалась самым тяжелым событием сегодняшнего дня, потому что дома у нас больше не было. Спокойных ночей тоже. И вообще, теперь ничего у нас не было.

С рукой Дэйтона в своей руке, я уснула.

Картинки, которые мне снились, быстро двигались, и я не могла запомнить что-то конкретное, но чувствовала себя беспокойно. Будто не спала вовсе, а наблюдала за своим сном издалека, из другого параллельного мира. В этом мире не было ужасных тварей, не было Сферы, не было безопасников, не было жестоких законов. Я никогда не видела такую жизнь, но во сне она мне понравилась.

.....

В это время, в одном из кабинетов здания Управления Сферы сидели три мужчины: двое – в строгих костюмах, один – в военной форме. Они сидели за вытянутым столом цвета благородного темного дуба, на стульях, тонко подобранных под него. На стенах комнаты был натянут бардовый шелк, а картины завершали образ аристократизма.

– Существует, должно быть, веская причина, почему вы вызвали меня среди ночи? – спросил один из мужчин.

– Конечно, сэр! Этим вечером было совершено ограбление больницы!

- Такое уже бывало раньше...
- Нет, в этот раз все по-другому. Воровке удалось взять, что нужно, и убежать.
- Воровке?! Это интересно! Ну, так поймайте ее и накажите. В чем проблема?
- Она сбежала за стену.
- Найдите ее семью и накажите.
- Они сбежали вместе с ней.

Повисло неловкое молчание, в котором только полковник чувствовал себя комфортно, так как понимал, что он пока не совершил ни одного промаха, в отличие от начальника отдела безопасности. Пока президент обдумывал услышанное, начальник по безопасности заметно нервничал, чем еще больше радовал полковника.

– То есть, вечером какая-то девчонка ограбила больницу, забрала что хотела, выбралась наружу, и вы, мистер Уокер, никак не воспрепятствовали этому? – холодно уточнил Президент.

– Люди и раньше убегали за стену... – нервно оправдался мистер Уокер.

– Люди прежде выбирались за пределы стен, но никто из них не грабил наши учреждения перед этим, и никто не решался бежать всей семьей на волю. Следуя своей глупости и поодиночке, они не представляют угрозы. Но целая семья, бросившая наглый вызов Сфере и оставшаяся безнаказанной, – это другое дело. Именно такие моменты приятно способствуют революции, мистер Уокер. Если вы этого не понимаете... а раз вы сидите сейчас здесь, а не преследуете преступников, значит вы этого не понимаете, то, боюсь, я был завышенного мнения о Вас и ваших способностях.

На лбу мистера Уокера выступила испарина. Прежде чем ответить, он судорожно сглотнул:

– Я найду их, сэр!

– Разумеется, иначе встанете на их место. Мистер Паркер, за стеной Сферы ваша полная юрисдикция. Вы все слышали! Приступайте! Вы теперь работаете с мистером Уокером.

– Спасибо, сэр, но я работаю один. – осторожно ответил полковник.

– Вы теперь работаете с мистером Уокером! А если я еще раз услышу комментарии в сторону моего приказа, вы встанете следом за Уокером.

– Да, конечно, сэр! Извините! – пылкости у полковника поубавилось.

Президент встал и пошел к двери, но перед самым выходом спросил:

– Как зовут преступницу?

– Алексия Ройс, сэр! – ответил мистер Уокер.

– Вы должны поймать их живыми. Они отправятся на публичную казнь.

– Не продадите их в рабство, сэр?

– Нет. Завтра вся Сфера уже узнает об ограблении. Если мы не накажем их прилюдно, то люди будут думать, что такие поступки могут оставаться безнаказанными. Завтра жду полный отчет об Алексии Ройс. Доброй ночи, господа!

Глава 2

Проснувшись, я не открыла глаза. Не хотела их открывать, надеясь, что это был всего-то странный и страшный сон. Хотя незнакомая поверхность дивана подсказывала, что это не комнатка в Сфере. Я была уверена, что чувство вины и страха перед предстоящей дорогой сразу обрушатся на меня, если открою глаза.

Я была за пределами выжившей цивилизации, на территории мутантов и безграничного хаоса, а что делать дальше – не знала. Может, остаться в этом доме и умереть от безысходности?!

Дэйтон мирно дышал рядом. Он еще крепко спал.

Приоткрыв один глаз, я обнаружила, что мамы тут нет. Тело ломило от непривычного дивана – это стало понятно сразу же, как я встала.

Из-под досок на окнах прорывались лучи солнца, в которых витали пылинки. Ощущение было, что мы находились в подвале.

В этой комнате были диван, кресло и небольшой столик в углу. На полу валялись наши сумки и фонарики. В целом, не особо отличалось от нашей комнаты в Сфере, разве что запах другой: здесь пахло старой пылью, а дома всегда было влажно.

Выглянув за приоткрытую дверь, я прошла в коридор: ни на лестнице, ни прямо, ни в комнате справа ничего не было, кроме рассекающих световых полосок от прорезей в окнах. Слева была кухня с какими-то тумбами, стульями и столом. За ним сидела мама. Ну, она хотя бы не убежала...

– Мам, привет! Как ты? – это было самое дурацкое, что я могла спросить, но первое, что пришло на ум.

– Дэйтон проснулся? – вместо ответа спросила она.

– Нет, он спит.

Я всегда чувствовала неловкость, оставаясь наедине с этой женщиной, но сейчас это чувство усилилось стократно.

– Нам предстоит серьезный путь, поэтому он должен быть отдохнувшим. – равнодушно сказала она.

– Мам, а куда мы пойдем?

– По-моему, это ты вытащила нас из дома. Так, ты и скажи, куда же мы собираемся идти, Лекса? – вот и вернулась презиращая меня мать.

– Ты сильно злишься на меня? – не знаю, зачем я это спросила, ведь ответ очевиден.

– О, я не злюсь, совсем не злюсь! Я в шоке! – воскликнула она, – Ты вытаскиваешь нас из дома посреди ночи и заставляешь убежать из Сферы! На чужую территорию! К мутантам! – она уже кричала. – Без оружия! Без осознания опасности, которая нас здесь ждет! Ты думаешь, что я просто так двадцать лет не выходила за пределы Сферы??? Просто так? Потому что мне нравилось там сидеть?!

На самом деле, я так и думала, но вслух, конечно, не сказала. Я была в смятении и не знала, как защититься, потому что все, что она сейчас сказала – правда. Я не знала никаких практических навыков выживания и даже оружия не взяла. Похоже, нам очень повезло, что мы не умерли в первую минуту, как вышли из Сферы.

– Я не хот...

– Ты не хотела?! Не хотела убить нас?! Не хотела стать мутантом?!

Я молчала, но она сама продолжила:

– Вы с Дэйтоном без понятия как выживать в этом мире, незащищенном стеной и военными. Вы не знаете, как добыть еду или найти безопасный ночлег. Вы даже не знаете, как мутант выглядит. И только чудо спасет вас при встрече с ним!

Все, что мне оставалось, это пилиться в пол, так как сказать было нечего. Но даже, если бы было, я бы не успела. Мама продолжила за меня:

– Я очень надеюсь, что этот мир изменился за двадцать лет! Ведь, если он такой же, как при твоём рождении, когда мы с твоим отцом спасались и прятались, то мы и трех дней не протянем! – это последнее, что она сказала, прежде чем отвернуться к окну.

На самом деле, первое, о чем я подумала, так это, что я совсем не знала свою мать. Эти смены ее настроения: то она добрая заботливая домохозяйка, то она любит только Дэйтона, то она супер-боец, который знает правила выживания за стеной, то она в трансе, то в ярости, то она призрак.

Родители почти ничего не рассказывали нам о тех двух годах дикой жизни с момента Катастрофы до Сферы. Сейчас мне хотелось спросить, почему они этого не сделали?! Ведь, мы бы хоть имели представление, что тут происходит... вне стен.

Сфера образовалась практически одновременно с началом заражения, но пока мои родители узнали о ней, прошло два года. Когда все началось, я еще не родилась – мама была на третьем месяце. Спустя еще шесть появилась я. Когда мне было год и четыре, мы вошли в Сферу, поэтому я не могла помнить другой жизни, кроме «внутри огромного кольца стены». Все, что я знала – это сухие цифры.

Пока я придумывала, что сказать, Дэйтон, помятый после сна, возник рядом. Его удивленные брови «спрашивали», что тут происходит.

– Доброе утро, Дэйтон! – сказала я вместо ответа на его невысказанный вопрос.

– Доброе или нет – нам предстоит еще выяснить... Mam? Как ты? – разумно, что больше всего он волновался о ней.

Мама обернулась и радужно улыбнулась ему:

– Я в порядке, солнышко! Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше? Ты выпил таблетку?

– Да, выпил. Чувствую себя как дерьмо, но это ничего страшного.

– Если ты думаешь, что можешь ругаться, потому что болеешь, то ты ошибаешься. Нам надо поговорить и идти дальше. Безопасники могут осматривать ближайшие районы. Я, конечно, очень в этом сомневаюсь, но такое может быть. Так что несите сюда еду, и поговорим.

Пока мы с братом ходили за сумкой, я подумала, что это забавно, что теперь мы одинаково должны бояться и мутантов, и людей.

Мы открыли контейнеры с рисом, овощами, и чем-то наподобие соевого мяса. Такие пайки продавали в Сфере за монеты или меняли на что-то ценное, например, на оружие, одежду, или лекарства (если они у кого-то имелись по чистой случайности).

Пока мы ели, я наблюдала за серьезными братом с мамой. На них была все та же одежда со вчерашнего дня. На маме – темные брюки, черная водолазка, серые кроссовки. Недлинные светлые волосы до плеч взъерошились, отчего резкие черты лица казались чуть мягче. Она была красивой женщиной в свои сорок три. Небольшой рюкзак с фонариком сверху она держала вблизи себя.

На Дэйтоне – простые черные брюки, светлая грязненькая футболка и кофта, завязанная на поясе. Свои кудрявые светлые волосы он собрал в маленький хвостик на затылке. Его лицо, как и мое, больше походило на папино, и он был очень хорош собой. Не зря же все девчонки школы ходили за ним хвостиком?!

Если сравнивать маму и нас с братом, то сложно найти родственную связь. У нас с Дэйтоном – кожа смуглая, у мамы – белая мраморная. У нее абсолютно холодный тип лица с прямыми резкими чертами, вытянутым прямым носом и лисьими глазами, а у нас – крупные карие глаза и курносые носы. Мы больше взяли от папы, чем от нее, хотя у Дэйтона светло-русые кудрявые волосы, а у меня – почти черные и прямые, как у папы.

– В первую очередь, пересмотрите свои вещи и выкиньте то, что нежизненно важно. – сказала мама. – Сумки и рюкзаки должны быть легкими, чтобы быстро бегать.

Мы с Дэйтоном уставились на нее, молча дожевывая свою еду.

– Если хотите остановиться на отдых или на ночлег, то ищите закрытый дом или подвал: по какому принципу искать – я говорила ночью. Про мутантов запомните следующее: они бывают быстрые и медленные, в зависимости от того, когда и как заразились. Те, кого сильно искусили или повредили, быстро не бегают, но те, у кого сохранились все целые кости и мышцы, бегают очень быстро, и они не устают. Возможно, сейчас из-за нехватки пищи они и стали слабее, но я бы на это не рассчитывала.

Она дала нам несколько секунд на переваривание этих слов, затем продолжила:

– Запомните, они не люди. Они звери и чаще всего охотятся стаей. Редко можно встретить по одному, если повезет...

– ... Если повезет... – ухмыльнулся Дэйтон. – То есть, если видим всего одного мертвеца, то радуемся и пляшем?

– Когда ты увидишь одного мертвеца, то вряд ли тебе захочется радоваться, но ты можешь попробовать, конечно. – равнодушно парировала мама и продолжила:

– Теперь слушайте дальше. Нам нужно оружие. Не труба и палки. Нужны острые предметы. Мутанта можно убить, только повредив мозг. Другие части тела не реагируют на боль. Это, конечно, может его замедлить, но не убьет и не остановит уж точно.

Мама говорила, как какой-то учитель по военной подготовке или урокам выживания. Такую сторону ее личности я еще не видела, если не считать ее ночной монолог про поиск дома.

– Ночью им легче охотиться, но днем они тоже могут быть активны. Я слышала, что их уже стало значительно меньше, по сравнению с годом Катастрофы, но, послушайте меня, один укус или средняя царапина, или прямая зараза в открытую рану, и все. Можете всадить себе пулю в лоб. Правда, для этого еще надо найти пистолет.

Это была пост-апокалиптическая шутка от мамы?!

– Хорошо! Принято! Что будем делать дальше? И куда идти? – спросил Дэйтон.

– Пока у нас есть еда и вода, мы должны выйти из города и отойти от него, как можно дальше. Пока мы можем двигаться быстро. Когда еда кончится, нужно будет обследовать дома и магазины, чтобы найти что-то съестное.

– Но разве, мародеры уже не разграбили все? – спросила я.

– Нет, не все! Когда ЭТО началось, люди не были готовы. Люди вообще не поняли, что произошло. Погибло слишком много народу. Нас, выживших, осталось около восемнадцати процентов на всю Землю... ну, если верить ученым из Сферы. И эти проценты не смогли бы разграбить абсолютно все дома и магазины в мире, даже в стране. Поэтому шанс есть! Качественные консервы и вакуумная вода могли не испортиться за двадцать лет, поэтому мы будем искать. Да, и выхода другого у нас нет!

– Это звучит обнадеживающе, мам. – прокомментировала я.

Стыдно признаться, но до этого момента, я и не думала о еде и воде, когда они кончатся.

– Все остальные нюансы мы будем обсуждать в пути. Надо выходить. Есть вопросы?

– Да. – воскликнул Дэйтон. – Как спустя двадцать лет ты не забыла обо всех этих законах дикой жизни, ма?

– А как ты не забываешь дышать, сын?

– Что? – он действительно не понял вопрос.

– Двадцать лет назад эти правила стали для нас, как воздух. Я, как и ты, не забываю дышать. И это я не забуду никогда, сколько бы времени ни прошло.

.....

Мы перебрали наши вещи, но почти ничего не выкинули: у нас их не много и было,

Собрав волосы в пучок, как брат, я надела свитер и продела сумку через голову, чтобы удобнее бегать. Дэйтон выпил две таблетки от пневмонии и убедил нас, что чувствовал себя

намного лучше. Он сильный, я знаю, и он справится с болезнью даже к экстремальных условиях.

Пока мы с братом все перебирали и собирали, мама смотрела в дверную щелку:

– Мы можем выходить. Будьте тихими! Мутант может быть прямо тут.

Ночью Дэйтон подтащил к двери длинную деревянную тумбу, которую, вероятно, использовали как подставку для чего-то: может, для книг или, быть может, для телевизора. Папа говорил, что раньше у каждой семьи были телевизоры, и люди могли смотреть их, когда им вздумается. Этот факт казался мне невероятным: нам иногда разрешали посмотреть телевизор в школе, но только в познавательных целях. Было бы очень круто – смотреть телевизор каждый день.

Дэйтон взялся за верхнюю часть тумбы и оттащил ближе к лестнице. Мама приоткрыла дверь и выглянула на улицу. Сердце забилося чаще, хотя мы еще не вышли из дома. Оставалось надеяться, что мы найдем что-то получше палок и трубы.

– Все нормально! Там никого! Идем! – сказала мама, открыла дверь и спустилась по лестнице.

День сегодня был ясный, даже солнечный. Находясь в помещении с заколоченными окнами, трудно понять погоду, но она оказалась хорошей: приятный воздух пах даже как-то по-особому. В Сфере не было такого запаха: там всегда воняло людьми, дымом, электричеством и отчаянием, а здесь витал аромат травы и горячего асфальта.

Мама зашагала по тропинке, в противоположную от Сферы сторону. Дэйтон глубоко вдохнул и поплелся за ней. Спустившись с крыльца, я обернулась на дом, который был нам убежищем этой ночью. В темноте было непонятно, что он зеленый. Точнее, когда-то он был зеленым, сейчас он выглядел пошарпанным и серым, но куски зеленых крашенных деревяшек говорили о его далекой истории. Дом был невысокий, с треугольной крышей. Наверно, когда-то он выглядел очень мило, но сейчас он будто был вычитан из историй-ужастиков, и заколоченные окна дополняли этот образ на сто процентов.

Спасибо, дом! Ты, возможно, спас нам жизни.

Как только я направилась за мамой, она остановилась и обернулась ко мне с гневом:

– Закрой дверь, Алексия! Ты уже забыла все, что я говорила? Двери в таких домах всегда должны быть закрыты! Возможно, это когда-нибудь спасет чью-то жизнь.

Вот черт! Не смогла и пяти минут провести на улице, чтобы не облажаться!

Бегом вернулась и захлопнула дверь. Получилось громче, чем я рассчитывала, и когда я повернулась обратно, мама закатила глаза, а Дэйтон еле сдерживал смех.

.....

Мы проходили вдоль таких же домов, как и тот зеленый. Какие-то из них были раньше желтыми, какие-то темно-красными, некоторые синими, а некоторые, кажется, белыми. В Сфере все дома были серые или темно-серые, как асфальт и пасмурное небо. Интересно, почему людям не разрешили вернуться к ярким цветам после катастрофы?!

Кроме нас, на улице не было никакого движения: ни птиц, ни зверей, ни мутантов. Вероятно, это было из-за близости Сферы.

– Окей, сестра! Выкладывай! – Дэйтон оторвал меня от мыслей, пока мы проходили мимо разрушенного дома с отсутствующей передней стеной, через которую виднелась часть разграбленной комнаты.

– О чем ты? – не поняла я.

– Эти волшебные таблетки от пневмонии... Мне интересно послушать, как это было?

– Оу... Ну, это было страшно.

– Как ты пробралась в больницу? Стив помог?

– Да, он же там работает. Никто не может зайти в больницу, если не работает там, или не при смерти.

– А ему ничего за это не будет?

– Нет. Мы три дня это планировали, и я пробралась туда, когда он помогал в детском отделении. Его там видели, и никто не станет подозревать... я надеюсь. – я действительно не думала об этом раньше, но Стив убедил, что все будет нормально.

– Ты уже скучаешь по своему бойфренду? – подразнил меня брат.

– Он никакой мне не бойфренд! – огрызнулась я.

Такие разговоры при маме давались нелегко. Она не лезла, но точно слышала все, хоть и оглядывалась по сторонам.

– Стив вероятно бы с этим не согласился. Он был влюблен в тебя, сколько я его знаю.

– Ну, тогда понятно, почему он решил так безропотно помочь мне, когда я спросила, можно ли своровать таблетки!

Я бы не сказала, что это как-то меня задело, или я слишком удивилась. Наверно, в глубине души я подозревала о чувствах Стива.

Я никогда не любила кого-то. Долгих отношений у меня тоже не было. Впервые, мне очень сильно понравился парень, когда мне было семнадцать лет. Его звали Люк Тейлор. Он был из влиятельной семьи, его отец метил в правленческую верхушку Сферы, и когда ему это удалось, его жене и детям запретили всякое общение с людьми ниже его класса. Это случилось через две недели после того, как я узнала, что такое слово «секс» на деле. Больше меня никто не привлекал достаточно сильно для этого, тем более Стив Кэмпбелл. Не то чтобы он был уродом или глупым, просто не мой типаж. Люк был каким-то загадочным, что ли. В то время, Стив, как открытая книга. Не было в нем ничего такого, во что бы хотелось окунуться с головой. Ну, и хоть мы были ровесниками, Стив выглядел на пять лет младше, поэтому волей-неволей я воспринимала его, как брата.

Впервые, Дэйтона с девушкой я застукала четыре года назад, когда мама была на работе днем. Ему было пятнадцать. Он был очень популярен среди молодых девушек в округе. И я не помню, чтобы он встречался с кем-то больше месяца.

Меня или настораживал любой флирт в мой адрес, или он меня абсолютно не интересовал. Да, и парня, скажем так, не было подходящего: все в Сфере были какие-то замкнутые, пугливые или глупые.

– Ну и? Как ты туда пробралась? Где ты нашла лекарства? Как ты выбралась потом? Как тебя засекли? – пристал Дэйтон.

– Стив посадил меня в большой контейнер с рабочей одеждой для персонала и ушел. Контейнер со мной забрали санитары и отвезли в хозяйственный отдел. Потом я осталась одна, вылезла, переоделась в медработника и побежала на лекарственный склад. Стив мне заранее нарисовал на карте его местонахождение.

– Вау! Вот это моя сестра! Дальше? Что дальше?

– Ну, там был огромный склад со всем: длинные полки, и на них куча всего в алфавитном порядке. Я быстро нашла то, что нужно – Стив заранее написал мне название.

– Вернулась ты тоже через ящик со шмотками?

– Нет. Его должны были забрать только через два дня. Я бы умерла с голоду в нем... Стив сказал, что я спущусь по мусорной трубе, прямо в ту часть больницы, которая вообще не охраняется. Дальше нужно было только выйти за дверь и отбежать подальше от больницы. Ну, и снять медицинскую форму, конечно же.

– Хм, так и почему ты так не сделала? Решила развернуть шоу? – Дэйтон так легко рассуждал, будто его совсем не волновало, что у нас больше не было дома из-за этого. Но это лучше, чем осуждение в его глазах, как у мамы.

– По-твоему, я совсем сумасшедшая?! Я не успела дойти до мусорного отсека. Когда я проходила какой-то очередной охранный пункт, то один из санитаров, находящихся внутри, заметил меня и спросил, новенькая ли я, так как он меня прежде не видел. Он сказал что-

то типа: «Я бы запомнил такую красотку», и засмеялся, как психопат. – я постаралась максимально похоже изобразить мерзкий голос того придурка.

– Твоя красота подвела тебя! – с иронией подытожил Дэйтон.

– Да брось! Нет у меня никакой красоты! Просто попался какой-то кретин!

– Ладно, будем считать, что ты никогда не смотрелась в зеркало. И что дальше?

– Ну, один из охранников встал, пока все остальные смеялись вместе с этим придурком, и спросил, как меня зовут, и номер идентификационной карточки медработника.

– Оуч! – Дэйтон гримасничал, будто обжегся.

– Ага! И я побежала! Я не знала что делать, правда! Я просто... понеслась по коридору, что было сил. Я слышала, как за мной сначала была тишина, а потом следом погнались несколько пар ботинок. Меня спасло только то, что в одном из коридоров они на несколько минут потеряли меня. В этот момент, я уже вошла в мусорную спусковую трубу.

Вот и все, а остальное они знали сами.

– Это просто немыслимо! – выплюнула мама.

Я не отреагировала, так как не поняла, с каким смыслом мама сказала это, но она остановилась и продолжила:

– Ты хотя бы представляешь, КАК тебе повезло? – она сделала акцент на слове «как». – Ты как маленький ребенок! Ты глупая и высокомерная! Когда ты, наконец, вырастешь?

Мама, конечно, странная и особой любовью ко мне не отличалась, но чтобы вот так оскорблять меня – это было чересчур даже для нее.

– Мам, перестань! – сказал Дэйтон. – Ты преувеличиваешь!

– Ты лучше не лезь, сын! Сейчас ваши головы должны быть ясны, а мысли последовательны и логичны. Вы должны предугадывать любые ситуации, а Лекса рассказывает, как она ограбила больницу. Абсолютно. Не подумав. О последствиях. О нас. О дополнительных трудностях. Да, хотя бы о том, чтобы лицо закрыть защитной повязкой, проходя по больнице!!!

– То есть, ты злишься, что какой-то придурок обратил внимание на мое открытое лицо?! – сорвалась я.

– Нет, Лекса! Ты всегда была безрассудная. На все смотрела свысока! Думала, что тебе все под силу. Ничего с тобой никогда не случится, от чего нельзя было бы убежать – именно так ты думаешь!

– Мааам!

– Не перебивай, Дэйтон! Алексия, ты слишком легкомысленна! И если ты не будешь работать над собой, то ты не выживешь долго в этом месте. – она обвела руками, показав весь мир. – Пока стены тебя защищали, ты была, в каком-то смысле, неуязвима... но сейчас тебе нужно стать умнее. И научись думать не только по прямой и обратно.

Она закончила, и повисла напряженная тишина. Дэйтон исподлобья косился на меня, а я старалась спрятать маленькие капельки навернувшихся слез.

Мама быстрее пошла вперед. Мы молча следовали за ней. Пока слезы окончательно не высохли, я смотрела себе под ноги, не отставая от тени Дэйтона.

Мелкая тропинка перешла в широкую дорогу, которая раньше, наверно, была центральной, или что-то типа того. Здесь стояли серые светофоры (я знала их по картинкам). Раньше они контролировали потоки машин, потому что их было очень много. Деревянные однотипные домики сменились на высокие каменные здания с множеством разбитых окон.

Минуя перекресток, возникло ощущение, что эти высокие дома, как сплошная стена, без конца тянулись прямо в небо в четыре стороны.

По бокам от дороги стояли ржавые старые машины: колес у большинства не было, и стекла все выбиты. Мы один раз ехали с мамой в машине безопасников, когда нас везли к отцу в последний раз, но я не видела в Сфере такое количество машин – здесь их была целая куча!

– Мам, расскажи что-нибудь, пожалуйста! – заскулил Дэйтон нарочно высоким голосом.

Мама тяжело вздохнула, хлопнув руками по ногам, будто оттряхивала пыль.

– Опасайтесь людей! Живых, я имею в виду.

Дэйтон обернулся ко мне, и у него отобразилось такое же изумление на лице, как у меня. А мы действительно были очень похожи, и эмоции у нас одинаковые.

– Объяснишь, почему? – недоверчиво спросил брат.

– Люди в Сфере уверены в своей безопасности, сытости, и боятся безопасников, поэтому они практически не опасны друг для друга. Но здесь люди вы-жи-ва-ют! А выживание иногда зависит от одного контейнера с едой или бутылки воды. Если у вас есть какое-то оружие, оно может приглянуться другому человеку. – она обернулась, но посмотрела только на меня, не на Дэйтона, а затем продолжила:

– Лекса, тебе бы пора также знать, что мужчины из этого мира могут не спрашивать разрешения, чтобы что-то от тебя получить. Особенно, учитывая твой возраст и внешность.

– Да, что не так с моей внешностью? – спросила я.

Мама резко развернулась:

– Хватит прикидываться! Ты прекрасно меня поняла! За два года дикой жизни до Сферы, меня пытались изнасиловать шестнадцать раз. И четыре из них – во время последних сроков беременности, с огромным животом.

У меня перехватило дыхание: не хватило воздуха. Я не то чтобы никогда об этом не слышала, я и представить не могла.

Мама тут же расстроилась из-за того, что сказала это. Потерев лоб рукой, она уставилась в пол и минуту ничего не говорила:

– Люди могут быть очень жестокими! Особенно когда нет законов и тех, кто следит за их соблюдением. Мы с вашим отцом сначала старались помогать тем, кто оказывался рядом, даже найденную еду и оружие давали... Но очень быстро те, кто выжил, одичали и поняли, что теперь сам Бог им нипочем. И мы также поняли, что доверять в этом пораженном мире больше никому нельзя.

– То есть, мы будем убегать от любого живого, который попадется на пути? – уточнил Дэйтон, после того как проглотил еще таблетку.

– А ты так уверен, что мы кого-то встретим?

– Ну не знаю... Должны же быть еще люди, кроме нас?

Мама задумалась и направилась вперед, так и не ответив на вопрос сына.

Она шла, постоянно изучая все вокруг. Неосознанно, я начала делать так же. Дома все еще высились до неба, но хлама на улице стало больше.

Машины теперь валялись не только на обочине, но и прямо на дороге, будто их разбросал какой-то гигантский ребенок. Видимо, военные специально расчищали дороги, которые находились ближе всего к Сфере.

Здесь было много мусора на улице: осколки стекол, сгнившие старые коробки, какие-то тряпки. Трава росла из дырок в асфальте, и сквозь выбитые стекла я увидела, что коварные кусты также пробрались на первые этажи каменных зданий.

Запахов тоже прибавилось: теперь к траве и асфальту присоединился металлический привкус. Все это напоминало каменные джунгли, только вот аборигенов и зверей не было.

Солнце стало светить ярче. Дэйтон снял кофту, и завязал на поясе. Я последовала его примеру.

При легком ветре до нас доносился запах гниющей курицы, но он был настолько слабый, что сложно было утверждать, что это.

– Я думаю, что мы не встретим простых путников на дороге. Возможно, удастся найти какое-то поселение выживших. – мама наконец ответила на последний вопрос Дэйтона, который задал его полчаса назад.

– Поселение выживших, как в Сфере? – спросила я.

– Нет, скорее небольшое поселение. Я слышала, что такие есть. По слухам, Сфера помогает им, но, думаю, они сами себя обеспечивают.

– Так значит, мы ищем такое место? – воодушевился Дэйтон.

– Ну... если там будут хорошие люди, то возможно...

– Но как мы поймем, что они хорошие? – спросил он.

Мама так звонко засмеялась, что я вздрогнула. Это было слишком неожиданно: я не слышала ее такой натуральный смех очень давно.

– Хорошие будут те люди, которые не убьют нас в течение пяти минут после встречи. – сказала она, продолжая хихикать.

Да уж! Это был самый необычный семейный разговор за всю мою жизнь. Но должна признать, мама говорила стоящие вещи – сама бы я до них точно не додумалась.

.....

Мы брели целую вечность. К счастью, солнце перестало излишне жарить. На ходу мы выпили еще бутылку воды.

Дэйтон съел две таблетки и выглядел неплохо. Волосы он распустил и теперь был небрежно красивым. Глаза уже не были такими опухшими. Кажется, ему действительно полегчало.

Я не проронила ни слова, пока мы шли. Мама с Дэйтоном о чем-то беседовали: что-то про дома, которые мы проходили – она назвала их офисами и рассказывала, что там делали раньше. А меня не покидал один вопрос, и я решила задать его:

– Мам! А почему мы не встретили ни одного мутанта до сих пор?

Кажется, я их перебила, и на секунду мне показалось, что сейчас из-за моих ужасных манер начнется очередной скандал, но в этот раз обошлось:

– Наверно, из-за близости Сферы. За те два года я поняла, что эти твари не тупые – они могут учиться. И они отлично улавливают суть охоты. А если нет людей в их досягаемости, то они уходят искать в другое место. Но это лишь мои догадки.

– А может быть такое, что ... ну ... они вымерли? – спросил Дэйтон.

– Вряд ли! Когда у них нет еды, они просто... замирают, что ли. Но мгновенно реагируют на звук или запах. Я уверена, что их стало гораздо меньше, – слово «гораздо» она растянула, – Но они есть, и они появятся в самый неожиданный момент. Они всегда так делают.

Несколько минут мы топали в тишине: каждый думал о своем или переваривал услышанное, и мама добавила:

– Мутанты могли стать медленнее из-за нехватки пищи. Но, запомните, если это новообращенный мутант, или если он только что поел, то вам от него не убежать. Если погоня началась, то вам в любом случае придется с ним столкнуться. Они не устают. Никогда! А вы можете вымотать все силы в надежде убежать от него. Лучше сразу постарайтесь прикончить ублюдка.

– Вот это да! Мамуля знает плохие слова! – естественно, Дэйтон не оставил это без внимания.

– У тебя научилась. – усмехнулась мама.

Мы вместе посмеялись, чем значительно разрядили обстановку. Мама уточнила, все ли мы запомнили, и после положительных кивков головой, продолжили путь в молчании.

К тому времени солнце уже опускалось к земле.

Учитывая ситуацию, мне бы следовало думать о мутантах, еде, воде и ночлеге. Но все, о чем я могла думать – это мама. Я была ошеломлена ее перевоплощением в женщину-героиню. Эта вообще моя мать? Та самая, которую я знаю двадцать два года? Она всегда была будто далеко и в жизни столько не разговаривала, сколько за последние сутки. Я даже не сомневалась, что она «чутьочку не-в-себе». Слишком опекала Дэйтона, иногда могла часами сидеть неподвижно и смотреть в одну точку. Когда я что-то делала не так, она могла накричать на меня абсолютно несвязными фразами, или сделать вид, что она призрак, и ничего не замечает.

Сейчас же я видела женщину, которая четко знала, что делала, и что делать дальше. Кажется, у нее даже осанка изменилась. Неужто, это свобода от Сферы на нее так подействовала?!

Когда отец умер, мама только и делала, что сидела и смотрела в «никуда». Она ходила на работу и обратно. Она перестала покупать еду – это стала делать я. Она перестала убираться дома – Дэйтон в итоге взял это на себя. Мать практически не разговаривала, и она никогда не плакала: у нее умер муж, с которым она прожила двадцать пять лет, а она даже слезинку не обронила. Лишь взгляд изменился... он стал пустым, без блеска... тусклым. И за два года без папы она сильно постарела – не во внешности, а во внутреннем состоянии.

Теперь она будто оживала и раскрывалась. И я не знала, как к этому относиться: прежняя мама меня не устраивала, но я хотя бы ее знала. Эту новую маму-воительницу я не знаю вообще. Может быть, она даже меня пугает!

Время близилось к вечеру. Солнце низко.

Полчаса назад мы останавливались на перекус, прямо на дороге. Особо не разговаривали, так перекинулись парочкой фраз. Дэйтон что-то спрашивал – мама отвечала.

Кажется, Дэйтона это путешествие по краю смерти очень даже возбуждало. – он уже спросил обо всем на свете, и уж точно отчаянным он не выглядел.

Я распустила волосы, расчесала пальцами и заправила за уши. А кофты нам с братом пришлось снова надеть: без солнца стало прохладно, и ветер все чаще напоминал о себе.

Минус один контейнер с едой и одна бутылка воды. Мы решили, что будем использовать один контейнер на троих за раз. Таким образом, еды хватит на большее количество дней.

По-прежнему ничего не шевелилось, кроме нас. Иногда меня одолевали страхи, что кто-то следил за нами, и ждал, когда мы совсем расслабимся, или просто выжидал наше следующее место ночлега. Как я ни старалась гнать такие картинки прочь, но тщательно осматривала окружающие здания и машины, которых, кстати, стало еще больше, так же как ихлама. Теперь везде валялся мусор, и даже одежда.

Только вот запах тухлятины стал чувствоваться резче. Все еще было трудно определить, на что он похож, но теперь он явно витал в воздухе и без ветра.

– Я один чувствую эту вонь? – спросил Дэйтон, читая мои мысли.

– Нет! Не один... – мама резко остановилась и шикнула. – В тот дом! Быстро и тихо! – она побежала вправо в сторону высокого здания, у которого все стекла на первом этаже были выбиты.

Мы сразу помчались за ней. Сердце застучало в ушах. Что случилось?! Почему и куда она побежала?

Мы добежали до ближайшей оконной рамы без стекла и пролезли через нее внутрь дома, прямо в какой-то куст, который уже давно нашел себе щель в асфальте для возрождения. Мама разгребла руками ветки и листья и села прямо за этим самым большим кустом. Мы сели рядом.

– Мам?! – голова Дэйтона вертелась, как у совы, в поисках угрозы.

– Тихо! – прошипела она.

На долю секунды у меня промелькнула мысль, что она сошла с ума. Но через мгновение мы услышали шум, возникший с прилегающей дороги следующего перекрестка, до которого мы почти дошли, прежде чем мама рванула в кусты.

Я настолько сильно сжала свою палку в руке, что пальцы онемели. Никто ничего не сказал. Мы лишь пригнулись пониже и прислушались.

Это был звук мотора, и он двигался достаточно быстро. Мы пока не видели саму машину, но, по-видимому, она скоро появится из-за угла.

– Делайте, что скажу! Никаких пререканий! – прошептала мама. – Лекса? – она глянула на меня.

– Да! Я поняла! – ответила я.

Машина появилась. Это был джип как у безопасников, только он был разукрашен красками – черной и красной – но что нарисовано – не разобрать. Мутанты не водили автомобили, значит, внутри были люди. Но из-за темных стекол – непонятно, сколько и кто там.

Машина выехала на перекресток и повернула в нашу сторону.

Я не боялась. Не знаю, почему сердце стучало громче, чем звук мотора, но я не ощущала страха и не упускала мысли, что они могли оказаться вполне нормальными и дружелюбными. Может, они из какой-нибудь общины и подскажут нам направление. Но высказать свою теорию вслух я бы не решилась, потому что Дэйтон насторожился, как охотничий пес. Мама тоже.

Они проехали рядом, но нас было не видно за этим кустом на таком расстоянии. Если мы сейчас не выйдем к ним, они могут уехать, и мы так и не узнаем, откуда они.

– Мам, может нам...

И машина остановилась!

– Тс! – резко шикнула мама.

Они остановились прямо между нами и противоположным домом – до нас им было метров двести, не больше. Все двери открылись друг за другом, и из машины вышли четыре мужчины. Они были высокие. Трое в кепках. Одежда была испачканная и совсем не похожая на вещи в Сфере. Либо мое воображение играло со мной, либо это были пятна крови на их вещах.

Мне перехотелось поговорить с ними, потому что у каждого было внушительное оружие: у одного – два пистолета, у другого – автомат, у третьего – автомат в руке, и пистолет прямо за поясом, у водителя – один пистолет в руке.

Мы перестали дышать. Теперь мне стало страшно. Эти мужчины выглядели так, будто их главная цель в жизни – убивать живых и мертвых. Было бы глупо надеяться, что такое количество оружия они взяли с собой, чтобы истреблять лишь мутантов, но проверять эту теорию никто не собирался.

– Что будем делать? – шепнул Дэйтон, но даже от этого звука я вздрогнула.

Мне потребовалось набраться смелости, чтобы оторвать взгляд от незваных гостей и посмотреть на маму с братом. Лицо Дэйтона выглядело настолько серьезным и сосредоточенным, что он казался старше на пятнадцать лет. Мама же неотрывно следила за дикарями:

– Сначала посмотрим, что они будут делать.

Развернувшись обратно, я наблюдала за мужчинами в кровавой одежде. Закурив, трое из них смеялись и обсуждали что-то, пока четвертый обсматривал округу.

В Сфере запрещено курить, но многие взрослые люди делали это, пока поблизости не было патруля. Молодежь тоже воровала сигареты у взрослых и покуривала, но это была дикая редкость.

Они топтались около машины примерно минут пять, затем один из них показал пальцем на наш дом. Я клянусь, сердце в этот момент остановилось. Кажется, я слышала, как Дэйтон сжал челюсть и свою трубу в руке, когда двое из них взяли оружие в руки. Мама еле слышно шепнула:

– Не шевелитесь!

Все незнакомцы посмотрели в нашем направлении, но взгляд их пал не на первый этаж, а на верхние: они изучали все здание целиком, а значит, не подозревали о нашем присутствии.

Спустя минуту, которая тянулась чертовски долго, двое из них указали на противоположный дом. Один что-то доказывал другим, размахивая руками. В итоге все четверо закрыли двери машины и направились в сторону противоположного дома. Мы синхронно выдохнули от облегчения.

Осмотрев подходы к первому этажу, двое зашли с одной стороны, третий с другой, а четвертый – водитель – ушел подальше за дом и тоже исчез в темной высокой траве.

– Приготовьтесь! – сказала мама.

– Что? Что, черт возьми, значит «приготовьтесь»? – прошипел Дэйтон с глазами размером с тарелки.

– Мы сейчас побежим к машине!

– Мам, ты это серьезно?! – брат устался на нее, как на сумасшедшую.

Но мама его не слушала. Она приподнялась, собираясь встать, и покрепче сжала свою палку двумя руками, затем глянула на нас и сказала:

– Абсолютно, сын! Мы сейчас угоним джип!

Секундная тишина, в которую Дэйтон просто пялился на нее, прежде чем сказать:

– Да, конечно, без проблем, мам!

Перебросив трубу из правой руки в левую и шурша всеми соседними кустами, Дэйтон встал в полный рост.

Дальше все происходило очень быстро. Нас еще не было видно с дороги, когда мы выбрались из укрытия.

– Держитесь рядом со мной. Оружие наготове. Следите за ними, если кто-то будет возвращаться, то сразу прячемся или убегаем. Делайте все как я. – прошептала мама и начала выбираться из здания через окно.

Мы друг за другом помчались в сторону машины. Я пыталась углядеть кого-то из мужчин, но надеялась, что ни одного из них больше не увижу никогда. Если сейчас кто-то появится здесь, кроме нас, у меня разорвется сердце. Я это точно знаю.

До машины мы добежали почти бесшумно. Мама прижалась к передней двери машины. Тут донесся какой-то звук справа, куда ушел водитель – мы вплотную присели к боку джипа. Если водитель был там же, куда ушел, то ему нас не видно.

Мы переглянулись друг на друга. Дэйтон тяжело дышал... лишь бы не закашлял от такого стресса, иначе нам конец.

Мама мелком глянула через окно машины и сказала:

– Он зашел обратно. У нас есть шанс. Аккуратно открывайте заднюю дверь и тихо залезайте туда. И не захлопывайте, пока мы не поедem. Готовы?

Черт, нет, конечно, не готовы! Но я не сказала это вслух, а лишь молча кивнула, чувствуя, как рвота поднимается к горлу.

Дэйтон нажал на ручку задней двери, и через глухой щелчок она открылась. Я уже вскарабкалась внутрь, когда услышала щелчок с маминой стороны – она тоже открыла дверь.

Я не осмелилась глянуть в окно от страха, что меня заметят.

На сиденьях были какие-то жестяные банки и пакетики от орешков, которые шуршали от каждого моего движения. Также здесь валялась грязная одежда в кровавых пятнах, отчего меня затошнило еще сильнее. Будет неловко, если я сейчас заблую здесь все.

Когда Дэйтон залез рядом и прикрыл дверь, оставив маленькую щель, я все же приподнялась к краю стекла и глянула в сторону дома с незнакомцами. В его глубине был один, блуждающий с фонариком, но больше никого.

На месте водителя мама вжалась в кресло от нервов, невзирая на всю ее уверенность. Удостоверившись, что мы залезли и ждем команды, она прошептала «Сейчас!» и повернула ключ под рулем.

Грохот заводящегося мотора разнесся по всему миру. Машина дернулась в ту секунду, когда я закусила до боли губу, а Дэйтон схватил меня за руку.

Одновременно с криками и ругательствами ограбленных незнакомцев, Дэйтон захлопнул дверь, и мама, вдавив педаль на полную, заставила машину унести с места преступления, как пуля.

Триумфальные возгласы Дэйтона сопровождались смехом мамы, а я даже рот не могла закрыть от удивления: такой широкой улыбки на ее лице я не видела никогда.

Глава 3

Мы ехали уже довольно долго, и если я правильно поняла, то вернулись на прежнее направление: мама завернула два раза направо. Было ощущение, что она стремится в определенное место, но я даже представить не могла – в какое?!

Долгое время ехали молча. Видимо, переводили дыхание и восстанавливались от пережитого стресса, а потом не могли остановиться с разговорами обо всем на свете. Дэйтон, конечно, расспрашивал про прошлое и про мамины способности (мы ведь даже не знали, что она умеет водить машину). А я беспрестанно таращилась в окно: дома мелькали быстро, а мне хотелось рассмотреть побольше деталей, тем более, что теперь – в машине – я чувствовала себя защищенной.

Из всего услышанного я поняла, что мама сразу обратила внимание, что водитель оставил ключи в машине (если бы не оставил, то мы бы тихо пробрались сквозь здание, в котором сидели, и выбрались с другой стороны).

Дэйтон все радовался и не переставал повторять, что мы теперь похожи на «долбанных» безопасников – ему уж очень нравилось это сочетание.

Мама снова дала жару, но больше всего удивило то, что она все еще умела улыбаться и по-детски радоваться. Такие стороны своей родительницы я не знала до настоящего момента.

– А сколько мы сможем ехать? – забеспокоился Дэйтон.

– Думаю, что часов десять точно, судя по горючему. – ответила мама. – Будем ехать, пока оно не кончится. Дальше снова пойдем пешком. Можете пока перекусить, а мне достаньте воды, пожалуйста.

Пока Дэйтон придумывал шутки на тему того, что раньше все воровали друг у друга машины, мама рассказывала, что в одной семье могло быть несколько машин: у каждого члена семьи. И у нее с отцом была машина, которую подарили наши бабушка с дедушкой за два года до Катастрофы.

Кажется, воспоминания из прошлого давались ей не особо легко. Иногда она говорила с ностальгией, а иногда с такой осязаемой печалью, что хотелось попросить ее замолчать.

Разумным решением стало обещание мамы – научить нас водить эту штуку, что невероятно обрадовало брата. Он даже усидеть на месте спокойно не мог, елозил как ребенок в ожидании подарка.

Между тем, снаружи стало просторней: дорога стала шире, машин и мусора на ней – поменьше. Вид за окном сменился с высоких зданий-офисов, как назвала их мама, на частные домики, у каждого из которых был свой разломанный забор, лужайки с высокой травой, на которых что только не валялось.

Сами дома были разрушены: они выглядели еще хуже, чем те, которые мы миновали сразу после Сферы. По этим домам ясно понималось, что их грабили и громили не раз, и не два. Но что самое интересное, так это дома с заколоченными окнами и закрытыми дверьми. Примерно каждые пять или десять минут я видела их то с левой, то с правой стороны. Некоторые из них были больше, чем тот, в котором мы ночевали; некоторые – совсем маленькие одноэтажные, но все они были полностью закрыты со всех сторон, и чаще всего, на их лужайках валялось меньше мусора, чем на остальных.

– А почему так много заколоченных домов? А все остальные полностью разгромлены? – спросила я, нарушив вновь устоявшуюся тишину.

– Я думала, что уже никто из вас не спросит, – вздохнула мама. – Дети, вам очень срочно нужно стать более ... наблюдательными, что ли. Сейчас я понимаю, что это наша с отцом вина, что мы не научили вас вовремя, когда был шанс, но сейчас вам необходимо очень быстро адаптироваться именно в этой среде. Запомните, здесь практически все хотят вас убить: одни

за тем, чтобы съесть; другие – чтобы отобрать все, что у вас имеется. Самое важное для вас – это всегда оставаться на чеку, всегда быть готовым к опасности. Если можете украсть авто – крадите. Если можете кого-то... убить... прежде чем убили вас, то убейте. Только так!

Ладно, это не совсем то, что я ожидала услышать на свой вопрос, но мама по-прежнему удивляла своими высказываниями. Убивать людей?! Серьезно?! Дэйтон заговорил первым:

– Мне кажется, ты преувеличиваешь! Мы уже вторые сутки в этом «дичайшем» месте, – сязвил он. – И не встретили ни одного мутанта, во-первых! Во-вторых, мы случайно наткнулись на каких-то тупоголовых «собираателей урожая», и лихо угнали их машину, даже особо не напрягаясь. В-третьих... – он сделал многозначительную паузу, осмотрев все вокруг и указав рукой по направлению его взгляда. – Здесь не так уж и страшно, мам! Солнышко светит, зелень всякая растет, куча заколоченных домов, чтобы ночевать в них. Черт, да мне здесь нравится больше чем в Сфере, я клянусь! – восторженно вскрикнул он напоследок.

Мама устало вздохнула, а я непроизвольно улыбнулась. Несмотря на сарказмы, я знала, что он абсолютно серьезен. А ведь на самом деле он только что сказал, что тут ему нравится.

– Дэйтон, Лекса! Вы смелые, я знаю это, как и то, что вы можете за себя постоять, но не нужно недооценивать опасность этого мира. Знаете, какой день был, когда первые люди превратились в монстров?! Один из самых прекрасных...

Мы с Дэйтоном переглянулись. О начале Катастрофы мы знали из уроков истории, но не из рассказов родителей. Странно, конечно, но мы не имели понятия, как это было у них.

– Это был потрясающий солнечный день, всеобщий праздник мира в стране. Люди раньше очень любили праздники, и в это время людей на улицах, в магазинах и ресторанах было намного больше, чем в другие дни. Я настолько хорошо помню тот день... У нас с вашим отцом были планы на него: мы собирались встретиться с друзьями и рассказать о том, что я была в положении. До этого момента все как-то не удавалось, и мне ужасно хотелось побыстрее сообщить об этом всему миру. Насколько я была счастлива...

Она замолчала. С заднего сидения я видела лишь ее профиль, но все равно заметила, что она сглотнула слезы, не позволяя им политься из глаз. Мы не торопили ее – если она хотела продолжить, то пусть сделает это сама.

– А потом все упали... Они просто упали... Вот мы идем и здороваемся, стараясь показать всем, что у нас есть маленький милый секрет, а все люди, окружающие нас, падают на землю. Самое ужасное в тот момент было – это звуки хруста костей. Где-то сразу начинала расплзаться кровь. Где-то люди лежали в таких неестественных позах, что даже взглянуть было страшно. Я даже передать вам не могу, какой ужас был у меня внутри... Майкл потрогал шею у самого ближайшего к нам мужчины. Ему не надо было говорить – я поняла, что он мертв. Я почему-то точно была в этом уверена еще до того, как Майкл повернулся ко мне. Затем повсюду, прям со всех сторон, стали раздаваться взрывы и грохот сталкивающихся автомобилей. Где-то далеко были слышны пронзительные крики женщины. Во многих местах стал подыматься дым. Где-то что-то падало, врезалось, взрывалось. Было очевидно, что не все упали. В конце улицы был человек – он пытался поднять кого-то с асфальта. И в другой стороне улицы около книжного магазина была маленькая девочка – она тянула руку женщины, плакала и просила ее встать. Я так хорошо помню бедняжку, будто это было вчера. На дороге лежало примерно две сотни тел... от кафе, в котором мы только что сидели, до конца аллеи.

Мама замолчала, а я чувствовала тяжкую грусть. Хоть Дэйтон сидел неподвижно и ослабленно, я знала, что он ощущал то же, что и я... мы как близнецы, только разного возраста.

Слезинка появилась на мамином лице, которую она сразу же вытерла пальцами, не дав ей докатиться даже до половины щеки. Она сделала это очень быстро, будто не хотела, чтобы мы смогли заметить это проявление чувств на ее лице.

– Майкл всегда был умным, он очень быстро соображал... Даже когда решал сложные задачки по математике, – она вымученно улыбнулась. – Всегда был первым и решительным.

И тогда он каким-то образом понял, что должно произойти что-то плохое, и потащил меня в сторону нашего дома, до которого было минут десять.

Мы всегда знали, как это началось. Нам рассказывали в школе и даже ролик показывали, где человек перелистывал картинки из прошлого. Но мы ни разу не слышали, как это было у наших родителей. Ведь они выжили сами, и два года выживали без Сферы. Наши родители стали одними из шестисот тысяч выживших в Сфере. На Земле жило семь миллиардов людей, а потом остались только шестисот тысяч, по крайней мере, тех, про кого точно было известно. И мои родители были одними из них. Были слухи, что Сфера связалась с другими выжившими из других стран: из Африки вроде, Китая. А в России были две большие Сферы, только они назывались у них по-другому. Но никто не знал, правда это или нет.

– Мы оббегали тела, перепрыгивали через них. Я помню, что не проронила ни слова, просто держала его за руку и бежала. И когда я уже видела наш дом, тогда это и случилось...

Мама замолчала, чтобы объехать большую сильно обгоревшую машину. Затем, снова набрав скорость, продолжила:

– Они стали двигаться. Все, кто упал замертво, стали шевелиться и вставать. Они издавали ТАКИЕ звуки и поднимались. Я подумала, что Майкл ошибся, и что они живы. Но когда наклонилась, чтобы помочь пожилому мужчине, ваш отец схватил меня в охапку и потащил к нашему дому. – она глубоко вздохнула. – Я сначала не поняла, но потом увидела глаза этого пожилого человека... О, Боже, сейчас я надеюсь, они все сдохли: или вымерли, или их всех убили! Потому что сам Дьявол смотрел на меня через эти глаза. Они были полностью залиты кровью с прозрачной пеленой. В них не было жизни! В них не было рассудка! Все, что я увидела в этом взгляде, который поймал именно меня, это пустоту и кошмарную тьму, которая засасывала внутрь.

Я уже не хотела, чтобы мама продолжала. Я совсем не так себе это представляла. Я думала, что все было не так страшно.

– Майкл затащил меня на лестницу и захлопнул дверь. Встряхнув меня, он пообещал, что все будет хорошо, и что мы сейчас должны быстро бежать наверх, на третий этаж в нашу квартиру. Я помню, что кивнула и побежала вслед за ним. На втором этаже мы столкнулись с Тэдом, нашим соседом, но он даже не шелохнулся. Он стоял на одной из ступенек, преграждая нам путь, и под ногами у него было немного крови, а глаза были точно такие же, как у пожилого человека на улице. Он смотрел на нас, и тогда я увидела голод в его глазах. У него было рассечено лицо вот здесь, – мама показала пальцем на бровь и провела вниз до самого подбородка. – Но он этого даже не замечал. Кровь залилась ему в правый глаз, но он даже не пытался моргать. Он вообще не моргал. И когда он кинулся на нас с невероятной скоростью, я лишь подумала, что не хочу никогда в жизни иметь такие глаза. Но ваш отец оттолкнул меня в сторону, перевалил Тэда через себя, и пока тот летел, мы уже бежали по ступеням в нашу квартиру. Пока Тэд вставал – а делал он это быстро – мы все же успели добежать до третьего этажа, открыть квартиру и забежать внутрь. В тот момент, когда Майкл хлопнул дверь и повернул защелку, в нее грохнул сильный толчок с другой стороны. Тэд побарабанил в дверь несколько секунд, затем просто скребся, а потом наступила тишина.

За время этого рассказа, кажется, я постарела на год и ни разу не вздохнула. Я была просто в шоке. Скулы Дэйтона дергались от того, что челюсти терлись друг об друга. Мама же, напротив, была абсолютно спокойна: все также держала руль, все также смотрела вперед, периодически объезжая разные препятствия на дороге, и продолжала говорить:

– Мы просидели дома шесть дней, пока еда не кончилась, и не выключились свет и вода в кране. Все это время мы ждали военных, армию, спасательные машины, объявление по телевизору, который проработал всего десять часов с момента начала конца, или по радио, которое нам в шутку подарили друзья на новоселье. Радио, кстати, продолжало работать все шесть дней, хоть и с большими помехами. По нему сообщали, что это происходит повсюду, буквально

на каждом клочке земли. Также сообщались некоторые места сбора выживших, или кто-то кого-то искал. А мы все сидели дома и смотрели в окна. В первый день, то, что творилось на улице, это сложно представить или пересказать... Каждый, кто не упал и находился на улице, был съеден заживо. Повсюду раздавались глухие крики, а мы наблюдали за этим, но ничего не могли сделать. Эти твари быстро бегали, и они вообще не тормозили: они просто врезались в жертву и рвали ее. И сразу же кусали, жрали, глотали, чавкали, облизывались. Меня рвало, наверное, раз десять, прежде чем я смогла спокойнее смотреть в окно. Потом криков стало меньше. Мутанты будто замирали, оживали, снова замирали, снова двигались. Это было хаотично и не поддавалось логике. Но если на улице появлялся какой-то человек, который где-то отсиживался до этого, то все ближайшие мутанты сразу неслись с бешеной скоростью в его сторону. Они сжирали его за несколько секунд. Но так было первые три дня. Потом люди перестали появляться на улице. На четвертый день эти твари стали не спеша уходить, в сторону далеких звуков выстрелов или взрывов. Видимо, они поняли, что тут уже людей не осталось, и стоит попытать счастье в другом месте. Они сделали это практически разом и все вместе. Вот почему мы стали наблюдать за ними потом и поняли, что у них есть стадный инстинкт. На шестой день улица опустела полностью, – мама глубоко вздохнула, потирая затылок. – Улица стала выглядеть прямо как сейчас, только без зарослей... и повсюду на асфальте была запекшаяся кровь.

Самым страшным осознанием после маминого рассказа было то, что я была вместе с ней тогда: у мамы в животе. Я уже жила, в каком то смысле. И если бы отец не оказался таким сообразительным, то я бы не родилась. Брат тоже.

Одна мысль о том, что Дэйтона могло не быть на этом свете, и меня резануло по сердцу. Я абсолютно не представляла своего существования без этого человека. Мама с папой – это одно, но мой брат стал второй половинкой меня. Я места себе не находила, когда он заболел. А когда врач сказал, что у мамы кончилась лицензия на получение медицинской помощи, а после добавил, что пневмония сама не пройдет, и скорее всего, через пару недель, Дэйтон умрет... тогда я могла думать только о том, где достать эти священные лекарства. Лицензию мы купить не могли, даже можно было и не думать о ней. Но я не могла сидеть, сложа руки – я бы лучше сама умерла.

Сейчас он выглядел лучше: глаза почти здоровы, и смуглый цвет лица вернулся, а то он казался бледным как молоко. Ему, конечно, не мешало бы надеть чистую одежду, а то футболка совсем стала грязная от кустов, травы, машины. Я, скорее всего, выгляжу не чище, но мне было плевать.

– Это, наверное, не совсем то, что ты ожидала услышать на свой вопрос, Лекса? – неожиданно спросила меня мама.

– Что?

– Ты спросила, почему заколоченные дома повторяются снова и снова?!

Ох, я и совсем забыла про этот вопрос.

– Эм, ну если у тебя есть ответ...

– Заколачивание дверей стало неким негласным ритуалом после начала мутации. Мы с Майклом встретили небольшую группу людей... Это были хорошие люди... И они попросили нас всегда закрывать за собой двери. Они просили об этом всех, кто встречался им на пути. Потом и мы стали делать так. Они верили, что такие дома хоть когда-нибудь смогут спасти чью-то жизнь. Ведь мутанты не открывают двери.

Это было невероятно гениально, в каком-то смысле, но я не высказала своего восхищения вслух.

– Видимо, эта традиция распространялась по всем выжившим двадцать лет, и теперь этих домов стало много. Это обнадеживает. Может, в этом мире остались не только ублюдки

и убийцы. – мама поджала губы в слабой улыбке, и мы продолжили ехать вперед и вперед, все дальше от Сферы.

Спустя полчаса выехали из города. Дома пропали вовсе, и появились густые зеленые леса. Я в жизни не видела столько деревьев и листьев. И все было зеленое и колыхалось от ветра. Выглядело потрясающе. Когда нам показывали картинки городских парков, я и не думала, что вживую это выглядит так! Это ведь настоящая природа, как и было задумано! И природа была прекрасна!

.....

Сама не заметила, как заснула в машине, пока мы ехали. Дэйтон, видимо, тоже уснул, так как была полная тишина. Я как бы дремала, но слышала гул мотора. Мне одновременно снился какой-то сон с деревьями, и вместе с ним я слышала мамин шепот: «Господи, я не молилась тебе двадцать два года, но, пожалуйста... Пожалуйста! Помоги нам, и сохрани жизни!» С этими словами я окончательно погрузилась в сон, где я бегала вместе с Дэйтоном среди деревьев.

.....

Проснувшись, я поняла, что мы стояли на месте. Машина заглушена, а вокруг полнейшая тишина и темнота. Вероятно, поздний вечер или ночь.

Во сне я развалилась на всем заднем сидении, а Дэйтон мирно посапывал на переднем пассажирском.

Спина ныла после неудобного сна, но мне было не до нее, так как я поняла, что мамы в машине нет. Вокруг тишина и темнота, а ее нигде не видно.

Все, что было понятно, так это, что справа и слева высокие и густые деревья. Мы на узкой дороге, которая довольно неплохо сохранилась.

Дэйтон мгновенно проснулся после моего толчка, и, оглядевшись, спросил:

– Что? Что случилось? Где мама?

– Я только проснулась. Я не знаю. Не вижу ее, а ты?

Он потер глаза костяшками пальцев и пошарил по сторонам, выпрямившись на сидении. Мамы нигде не было. Просто прекрасно! Что же теперь делать? Посмотрев вниз под руль, я обнаружила ключи в замке, а значит, мама должна быть недалеко.

– Дэйтон, надо выйти!

– Ты лучше сиди, а я пойду посмотрю.

– Но...

– Никаких но! Сиди!

Дэйтон открыл дверь и вышел, не забыв взять со своего сидения металлическую трубу. Если он ожидал, что я действительно буду сидеть в машине, то это не про меня. Если сдохнуть, то вместе – ужасный девиз, но какой есть!

Открыв свою дверь, я тоже схватила палку и направилась к нему, когда он уже сделал третий шаг в сторону леса. Дэйтон обернулся и закатил глаза – я не могла этого видеть, но точно знала, что он это сделал.

Пахло лесом: древесиной, листьями, землей и чистым воздухом. Гнилой запах перестал нас преследовать, как только мы выехали из города. И мне казалось, что я слышала нечто похожее на птицу. Мы редко их видели или слышали, но звук я помнила. Наверно, в лесу их было больше, чем в Сфере.

Больше всего меня поразил воздух. Им хотелось надышаться – настолько он был свежий и чистый.

Но вся эта романтическая природа не смягчала чувство полнейшего хаоса. Мне было интересно, мог ли человек постоянно находиться в таком стрессовом состоянии, постоянно бояться. Уверена, что это не свойственно человеческой натуре.

Поравнявшись с Дэйтоном, я попыталась взглянуть в ближайшие деревья. Еще пару шагов, и мы бы коснулись первых из них, но пока не решались сойти с очищенной кромки леса. Ни звука, кроме далекой птицы в лесу.

Дэйтон достал из-за пояса фонарик и включил его. Черт, а вот я свой забыла. Какая же идиотка! Он покосился на меня с упреком, а я невинно пожала плечами. Мне нужно было вернуться в машину за фонариком. Без него от меня никакого толку. Я даже ничего не видела прямо перед носом.

Я прошептала ему, что сейчас вернусь. Он кивнул и направил луч света прямо в глубину леса, оставаясь за его пределами. Добежав до машины, я нашла фонарик на полу за водительским сидением и мысленно отругала себя, что разбрасываю вещи.

Фонарик сначала включился, потом погас, потом поморгал и снова выключился. Захлопнув дверь машины, я постучала фонариком об бедро – он снова включился и погас. На секунду противоположная сторона леса сверкнула от моего света, а потом снова окунулась во тьму. Я подняла фонарь повыше и сильнее ударила его другой рукой – он снова зажегся, чуть-чуть помигал слабым светом, а затем снова погас. Но этих вспышек оказалось достаточно для того, чтобы я увидела силуэт на другой стороне дороги прямо в деревьях на краю.

Там стоял человек...

– Дэйтон?! – шепнула я и сделала шаг назад.

... или мутант...

– Дэй?! – позвала громче и сделала еще шаг.

Ужас сковал лодыжки.

– Брат?! – всхлип вырвался вместе с отчаянием.

– Что? – он был прямо за мной.

Я указала ему пальцем в ту сторону, не отводя взгляд.

– Там! Там кто-то стоит!

Луч его фонаря моментально стрельнул в ту сторону и начал шарить по ближайшим деревьям, но там уже никого не было. Никакого силуэта. Я начала судорожно стучать фонариком, и он, наконец, загорелся. Я, как сумасшедшая, крутилась вокруг себя и обсмотрела все, что попало под свет.

Дэйтон беспокойно пялился на меня. Он верил мне, я знала! Он не думал, что мне это померещилось. Хотя лучше пусть мне это померещилось...

Когда за нами резко зашевелились кусты, мы одновременно с братом развернулись в ту сторону. Надо сказать, выглядели мы нелепо: в левой руке – фонарь, в правой – труба и палка. Сердце стучало так, что оглушало.

Это была всего лишь мама.

Она остановилась сразу, как вышла из леса, и озадаченно глядела на нас.

– Что-то случилось?

– Нет... – соврал Дэйтон. – Мы просто потеряли тебя. Куда ты ходила?

– Вы должны были сидеть в машине!

– Мам! – Дэйтон взбесился. – Мы волновались за тебя. Ты должна была разбудить нас, прежде чем уйти гулять по лесу ночью.

Она кивнула:

– Да, ты прав, сын! Извини! – для всех снова стало открытием, что мама умела извиняться. – В машину. – скомандовала она.

Дважды повторять не надо. Мы уже были около нее, открыли двери, залезли и захлопнули их на замок. Хватит с меня ночных приключений! Не уверена, насколько машина могла защитить нас, но в ней было гораздо спокойнее.

– Сейчас мы поедем через лес. Этот внедорожник должен справиться, если ехать медленно. Я ходила посмотреть, можно ли там проехать на машине, чтобы не идти ночью пешком,

и почти уверена, что можно. Тем более, мы не можем оставить ее здесь. Бензин еще есть, она нам пригодится. – на последней фразе она повернула ключ, и мотор разразился громким ревом.

Мы тронулись с места и медленно съехали в лес. Там как раз было расстояние между деревьями, чтоб мы могли проехать. Нас трясло и кидало из стороны в сторону, как только мы съехали с дороги, но машина двигалась, хоть и медленно.

– Не сочти мой вопрос бестактным, но куда мы едем, мамуль? – спросил Дэйтон.

– В наш бывший дом. До него минут тридцать.

Мы переглянулись с Дэйтоном.

– Что? Какого черта? Какой еще дом, мам? – брат уже злился от такого количества неизвестного и непонятного вокруг.

Мама постоянно крутила руль то в одну сторону, то в другую, глядя впереди. Она что-то щелкнула слева, и света от фар будто стало гораздо больше, и теперь все освещалось шире и выше, как от большого фонаря.

– Мои родители подарили нам машину, а родители Майкла – домик. Мы очень хотели небольшой дом, где-то в глуши, подальше от городской суеты, грязного воздуха и дорог. Когда ваши бабушка и дедушка узнали, что у них скоро будет внук или внучка, они купили нам этот домик. Мы были в нем только несколько раз.

– Хорошо! У нас есть как бы свой дом. Это хорошо! – подытожил Дэйтон. – Но разве к нему нет обычной дороги? Вы к нему через лес пробирались?

Брата напрягала лесная поездка во тьме, и я его прекрасно понимала: все вокруг выглядело, мягко говоря, зловеще. Из-за кочек, на которых машину постоянно потрясывало, свет от фар менял угол. И от этого мерещились разные силуэты – они как будто двигались по деревьям, по земле. Конечно, это просто игра света и тени, но, черт возьми, все это дерьмо окончательно подпортило мои нервы.

Я бы никогда не сказала вслух, но я была бы счастлива проснуться в Сфере прямо сейчас.

– Сын, прошло двадцать два года! Раньше здесь была проселочная дорога. Ее только собирались закладывать асфальтом, но не успели. За двадцать лет она полностью заросла деревьями. Вон там слева деревья чуть-чуть ниже, чем справа. – она показала влево рукой. – Как раз там и была узкая дорога к нашему дому.

Посмотрев туда, куда она показала, я заметила, что стволы тех деревьев тоньше, и они не такие высокие, как соседние.

– Все ясно! – успокоился Дэйтон, изучив доказательства маминых слов. – Нам это на руку! Была бы дорога, то этот дом было бы легко найти. Может, есть вероятность, что он и не разгромлен до основания.

Мама повернулась к нему и улыбнулась, прежде чем снова вернуться к дороге. Вероятно, он высказал то, на что она надеялась, вызвав материнскую гордость за догадливого сына.

Пока мы молча пробирались сквозь деревья, я вспоминала силуэт у деревьев, который увидела во вспышках фонарика. От одного воспоминания в горле пересохло. Скорее всего, мне померещилось. Ну, кто это мог быть?! Человек там быть не мог, иначе он бы сам подошел или окликнул нас. Мутанты, вероятно, сразу же кидаются на людей, а не прячутся в кустах. Кивнула своей собственной логике. Мне померещилось, по-другому и быть не могло.

Мама рассказала нам про ориентиры, по которым нужно следовать, чтобы найти лесной домик. Особо ничего сложного: от Сферы по северной дороге до бывшего города Чарльтона (так, оказывается, назывался город, в котором мама с папой жили до Катастрофы). От него еще сохранились указатели, поэтому мама без труда вспомнила дорогу. Через шестьдесят километров с границы города будут три дорожных знака: первый – большой с пожеланием хорошей дороги; знак скоростного ограничения «пятьдесят километров»; и третий – знак сужения дороги. Как сказала мама, она поэтому не хотела нас обнадеживать заранее. Боялась, что этих знаков уже нет, и она не сможет найти дорогу. Но все три оказались на месте, хоть и изрядно

выцветшие за двадцать лет. Наконец, после трех указателей необходимо проехать еще один километр и свернуть в лес.

Мама еще некоторое время пыталась на словах объяснить, как выглядят эти дорожные знаки, а потом заставила нас повторить весь план движения. Дэйтон повторил все без запинки, а я, естественно, запуталась в знаках, на что мама сразу же выдала мне тираду о том, какая я невнимательная и безответственная.

Успокоившись, она рассказала, что это наш отец придумал эти подсказки для нее. Оказывается, мама абсолютно не могла запомнить дорогу к их домику, когда они его купили, и папа написал ей это объяснение на бумаге и засунул в бардачок машины. Дэйтон не забыл восхититься изобретательностью отца:

– Это было гениально... особенно учитывая наше положение сейчас. – сказал он. – Кстати, мы не смотрели, что есть тут в бардачке. – и он открыл бардачок. – Вот это же, черт возьми, да! – воскликнул он после секундного шуршания внутри.

И брат достал оттуда пистолет: настоящий, черный, гладкий пистолет. Вот это находка как раз вовремя – это точно. Мы все обрадовались. Даже атмосфера заметно разрядилась.

– Мам, ты умеешь им пользоваться? – спросил Дэйтон, щупая пистолет со всех сторон.

– Да, умею, и вас научу! А пока лучше положи его поверх сумки.

Дэйтон сделал, как она сказала, хоть и с большой неохотой. Приобретение пистолета явно вдохновило нашу команду. Не я одна чувствовала себя увереннее и смелее. Да, он был один, а нас трое, но из нас все равно только мама умела обращаться с оружием, поэтому я не переживала.

– А Чарльтон, – спросил Дэйтон. – Это город, в котором Сфера находится?

– Нет, но он недалеко. Мы проехали окраину Чарльтона, пока вы спали.

– А тебе не хотелось заглянуть туда? Это же твой родной город? – спросила я.

– Господи, да вы как близнецы, перенимаете слова друг друга! – вздохнула мама. – Я не знаю, Лекса! Наверное, хотелось и не хотелось одновременно. Этот город напоминает мне о Майкле больше, чем что-либо еще.

Мама так скучала по папе, что все, связанное с ним, давалось болезненно. Каково же будет ей войти в их общий домик?! Но у нас не было выбора. Либо мы доберемся до домика и засядем в нем, либо заночуем в машине, прямо в этом лесу во мраке. При последнем варианте мне сразу же захотелось застрелиться... ведь теперь и возможность такая была.

.....

Мистер Уокер опоздал к назначенной встрече в главный кабинет Президента, чем уже успел подпортить предвкушение от своего появления. Тем более что направлялся он туда отнюдь не с хорошими новостями.

Полковник Паркер уже был в кабинете и нервно постукивал указательными пальцами друг о друга, пока Президент изучал материалы дела и ожидал последнего приглашенного участника совещания.

– Прошу прощения, господа! – выдохнул мистер Уокер, ворвавшись в кабинет.

– Наконец-то! – сказал Президент и жестом пригласил начальника по безопасности присесть на соседний роскошный стул, подобранный в тон к темному деревянному столу. – Надеюсь, Вы с хорошими новостями, мистер Уокер.

– Увы, сэр! Мы с Паркером обыскали все вокруг и обнаружили лишь следы беженцев. Они вышли через обнаруженный нами выход за старой церковью, затем ночевали в заброшенном доме. На северной дороге они угнали машину у отряда Гроджстауна, а дальнейшее их направление отследить не удалось.

– Что за отряд Гроджстауна? – удивился Президент.

– Головорезы Блэка, сэр, из северной части.

– А они не рассказали, как две девушки и мальчика смогли угнать машину у профессиональных охотников?

– Нет, сэр! Все, что мы от них услышали, так это нескончаемый поток ругательств.

– Понятно! Это дело Блэка, а не мое. Скажите, мистер Паркер, как же вы так успешно отследили их место ночлега и передвижение, но до сих пор не поймали их?

– Сэр, мы изначально пошли неверным путем, поэтому отстали на несколько шагов. О той самой дыре в стене было неизвестно, и мы ушли к восточному проходу, тем самым дав фору преступникам. А ночлег обнаружили ищейки, которые вывели нас потом на охотников.

– Как бы слаженно вы не работали, итог выходит один: сейчас вы не в курсе, где они?

– Нет, сэр, но мы работаем! – судорожно сглотнул полковник.

– Старый адрес есть? – спросил Президент, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да, Чарльстон, проверяем, сэр! – ответил мистер Уокер.

– Машины описали?

– Конечно, сэр! – ответил полковник.

– Что с охотниками?

– Наши люди отвезли их в Гроджстаун, дальнейшие действия Блэка – неизвестны!

– Предупредите его, что если он найдет семью Ройс раньше, он должен будет передать их мне... за любую устраивающую его цену!

– Есть, сэр!

Президент встал, собрал свои бумаги и направился к выходу. Ему не нужно было ничего говорить более. Мистер Уокер и полковник Паркер прекрасно знали, как облажались. Единственное, о чем сейчас каждый из них думал, так это, куда Лекса Ройс могла направляться.

.....

Остаток пути мы ехали в тишине. Каждый думал о чем-то своем и не считал нужным поделиться своими мыслями вслух. Когда мама затормозила, а потом остановилась, я не сразу поняла почему. Вокруг была такая же беспросветная тьма и деревья с пугающей тенью.

Вглядевшись вглубь леса, я увидела силуэт, отличающийся от деревьев. Это был дом. Двухэтажный небольшой дом с расчищенной лужайкой перед ним.

Мама оставила фары включенными: они давали немного света на угол дома. Затем она взяла пистолет, что-то пощелкала и вышла из машины, держа в руках его и фонарик. Мы последовали за ней со своим многообещающим оружием.

На улице было очень тихо. После постоянного гудения мотора и тряски на лесных кочках, казалось, что слишком тихо. Лишь какая-то птица недалеко «ухала» в свой воображаемый такт.

А пахло так, как в деревообрабатывающей мастерской, куда мы с Дэйтоном несколько раз приходили к папе. Он работал там, когда мы жили в Сфере. Туда никого не пускали, но несколько раз папе удавалось провести нас и показать свою мастерскую. И что я действительно хорошо запомнила, так это запах... Запах разных деревьев, смолы, влажной древесины. Тогда этот запах показался мне странным, но сейчас я считала, что природа совершенна в своей деятельности.

Мы водили своими фонариками влево, вправо, назад и на дом, пока подходили ближе. С виду он был очень даже спокойный. Но все окна на первом этаже были заколочены деревянными досками, а на втором – целые застекленные. Это значит, что люди здесь побывали. Передняя дверь была закрыта, и мама сказала, что есть еще одна с задней стороны дома.

– Я сейчас дойду до другой двери, а вы пока подождите здесь. Наблюдайте за лесом и прислушивайтесь. Вдруг изнутри дома что-то послышится. – прошептала мама.

– А почему бы не зайти здесь и не проверить вторую дверь изнутри? – спросила я, так как мне не хотелось, чтобы она куда-то уходила.

– Потому что если задняя дверь открыта, здесь кто-то может быть. Выбив эту дверь, мы привлечем его внимание. Легче будет войти через уже открытую и разобраться с жильцами. – объяснила мама, раздражаясь на глупые, по ее мнению, вопросы.

Мы с Дэйтоном остались ждать около передней двери. Мама пошла к другой. В такой тишине ее шаги по траве были грохотом, или это мое воображение разыгралось?!

Я пыталась найти более-менее широкую щель между забитыми досками на окне, через которую можно что-то увидеть, если направить фонарь. Но это было то же самое, что и вглядываться в темный подвал – абсолютно ничего не видно. Бросив эту затею, я присоединилась к Дэйтону, который наблюдал за деревьями вокруг.

Иногда ветки тряслись от ветра, или может каких-то птиц или зверьков, но каждый раз сердце учащалось, а воздух будто становился разреженным. Я понимала, что это мои страхи, но не могла успокоиться. Я бы хотела быть как Дэйтон – всегда бесстрашный и с издевками!

Казалось, что прошло много минут, когда вдруг дверь позади нас щелкнула и открылась. Я отпрыгнула от нее с визгом, который непроизвольно вырвался из меня, а Дэйтон так резко развернулся с трубой наготове, что не сразу нашел баланс и чуть не грохнулся прям на ступеньки. В дверном проеме появилась мама с фонариком, направленным вниз.

– Спокойно! – шепнула она с еле заметной улыбкой. – Это всего лишь я... и еще живая!

Переглянувшись с братом, мы оба выдохнули и опустили свое «оружие». Мама сбегала в машину, чтобы выключить фары и закрыть ее. И мы вошли в тихий мрак дома.

Мама беззвучно закрыла за нами дверь и прошептала, что мельком осмотрела лишь первый этаж, пока шла к передней двери за нами. Задняя дверь была закрыта, но не на замок. И добавила, что надо все тщательно исследовать.

Кивнув в знак согласия, мы распространились по дому со своими лучиками света и само-бытным оружием. Мама поднялась на второй этаж, а мы продолжили ее исследования первого.

Направившись в правую сторону от лестницы через арку, я оказалась на предполагаемой кухне. Это была просторная комната с круглым столом, двумя стульями со спинками, тумбочками и ящиками. У нас в Сфере никогда не было кухни, но по наличию раковины и такого количества шкафчиков, я была уверена, что это именно кухня.

По сравнению с прошлым домом, где мы ночевали, здесь было больше мебели, и все стояло достаточно удобно. Нигде ничего не валялось, ничего не хрустело под ногами. Я провела пальцем по столу – небольшая пыль на моем пальце меня и порадовала и насторожила. Насторожила, потому что пыли было слишком мало, чтобы утверждать о полном отсутствии уборки: этот стол протирали несколько дней назад, максимум неделю. И обрадовало по той же причине, что ее протирали не вчера, значит, здесь вероятно никого не было, кроме нас в данный момент. Надо будет потом рассказать свою теорию маме. Может, она одобрит и перестанет считать меня никчемной идиоткой.

Что-то скрипнуло в соседней комнате через коридор. Выглянув туда, я обнаружила Дэйтона, копающегося в старом шкафу. В свете его фонарика я увидела вещи, которые там висели. Это было уже интересней: остались они от наших родителей, или это вещи тех, кто пыль протирал недавно?

В кухне была одна узкая дверь, которую я не проверила, и где можно было бы удачно спрятаться. Я пошла к ней, подняла повыше палку, и задержав дыхание, резко распахнула ее.

Никого и ничего интересного: это было что-то типа комнатки для всяких бытовых хозяйственных вещей. Тут стояли ведра, швабры, какие-то тряпки, губки, контейнеры и фартуки. Все эти приборы напомнили мне о моей прошлой работе в Сфере – я была уборщицей в школе. Закрыв кладовку, я пообещала себе, что перестану трястись перед каждой новой дверью. Черт, да я быстрее от сердечного приступа сойду, чем от мутанта, если не возьму себя в руки.

Возвратившись к Дэйтону, я попала в комнату больше кухни и с большим количеством мебели. Это была гостиная, я уверена. Здесь был диван, два кресла и шкаф, в котором копался

Дэйтон. Также здесь стоял маленький столик, и опять же все было в полном порядке и будто на своем уютном месте.

Возникло стыдливое ощущение, будто я подглядываю в щелку на чью-то такую идеальную древнюю жизнь. Мне ужасно хотелось жить здесь, в этой гостиной.

Самое интересное, что я заметила и на кухне и здесь, так это занавески на забитых окнах: они были заколочены с уличной стороны, но шторы с внутренней – не тронуты. Тот, кто заколачивал доски, явно ценил домашнюю атмосферу.

Подойдя к Дэйтону, который стоял около следующей двери, мы оба приготовились открыть ее. Кивнув мне, брат поднял трубу и резко дернул дверь на себя, но оттуда на нас не набросились жуткие монстры... или люди.

Мы вместе прошли в следующую комнату, предназначение которой было мне непонятно. Она оказалась в три раза меньше, чем гостиная, с небольшим диваном, ковром на полу, картинами на стенах, и прямоугольным темным комодом. По бокам комода стояли две высокие лампы на ножках.

Зачем была нужна эта комната – неясно, но осматривать в ней было нечего: все как на ладони. Правда, была еще одна дверь, которая по расположению должна была вернуть нас в коридор рядом с лестницей. Эту дверь мы открыли уже не так боязливо.

Обнаружив и проверив за лестницей маленькую темную и совершенно пустую комнату (видимо, это раньше была ванная), мы закончили с первым этажом. Увидели также заднюю дверь, через которую вошла мама, и которую Дэйтон прижал комодом из последней непонятной комнаты.

В тот момент, когда мы подошли к лестнице, оттуда уже спускалась мама. Обыскивая все комнаты на первом этаже, я не слышала ни звука со второго: ни шагов мамы, ни ее шуршаний, или открывания каких-то дверей. Вывод только один: нам только учиться и учиться всему тому, что она уже умеет.

– Проверили первый? – спросила мама.

– Да, никого! – отчитался Дэйтон.

День был действительно долгим, поэтому нет ничего удивительного в том, что мы выдохлись. Скинув все наши сумки в гостиную, мы надежно заблокировали обе входные двери так, чтобы только мы могли открыть их изнутри. Приготовили спальные места – здесь было намного комфортнее, чем в прошлом доме: диван чище и мягче, да еще и кресло раскладывалось. Просто маленький рай!

При осмотре кухонных ящиков мама нашла свечи и зажгла их спичками, которые тоже нашла там.

После всех приготовлений и баррикад, мы чувствовали себя значительно лучше: почти в безопасности. При двух горящих свечках мы уселись на диван, открыли контейнеры с едой и одну бутылку воды и наслаждались тишиной. Осталось еще два контейнера и две бутылки. Дэйтон не забыл принять еще одну таблетку от пневмонии.

Закончив с приемом пищи, мы сбегали на улицу по нашим маленьким нуждам, покартавив друг друга, и затем устроились на ночлег: мама – в раскладном кресле, мы с Дэйтоном – на диване. Перед тем, как задуть свечи, мама произнесла:

– Здесь кто-то был совсем недавно, и он может сюда вернуться. Окна на втором этаже не заколочены, но все со стеклами и закрытыми защелками, но если вдруг проснетесь ночью от какого-то звука, сразу будите меня. Остальное – завтра. Все понятно?

– Да, спокойной ночи! – сказала я.

– Да, мам! Спокойной ночи! – повторил брат.

– Спокойной ночи, дети!

Я мгновенно погрузилась в сон.

Глава 4

Проснувшись от непонятного звука, я так резко села, что аж голова закружилась. Минуту прислушивалась в полном мраке... может мне послышалось или приснилось, ведь никто, кроме меня, не вскочил. Они ничего не услышали. Сложно было сказать, что могло произвести такой звук, но он был похож на трение чего-то о дерево, будто что-то царапалось о дверь.

Подождав немного и убедившись в том, что это лишь мое воображение, я опустилась обратно на диван лицом к Дэйтону. Он умиротворенно посапывал.

Закрывая слипающиеся глаза, я снова что-то услышала: скрежет в задней части дома, со стороны двери, придавленной комодом. Пока мое тело покрывалось ледяным потом, Дэйтон открыл глаза и хмуро уставился на меня. Он тоже слышал.

Проснувшись, мама спустила ноги на пол и уже крепко держала в руке пистолет. Когда мы с Дэйтоном схватились за фонарики, мама шикнула, что их включать нельзя, так как свет будет виден через щели в окнах.

Звук был точно с уличной стороны дома, поэтому пока мы были в относительной безопасности, но все же дом сложно было назвать неприступной крепостью. Вопрос лишь в том: сколько их там, и насколько они живые?!

Мы бесшумно вышли в коридор вслед за мамой, которая держала пистолет наготове. Стоя в полнейшей тишине и различая лишь силуэты дверных проемов, ступенек и заколоченных окон, было, прямо скажем, не по себе, но фонарики включать нельзя.

Пока мы вглядывались в сторону задней двери, от которой донеслись первые звуки, царапающий скрежет повторился со стороны кухонных окон, то есть справа от нас. Теперь была дилемма: либо их несколько, либо он один, но обходит дом в поисках уязвимых мест.

Я начала припоминать, что изначально услышала звук со стороны непонятной комнаты, потом задняя дверь, теперь кухня – он двигался по часовой стрелке вокруг дома. Вероятно, мы все думали об этом и молча надеялись, чтобы этот человек был один.

Мама пошла на опережение к забитому окну около передней двери. Если «гость» не остановился, то он сейчас подойдет к этому окну с улицы.

Сердце билось слишком учащенно. Мне было так страшно, что даже рука онемела от того, как я сжала палку. Дэйтон стоял впереди меня и наблюдал за мамой, крепко сжимая свою трубу.

Пока мы спали, воздух внутри нагрелся, и теперь лесного запаха почти не ощущалось. Пахло пылью. От этого дышать было намного труднее, хотя темнота в доме уже не казалось настолько непроглядной: глаза различали небольшие предметы и черно-серые оттенки.

Стоя неподвижно около окна, мама пыталась разглядеть что-нибудь между досками. И звук повторился недалеко от нее: как будто кто-то вел ногтем от угла дома до окна, у которого она стояла.

Не успела она отойти подальше, как произошло нечто пугающее. Как только он или оно поравнялось с окном, в которое мама только что вглядывалась, сначала наступила полная тишина, а царапающий звук резко прекратился. Но через четыре секунды раздался ужасающий звук, похожий на резкие вдохи и выдохи, точнее, на бешеное «всасывание» воздуха.

Оно стало долбиться в доски с таким грохотом и такой силой, что я видела пыль, осыпавшуюся с них. Мама отпрыгнула к нам и уже целилась пистолетом в сторону этой твари.

Это существо лупило по окнам, царапало их, колупало, ковыряло. Кажется, оно даже пыталось грызть одну из досок.

Продолжалось это минуты две, пока мы находились в ступоре. Я была в настоящем ужасе. Даже пошевелиться не могла. Попытки выровнять дыхание ни к чему не привели, мне по-прежнему катастрофически не хватало воздуха.

Дэйтон вообще не шевелился и даже не дышал. Невольно заметив, что рука у мамы дрожит, я скинула это на то, что она уже несколько минут находилась в поднятом положении, хотя мы все могли упасть в обморок.

Создалось ужасное впечатление, что мы в закрытом гробу. Было бы лучше, если бы могли убежать в лес, но мы даже выйти из дома не могли – эта тварь уже скреблась в переднюю дверь.

В том, что это мутант, сомнений не было. И он точно знал, что внутри есть люди... по запаху. Он двинулся дальше, скребя вдоль второго заколоченного окна, и остановился... затих. Снова наступила зловещая тишина, которая не предвещала ничего хорошего. Когда он издавал звуки, мы хотя бы понимали, где он находится.

Снова звук... со стороны самого крайнего окна в гостиной. Значит, он бесшумно передвинулся дальше. Снова скрежетание, царапание, будто тварь пыталась расковырять дом.

– Мутант почуял нас... сначала меня у окна, теперь он чувствует наш запах, исходящий из этой комнаты через щели. – прошептала мама, направив пистолет в передвинувшийся источник шума, который теперь находился около центрального окна – там как раз стояло кресло, в котором она спала. – Он не уйдет! – подытожила мама, и я лишь чудом удержала себя от панической атаки.

Хотелось крикнуть ему, чтобы он проваливал, иначе мы прострелим ему голову. Неужели он не понимал?! Хоть какая-то часть рассудка должна была сохраниться! Сама того не осознавая, я обхватила себя руками, из которых вяло свисала палка.

Снова наступила тишина – она меня раздражала больше, чем скрежет... неизвестность пугала намного жестче, чем очевидная угроза.

И тут раздались самые страшные звуки из всех!

Звуки эти исходили выше! Затем еще выше! И еще...

Тварь карабкалась по стене дома. Я поняла это, когда его ноги уперлись на заколоченные доски окна, издав характерные удары, как от молотка.

Оно царапало стену, ощупывая все вокруг себя, и каждый раз звук становился выше и выше.

Мама судорожными рывками переводила пистолет, пока его дуло не установилось ровно в потолок. Дэйтон резко дергал голову на каждый новый звук, поднимая палку вверх.

Оно ползло по стене очень быстро, цепляясь за все неровности и доски на стене, которых, к нашему несчастью, оказалось достаточно.

Когда показалось, что страшнее уже не придумать, раздался самый леденящий душу звук, который даже в кошмарах не услышать.

Разбилось стекло!

На втором этаже!

Прямо над гостиной, где только что карабкалась тварь.

Меня сейчас вырвет! Я клянусь, вырвет...

Мама с Дэйтоном синхронно повернулись в сторону лестницы. Она с пистолетом, он с трубой.

Я не могла ничего сделать с руками или ногами – их сковал чистейший ужас. Даже моргнуть не получалось – глаза застыли на темных уходящих вверх ступенях. Я была парализована!

– Лекса, отойди к двери и направь фонарь на лестницу! – прошипела мама.

Я не двинулась.

– Лекса! – она сильно дернула меня за руку. – К двери! И фонарь на лестницу! Быстро! – я почувствовала дрожь ее руки через свою.

Сама не зная как, но я медленно отшагнула назад, не сводя глаз с лестницы. В это время наверху послышались какие-то шуршания и скрежет. Трудно понять, в какой именно части второго этажа, но тварь была внутри дома! Внутри того же дома, что и я, и брат, и мама! Мы в одном помещении с монстром!

Единственное, что нас разделяло – это лестница. Точнее, та ее часть, которую было видно снизу, так как вторая часть разворачивалась ровно противоположно, и мутант легко мог пройти ее, оставаясь незамеченным... Мы могли только слышать...

Больше всего я боялась, что мое сознание сейчас отключится. Челюсть болела от того, как я сжала зубы, но я сделала, как велела мама: отошла назад, пока спина не коснулась двери... Мы ведь можем сейчас выбежать через эту дверь к машине, сесть и уехать? Почему же мы стоим? Почему не двигаемся?

Скользкий от пота палец щелкнул на включателе фонаря, и на лестницу обрушился поток ослепляющего света. Лестница была цвета темного дерева – это все, что промелькнуло у меня в голове, прежде чем я увидела чужую ногу на самой верхней ступеньке.

Нога была неким подобием человеческой, но уже давно не принадлежала нашему виду. Голая грязная ступня походила на мутирующую конечность зверя.

Вдох. Выдох.

Вторая такая же нога бесшумно встала рядом с первой.

Мама вздрогнула, а Дэйтон сделал шаг назад.

Я не сводила фонарь с лестницы, который так сильно трясся в моих руках, что трепыхающийся свет лишь усугублял ситуацию.

Вторая нога была вся в крови и порезах, на которые мутант не обращал никакого внимания. Луч моего фонарика освещал ноги до колена, а выше была полная тьма. Проглотив парализующий ужас, я медленно подняла фонарь выше.

Оно неестественно дергалось. Кровавые измененные пальцы с обвисшим на них мясом скрутились в звериной манере. Кажется, нескольких пальцев не было. Из предплечий и ладоней торчали куски стекла, а то, что когда-то давно было одеждой, было полностью в крови и грязи. По мутирующему телу даже нельзя было определить, кем раньше было это существо – мужчиной или женщиной. А еще он был выше и явно намного сильнее, чем любой человек.

Дэйтон и мама превратились в статуи: они приросли к полу без малейшего движения. А мне не хватало воздуха. Мне хотелось в лес, чтобы надышаться!

Я поднимала фонарь выше, а тварь плавно двигала конечностями: пальцы сгибались, дергались локти, колени и плечи, до которых я уже подняла фонарь.

Еще один проглоченный глоток страха, и мой фонарь осветил его полностью. Луч света начал моргать: яркие вспышки сменялись слабыми, затем темнота и снова слабые вспышки, как это уже было в лесу. Фонарь коротало с тихим электрическим треском, но я была не в силах ударить по нему.

Все, что я видела, и от чего мое горло скрутилось в тугую спираль – это лицо... объединенное наполовину снизу, но давно заросшее новой мутировавшей кожей. Выступающая челюсть с блестящими острыми клыками.

Дыши, Лекса!

Его глаза! В них мрак черной дыры... пустота, которая физически затягивала внутрь – я это чувствовала по всему телу.

Вдох!

Никаких волос, лишь обтянутый кожей мраморный череп с этими пожирающими глазами.

Слившись с дверью в одно целое, я с ужасом поняла, что монстр смотрит прямо мне в глаза. Его голова дергалась в разные стороны – он то ли принимался, то ли дразнился.

Мутант широко оскалился, и вязкие слюни потекли ему на окровавленную грудь. Не сводя с меня взгляда, он растягивал рот с зубами, и это было похоже на смертельную улыбку. Страшнее я не смогла бы ничего представить.

И свет погас.

Уже привыкшие к свету глаза, ничего не различали в темноте.

Затем лишь звуки, похожие на чавканье. Скрип половицы на лестнице. Потом все стало так громко, что я до боли зажмурила глаза.

Грохот на лестнице. Металлический звон. Звериный рык. Снова грохот, но очень близко ко мне. Глухой удар. Снова грохот и скрежет. Рычание. Выстрел! Гудящий звон в ушах... Конец! Они умерли, и теперь моя очередь...

Тварь схватила меня за руку, а я – не знаю зачем – распахнула глаза.

Но это был Дэйтон! Живой Дэйтон! И он держал меня за руку, а в глазах его было столько ужаса, что снова захотелось закрыть свои.

Я видела его лицо, очень хорошо видела... потому что он держал свой фонарик включенным, и мамин тоже освещал левую часть коридора... где лежало что-то большое и мокрое.

Перед глазами все плыло, но я старалась растереть их, чтобы рассмотреть, что это. Как только пелена ушла, я ясно увидела в свете двух фонарей лежащего мутанта.

Он упал в безобразной позе: рука вывернута, и из нее торчит неправильно заросшая кость. Все вокруг грязное, все в крови. А глаза его широко открыты. Но он не шевелился: не дергался ни плавно, ни резко. Не подавал никаких признаков жизни... или смерти. В его лбу было темное отверстие, в котором, несложно догадаться, была пуля.

Тут с громким треском мой фонарь резко загорелся, и мы все вздрогнули от этого звука.

Посмотрев на свою онемевшую руку с фонариком, я выключила его большим пальцем и почувствовала что-то теплое в другой руке. Подняв ее к лицу, стало понятно, что это кровь – я настолько сильно сжала руку в кулак, что ногти впились в ладонь до мяса. А моя палка валялась около ног – я даже не поняла, когда она выпала.

Дэйтон начал истерично смеяться, скатившись по стене на пол и вытянув ноги.

На его трубе были следы крови и, кажется, кусочки чего-то мягкого от мутанта. Меня могло вырвать.

Мама тоже села на пол, напротив Дэйтона, откинув голову назад, и улыбнулась. А я стояла все также, как стояла, и, кажется, понимала, что только что произошло.

Тварь кинулась вниз по лестнице. Дэйтон попытался ударить, но промахнулся и попал в стену, от чего был громкий металлический звон. Существо на секунду отвлеклось, и в этот момент Дэйтон успел снова занести свою трубу вверх и ударил, попав в этот раз в мутанта. Рыча и царапая когтями пол, он пытался встать, но мама всадила ему пулю в лоб.

Единственная мысль, которая держала меня парализованной до сих пор – это цель мутанта. Он рвался ко мне... Он хотел сожрать меня, а мама с братом остановили его меньше, чем в полуметре от моей ноги.

Колени подкосились. Я согнулась пополам, когда резко села (или упала) на пол, и всхлипы рыданий захватили мое тело целиком.

Горло жгло, легкие не могли вдохнуть воздуха. Плечи содрогались от внутренних приступов. Я даже не могла закрыть рот, а просто громко плакала, как в детстве. Мне было настолько тяжело, что каждый вдох уничтожал остаток сил. И я погрузилась в темноту...

Очнувшись, когда кто-то поднял меня на руках, я уже через секунду погрузилась обратно во тьму. Чувствовала тепло брата – знала, что это он! Я старалась раствориться в его тепле, но опять провалилась в сон. Разные голоса мягко называли мое имя – это было приятно. Снова тишина.

Ощутила себя на холодной мягкой поверхности, не размыкая глаз. Тепла больше не было рядом, но пахло Дэйтоном, а значит, он близко. Я чувствовала его горячую ладонь на моей щеке, затем нежный поцелуй в висок. Он что-то прошептал мне, но я уже утонула в черной бездне... и не хотела просыпаться никогда.

.....

Я не знаю, сколько спала, но когда проснулась, то увидела много лучей света, которые рассекали комнату сквозь щели в окнах. Не шевелясь, я наслаждалась этим видом.

В комнате никого не было.

Я лежала на диване, прикрытая кофтой Дэйтона, и с самодельной окровавленной повязкой на руке. Не сразу поняв, зачем мне повязка, и чья кровь на ней, я пыталась понять, где же брат с мамой.

Воспоминания о прошедшей ночи обрушились на меня, как ледяная вода: скрежет с улицы, шорох на стене, разбитое окно, треск неисправного фонаря... и поглощающие глаза.

Все тело покрылось мурашками, а рана на руке начала пульсировать и жечь. Только открыв глаза, у меня и мысли не было, что все это случилось на самом деле, но сейчас я вспомнила.

О чем я только думала, убегая из Сферы? О чем думала, когда потащила своих самых близких людей со мной? Как вообще я планировала выживать здесь? Что я собиралась сделать с первым мутантом, которого встречу?

Ничего! Ничего я не собиралась сделать! Я вжалась в дверь, сдвинула кулачок, закрыла глаза и ждала смерти – это все, что я сделала... И ничем я не думала, когда убегала от тридцатиметровой стены, которая нас защищала.

Как бы я ни старалась, глаза мутанта не покидали моих мыслей. Эти звериные глазницы... они давно умерли, но продолжали искать добычу. А их обладатель жаждал подарить такие же всем живым людям... Я уже могла бы царапать ногтями стены и кусать дерево, с таким же мраком в глазах, если бы не мама и Дэйтон.

Мама и Дэйтон. Где они?!

Стащив кофту с себя, я встала и вышла из гостиной. Сумки были на месте – значит, они не ушли. Не знаю, почему такая мысль возникла в моей голове, но я обрадовалась, увидев наши вещи.

Остановившись в коридоре, я с ужасом удостоверилась, что мутант мне не приснился: на полу остались следы оттертой крови – она успела впитаться в дерево в коридоре и на лестнице. От этого у меня встал ком в горле.

На кухне никого не было, и на всем первом этаже тоже. Подумав о том, что стоило выйти на улицу и посмотреть там, меня сковал ужас. Мне казалось, что миллион этих тварей ждал меня прямо за дверью и за каждым деревом.

Со второго этажа донесся стук. Кто-то что-то бил, причем сильно, но через равные промежутки времени – из чего я сделала вывод, что это не мутант. Отправившись по ступенькам наверх, я поблагодарила вселенную хотя бы за то, что мне не надо выходить на улицу.

Поднявшись по первой части лестницы, я увидела темные въевшиеся следы ног – их тоже не удалось отмыть до конца. На стенах были маленькие пятнышки, похожие на брызги. Выглядело зловеще. Уняв дрожь, я пошла дальше.

На втором этаже было очень светло: солнце проникало через все окна и комнаты, и небольшой коридорчик хорошо просматривался от этого освещения.

Налево была закрытая дверь, направо – одна закрытая, и еще одна – прикрытая, откуда и доносились колотящие звуки. Прямо напротив лестницы была еще одна дверь, на которой был наполовину отмытый кровавый отпечаток ладони.

Заглянув в приоткрытую дверь, не возникало сомнений, что это детская. Ох! Это должна была быть моя детская. Вся в светло-бежевых тонах комната с детской кроваткой, над которой колыхались разноцветные штучки, мягкие игрушки, и залитый кровью ковер... везде была кровь, если присмотреться: или маленькие капельки, или отпечатки пальцев или рук. А прямо напротив двери – окно, около которого стояли мама с Дэйтоном и смотрели на меня.

Дэйтон держал молоток в руке, а его футболка была вся мокрая от пота. Мама стояла с приготовленной доской – половина разбитого окна уже заколочена досками. За поясом у мамы заправлен пистолет, а рядом с детской кроваткой лежала труба брата. Чистая.

– Привет, соня! – улыбнулся Дэйтон.

Дэйтон выглядел очень хорошо. Я имею в виду, он выглядел здоровым.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Я-то?! – засмеялся он. – Я отлично себя чувствую! А вот что насчет тебя?

Я не знала, как себя чувствую. Я даже не понимала, как мне надо себя вести, или что говорить.

– Я в порядке!

Дэйтон кивнул один раз и отвернулся обратно к окну, а я обратила внимание, что они нашли не только молоток: рядом стояла коробочка с гвоздями, один из которых взял брат и примерил в правом углу доски.

Все это время мама пристально смотрела на меня. На ее лице невозможно было прочесть никакой эмоции. Я не понимала, о чем она думает. Но почти уверена, что скоро об этом узнаю. Она просто стояла и глядела, а я молчала, переминаясь с ноги на ногу. Когда Дэйтон попросил ее подать ему следующую доску, она, наконец, отвела от меня взгляд, чем предоставила отличную возможность ускользнуть из комнаты.

Я вернулась в гостиную. Сложно сказать, сколько я просидела внизу одна, пока Дэйтон забил последнюю доску, но я не шевельнулась до того, пока они не спустились ко мне.

– У нас последний контейнер еды, – сказал Дэйтон, плюхнувшись рядом со мной и открыв сумку. – Что мы будем есть вечером? Или завтра?

Мама села в кресло. Они оба выглядели уставшими, отчего меня кольнула совесть. Когда мы открыли последний контейнер и принялись за еду, мама заговорила:

– На кухне я нашла кое-какие консервы и еще вакуумные контейнеры с едой. Нам их хватит надолго, недели на две точно...

– Мам, не хочу тебя расстраивать, но они, скорее всего, испортились за двадцать лет... Контейнеры – точно. Консервы еще можно проверить. – пробухтел Дэйтон с набитым ртом.

– Нет! Эти все контейнеры и консервы в полном порядке. – сказала мама, не поднимая взгляд. Я молча жевала свою часть, не зная, что я могу добавить в беседу.

– Откуда такая уверенность? – удивился Дэйтон, подняв бровь и сделав глоток воды.

– Эта еда тут появилась недавно.

Что?! Я не сказала это вслух, но уверена, на моем лице отобразился немой вопрос... Что мама только что сказала? Посмотрев на Дэйтона, я поняла, что не послышалось. Он даже перестал жевать.

– Эта еда тут появилась недавно... и консервы и контейнеры. Там еще есть несколько больших бутылок воды. Они тоже в порядке, я все посмотрела. Судя по упаковке этих продуктов, они сделаны на достаточно простом производстве, но остаются съедобными в течение двух-трех месяцев. И там этикетки с датами и названиями содержимого. Если верить датам, то всей еде на данный момент две недели.

Тишина порядком затянулась: мы с братом были в таком недоумении, что не могли определить очередь для вопросов. Дэйтон первым пришел в себя:

– Мам! Что это значит? Я правда не понимаю. Как?

– Малыш! – мама начала сердиться. – Неужели, нужно по пальцам все объяснять?! – она отставила свою часть еды в сторону. – Эту еду принесли сюда две недели назад. Вместе с новоявившейся едой, на втором этаже также есть незнакомая мне одежда. Мужская. Она точно не принадлежала Майклу, хотя несколько его вещей я тоже нашла. – кажется, ей было тяжело об этом говорить, но она продолжила. – Мое мнение такого. Кто-то принес сюда одежду и еду, но не появлялся здесь две недели. Тут два варианта: либо этот кто-то умер, либо... он скоро сюда вернется.

Мы молчали, а мама, как ни в чем не бывало, продолжила есть. Фыркнув, Дэйтон достал таблетку, закинул в рот и тоже вернулся к еде.

– Что мы будем делать, если этот запасливый человек вернется? – спросила я.

– Убьем! – ответил Дэйтон с безмятежным выражением, сложив руку в «пистолет» и «нажав на курок».

– Если он будет опасен, то да. Его придется убить. – ответила мама, пока я в шоке таращилась на Дэйтона.

Не то чтобы я об этом не думала... Я врала сама себе, если пыталась удивиться такому ответу, но мне еще предстояло привыкать к таким легким рассуждениям об убийстве за обедом.

Таковы теперь условия новой жизни... дикой жизни. Так мы теперь выживаем! И тебе нужно собраться, Лекса, иначе ты не выживешь! Эта фраза в моем сознании носила мамин голос.

– У тебя с этим проблемы? – спросила мама, заметившая мой озадаченный вид.

– С чем? С убийством человека? Нет, просто... – я сделала глубокий вздох. – Я еще привыкаю... к этому!

– Алексия, то, что случилось ночью... Нам надо поговорить об этом!

Началось! Я надеялась оттянуть этот разговор, как можно дольше, но не удалось.

– Я знаю, что облажалась, – прошептала я первая, почувствовав, как глаза заслезились. – Я облажалась по полной, и ... – глубокий вдох. – Я не могла пошевелиться! Мне никогда не было так страшно... – на последнем слове вырвался предательский всхлип.

Рука Дэйтона нежно легла мне на спину. Ее тепло успокаивало меня. Я и не замечала раньше, что брат действует на меня таким образом.

– Лекса, нам невероятно повезло, что эта тварь была одна... Если бы их было хотя бы две, и ты бы впала в это состояние, то мы бы не выжили. Я до сих пор поражаюсь, что мутант был только один! – воскликнула мама, абсолютно равнодушная к моим слезам.

– Возможно, он не был один, но он единственный, кто заметил нас и выследил... – сказал Дэйтон, глянув на меня. – Его ты, скорее всего, и видела у кромки деревьев, да, Лекс?

Тут до меня дошло, что это он и был, но по какой-то чистой случайности, он не кинулся на меня сразу... Мои мысли прервала мама:

– Что? О чем ты говоришь, сын?

– Оу, ну... Лекса видела силуэт человека, когда мы ждали тебя около машины, и я просто подумал, что...

– Вы видели какой-то силуэт и ничего не сказали??? – расвирепела мама.

– Ну, Лекса одна видела, но я ей поверил, и ...

– Лекса! – воскликнула она. – Ты понимаешь, что могла предотвратить это? Почему ты ничего не сказала мне? Чем ты думала?

Слез было не остановить – они катились и катились. Из-за подавленных всхлипов я не могла связать слова.

– Мам, я думала... мне показалось, и я... Я правда... – я не знала, какие причины назвать, чтобы оправдать себя, потому что сейчас она была абсолютно права. И из-за меня мы все могли погибнуть или превратиться в этих тварей.

– Простите меня! Я просто идиотка! – рыдания разрывали тело.

Дэйтон крепче сжал мое плечо, а мама глубоко вздохнула, пока я тщетно пыталась унять рыдания.

– Лекса! – сказала мама, пристально глядя мне в глаза. – Ты очень сильная девушка и невероятно изобретательная, и решительная. – она сделала паузу, а у меня в голове была только единственная мысль: «Она издевается?» – Ты ограбила больницу, быстро решила бежать и потащила нас за собой! Ты и в детстве была непоседливым ребенком и больше бегала с мальчиками, чем со своими сверстницами. И ваш папа всегда гордился тобой! Когда ты делала все это, ты и понятия не имела о том, чего можно ожидать в реальной жизни! Твоя самоуверен-

ность спасла жизнь Дэйтону и затем предотвратила наше общее наказание. Но это все было в Сфере! – поднявшись, она подошла к заколоченному окну и уперлась на него.

Она стояла с прямой спиной, прямо держала голову, и я снова подчеркнула, что это не моя мать! Эта женщина намного сильнее той, которая работала швеей в производственном цехе. Эта умела защищать себя и своих близких, и она не боялась нажать на курок.

– Здесь, – она указала за окно. – Самоуверенность тебя погубит! Перестань пытаться казаться всезнающей! Перестань притворяться и начни учиться! Работай над собой! Иначе нам конец! И всегда... Ты слышишь... Всегда ты должна сразу говорить мне, если увидела или услышала нечто странное! Чтобы больше ни одна тварь не выследила нас!

Я издавала какие-то скулящие звуки, когда мама двинулась по направлению к лестнице, и уже из коридора она крикнула нам:

– Вам придется убивать, даже если вы этого не хотите! Живых или мертвых, без разницы! Иногда живые люди намного страшнее этих тварей! – и последнее она произнесла тихо, но мы все равно услышали каждое слово. – И чем быстрее вы научитесь это делать, тем легче это станет в будущем!

Больше она ничего не сказала. Мы слышали лишь ее удаляющиеся шаги. Дэйтон все также поглаживал меня по спине, а я, зареванная, уткнулась головой ему в грудь. Нежно потеребив мои волосы, брат прошептал мне:

– Я буду защищать тебя, пока жив, сестренка!

Я знала, что хоть я и старшая, и это я должна защищать его, но сейчас чувствовала его силу и была благодарна за это. Он действительно имел в виду то, что сказал: он будет меня защищать, даже если я сама не в силах это сделать.

Заливая его футболку своими слезами, я невидимо улыбалась в его объятиях и обещала, что стану сильной, как он и мама.

.....

– Нам очень жаль, сэр, но мы не имеем ни единого следа сбежавших. – отрапортовал начальник отдела безопасности мистер Уокер.

Президент, сидевший в своем шикарном кресле и спокойно потиравший грубый подбородок, не подал вида, что эта информация удивила его, или расстроила, или вообще была им услышана.

Воцарилось молчание. Маленькие капли ледяного пота еле заметными струйками стекали по виску Джордана Уокера. В свою очередь, полковник Паркер, всегда державшийся дерзко и высокомерно, также ощутил повышенный жар под кителем. Обоим было хорошо известно, что сейчас Президент мог попросить их достать свои пистолеты и застрелиться... Конечно, предварительно сойдя с дорогого ковра ручной работы из личной коллекции Президента, дабы не сгубить столь шедевральное произведение искусства чьей-то вонючей кровью.

В голове безопасника даже появилась мысль – попытаться сбежать – но она сразу же была рассмеяна личным опытом и хорошей осведомленностью Уокера о методах Сферы и целенаправленности Президента: даже если Джордан смог бы сбежать за стену, ему бы пришлось перебраться на другое полушарие и до конца жизни нервно озираться по сторонам. Хотя сам шанс того, что он сможет зайти так же далеко, как Алексия Ройс, равнялся нулю – девчонка на редкость пользовалась услугами фортуны, которая крайне редко уделяла внимание начальнику отдела безопасности.

Вопреки самым гнетущим ожиданиям, Президент холодно повернулся к своим провинившимся подчиненным и сказал:

– Свяжитесь со всеми общинами, дайте им наводки на всех членов семьи Ройс!

– Простите, сэр, под «всеми общинами» Вы имеете в виду...?

– Абсолютно все, я имею в виду, на нашем полушарии.

– И Глондар, сэр?

– И Глондар, мистер Уокер! Разве он, по каким-то причинам, выходит за рамки понятия «все»?! – Президент начинал открыто раздражаться, чем привел мистера Уокера к еще большему ужасу, но не уточнить тот просто не мог.

– Сэр, но стервятники Глондара могут обрадоваться такому случаю и начать поиски Ройс сами, чтобы сделать из них свежих рабов... И, господин Президент, насчет ее отца, ведь Майкл Ройс...

– Я прекрасно осведомлен о нем, мистер Уокер, или вы думаете, я не изучил дело вдоль и поперек?! – Президент повысил голос на полтона, а зубы полковника и безопасника синхронно стиснулись до боли.

Джордан Уокер опустил голову, перевел дыхание и снова заговорил, стараясь выглядеть намного смелее, чем он был на самом деле в данный момент:

– Понял, сэр! Всех оповестим, сэр! – на что полковник также еле заметно кивнул в поддержку.

– Немедленно потребуйте ответ, не появлялись ли беженцы до этого момента! С учетом автомобиля и, допустим, полного бака горючего, они уже могли бы добраться до любой общины, кроме, разве что Фрилленгтона – до него слишком далеко. Но и их предупредите на всякий случай!

– Есть, сэр! – отчеканил полковник Паркер.

– Не стоит вдаваться в подробности наших поисков. Пусть Главы общин остаются в неведении о наших мотивах. Просто сообщите, что любой из них должен вернуть нам беженцев в случае их поимки, а мы достойно вознаградим. Если не вернут, то соглашения, заключенные ранее, будут аннулированы. – приказал Президент, после чего стиснул уголки глаз, и продолжил. – Глондару предложите двадцать новых рабов в обмен на трех беженцев. Это сверх достойная плата для них, я полагаю.

– Господин Президент! – вмешался полковник Паркер. – Что предложить Гроджстауну?

Президент действительно задумался, как будто что-то прояснилось в его сознании и тут же расстроило его.

– Вы правы, мистер Паркер. Блэка не испугать разрывом соглашения, и предложить мы ему особо ничего не можем. Скажите ему распылчато, что после оказания требуемой помощи в поиске преступников, он волен просить у меня все, что угодно. Думаю, что он слишком похож на меня, чтобы отказаться от такого подарка. И поиски продолжать! Все ясно?! Тогда убирайтесь и постарайтесь впредь без хороших вестей не заходить в этот кабинет!

Мистер Уокер и полковник, покидая кабинет, даже и предположить не могли, насколько зол Президент. Просто он слишком хорошо контролировал свое поведение, хотя в воображении уже давно отрезал ноги обоим идиотам и скормил мутантам. Эту идею он и сохранил на случай их полного провала. «Уж больно захватывающее и полезное будет зрелище!» – подумал он и улыбнулся.

Глава 5

Мы особо не разговаривали с мамой – только по делу, когда она давала какие-то указания, чему-то нас учила, или что-то объясняла. Мама научила пользоваться пистолетом: чистить, перезаряжать, снимать с предохранителя, правильно держать в руках.

Правда, нам не удалось пострелять, потому что каждый патрон была на счету. Мама объяснила, что именно поэтому она не сразу выстрелила в мутанта – она должна была точно прицелиться, чтобы потратить только одну пулю. В какой-то момент у меня промелькнула мысль, что если бы она не успела прицелиться наверняка, то тварь бы успела сожрать меня, но мама не истратила бы больше одного патрона. Одно из главных правил выживания – подчеркнула она – одна тварь – одна пуля! И под тварью она подразумевала любое негативно настроенное существо.

Научив нас управляться с машиной, мама позволила по очереди поездить назад-вперед перед домом. Кстати, вождение автомобиля оказалось не таким уж сложным занятием.

Дэйтон реагировал на все спокойно и с присущей ему иронией. Выглядел он отлично: глаза стали чистыми и ясными, кожа вернула свой смуглый здоровый оттенок, улыбка стала шире, а шутки смешнее. Кашель еще не исчез, но стал явлением редким и слабым, а брат чувствовал себя здоровым.

Переделывая дом под мамины стандарты, я поражаюсь, сколько брат может работать без перерыва на отдых. Он был действительно очень сильный и изобретательный: зачастую предлагал разные идеи, которые мама почти сразу одобряла. Например, Дэйтон предложил не выбивать стекла на втором этаже, чтобы заколотить их досками (мы обоюдно согласились, что все окна надо закрыть деревом), а аккуратно их вынуть из рамы и разложить перед крыльцом и входными дверьми.

Мы так и сделали: разложили стекла перед крыльцом и за домом, и несколько положили в случайном порядке около машины, замаскировав их, чтобы они были вовсе не заметны. Если кто-то незнающий наступит на стекло, то оно громко треснет, чем подаст нам сигнал о появлении нежеланных гостей, даже находясь в доме без окон.

Конечно, мы долго проверяли себя на память, аккуратно ступая в потенциально «застекленных» местах – никому из нас не хотелось самому случайно напороться на них. Но вскоре, мы настолько привыкли, что ходили между незаметными ловушками вполне непринужденно. Мама была в абсолютном восторге!

Я не принимала особо важного участия в импровизациях по выживанию и укреплению нашего «замка». В основном, выполняя то, что мне велели брат или мама, я даже не спрашивала «зачем» или «что из этого должно выйти». Я просто следовала пошаговым инструкциям, а уже после понимала, зачем я это делала.

Все мои мысли были направлены на первого в моей жизни мутанта: его глаза, зубы, руки, клоки мяса и кожи. Ночью я вскакивала от ужаса – мне снилось это лицо... и глаза. Во сне я даже смотреть в них не могла: они поглощали душу. Невозможно было поверить, что эти твари когда-то были людьми. Легче было думать, что это другая раса существ, которая намерена нас истребить.

Одной ночью мне приснился Дэйтон с такими глазами. Именно он стоял на верхней ступеньке с остатками выбитого стекла в руках и звериным оскалом. Проснувшись в холодном поту, я поняла, что даже думать не могу о том, что мама или Дэйтон могут стать такими. Металлический привкус во рту подсказал, что от ужаса я прокусила губу до крови.

Мама сказала, что зараженные люди мутировали со дня, когда она в последний раз их видела, то есть двадцать лет назад. Но для нее это не было удивительно, потому что она уже видела начало этой эволюции.

Изначально мутанты были похожи на людей, и их называли просто зараженными. Они не отличались быстротой, силой или разумом – просто бродили и кидались на все, что шевелилось. Кроме того, раны на их телах, полученные ужасающими способами, не заживали, не затягивались. Потом родители начали замечать, что зараженные менялись: они перестали кидаться на все подряд, могли очень долго высиживать жертву, бегать стали быстрее, и проявляли намного больше силы, чем прежде. Уже после, стало понятно, что и раны затягивались, делая зараженных выносливее.

А этот новый мутант превосходил все мамины опасения: он эволюционировал до кошмарно опасного хищника. Было понятно, что теперь они умнее и обладают чутьем охотника. Кроме того, все изменения его тела подсказывали, что природа мутанта пыталась адаптировать его под любую угрозу. Об их скорости и силе можно было только догадываться, но если эта тварь вскарабкалась по стене дома и разбила окно, то удача была не на стороне человечества. Единственное, в чем мы пытались утешиться, что их бродит намного меньше, чем двадцать лет назад. Иначе, вопрос времени, сколько мы протянем.

Несмотря на достаточное количество еды и воды, мы все же старались не тратить слишком много. Ели по два контейнера вместо трех за раз. Каждый пил по одной бутылке воды в день. И одну тратил на мытье тела – это был приказ мамы. Таким образом, мы были достаточно чистыми и сытыми, чтобы не казаться лесными дикарями. Я даже раз в четыре дня мыла голову.

В ограничения также входило – не выходить из дома по одному в любое время суток. По физиологическим нуждам мы ходили на улицу, и только по двое. Также обязательно надо было каждый раз закрывать входные двери изнутри, подперев комодом. Двери между комнатами мы решили оставить полностью открытыми. Это было предложение брата, и он объяснил его так: «Если все двери будут закрыты, звукоизоляция слишком высокая, да еще и с заколоченными окнами. А если мы ждем незваных посетителей, то лучше полагаться на слух!» Мы с мамой согласились, хотя она долго упиралась. Одно из их правил двадцатилетней давности было – закрытие всех дверей во всех комнатах. Ей было нелегко принять поправки в устоявшемся образе выживания.

Пока мы делали те или иные ловушки, укрепления или удобства, я побывала во всех комнатах и углах этого дома. Мебели было немного, практически не было декоративных предметов: все имело прямое назначение. Разве, что детская осталась нетронута. А в остальных комнатах на втором этаже было так же, как и на первом.

В одной комнате, которая находилась слева от лестницы, прямо над кухней, была одна широкая кровать. На ней спокойно могли спать трое. Еще там был невысокий шкаф, в котором мама и нашла вещи, не принадлежащие отцу. Больше там ничего не было. В комнате, которая была прямо напротив лестницы, на двери которой я увидела отпечаток кровавой ладони, было что-то типа второй гостевой. Там была еще кровать, не такая широкая как в левой спальне, но тоже достаточно просторная для двух человек. Больше ничего в ней не было. Между двумя этими комнатами была еще одна, намного меньше по размерам, и с матрасом, которого точно раньше не было в этом доме.

Также на первом этаже около лестницы была еще комнатка, но она была абсолютно пуста и с дырками в полу. Мама сказала, что раньше это была ванная комната, но ее обчистили, вытащив абсолютно все: унитаз, раковину и небольшую ванну. Все это было очень странно: из ванной все украли, а детскую не тронули.

Конечно, раньше в доме было намного больше мебели: были картины, ковры, вазы и всякие красивые вещи, были телевизоры и приборы для разных потребностей. Мама все пыталась разгадать эту загадку – куда и зачем все вынесли. В комнатах оставили лишь необходимые для выживания и минимального удобства вещи: то, на чем спать, где сидеть и есть, где хранить еду и несколько вещей. «Даже узорчатые лампочки сняли» – разорвалась мама. Мы с Дэйтоном

особо не горевали по этому поводу, ведь все здесь напоминало Сферу... только в каждой комнате жила бы отдельная семья, а тут на нас троих – целый дом. Мы с ним не знали, как могло быть по-другому, а, следовательно, нам здесь все нравилось.

Хотя детская комната пробуждала во мне бурю эмоций – такого я прежде не видела. Судя по маминым словам, из детской вынесли только занавески и небольшой столик, который папа на время поставил туда, пока в спальне делали ремонт. Все остальное, как сцена из прошлого, куда было стыдно подглядывать, но очень тянуло.

Сказать, что нам здесь было невероятно комфортно и уютно, было бы неправильным. Мы, без сомнений, привыкли к дому и уже считали его своим, но что-то было все равно не так. Все здесь говорило о том, что кто-то здесь бывал... причем с определенной периодичностью. Следовательно, постоянно озираясь по сторонам и прислушиваясь к любому шороху, мы не могли почувствовать себя в безопасности на сто процентов.

Днем мы иногда выходили на улицу и обходили ближайшие деревья. Мама не прекращала попытки найти следы от машины, которая как-то сюда должна была проезжать. Но единственные следы от колес были нашими, пока мы их не замаскировали.

Машину мы отогнали подальше в лес, чтобы она не светила рядом с домом – это была идея Дэйтона – и в случае угрозы, если нам пришлось бы убежать из дома, то скрытый джип мог стать спасением.

Воплотив все, что придумали мама с Дэйтоном, мы немного успокоились. Прошло две недели после нападения мутанта, и мы сделали все, чтобы укрепить дом и обезопасить себя.

Жизнь приобрела какую-то насыщенность и смысл, что ли: мы регулярно мылись, чистили одежду, сытно питались. Дэйтон полностью выздоровел... По крайней мере, он перестал кашлять и чувствовал себя отлично, но таблетки продолжал принимать. И никаких существ замечено не было – что не могло не радовать.

Лес жил своей жизнью, и она меня вдохновляла. Я любила выходить с мамой или Дэйтоном на улицу просто так, даже если мне не надо было. Впитывая воздух, запахи и цвета этой незнакомой природы, мне уже было сложно представить, что раньше я обходилась без нее.

Было начало лета, и, кажется, прекрасней поры для леса не существовало. В Сфере жизнь не могла похвастаться таким разнообразием. Там всегда было прохладно, сыро, и мы не вылезали из теплой одежды, а здесь хотелось дышать лесной свежестью и смотреть на солнце.

Не сразу, но я стала чувствовать себя спокойно среди деревьев, хоть и изначально за каждым мне мерещился мутант. Но время шло, и мы втроем привыкли.

Негласно мы склонялись к тому, что бывший посетитель лесного домика умер и больше не вернется сюда. Такая теория была реальней всего, так как никто из нас не мог придумать, где этот «кто-то» ходил и что делал, если не жил в устроенном для него доме. Такой вариант событий мне очень нравился, и я в него поверила.

.....

Мы жили здесь уже более трех недель. Несмотря на то, что еды хватило бы еще на пару, уже появились разговоры о предстоящем поиске пропитания. Решили, что в первую очередь посетим Чарльтон, так как мама помнила его, как свои пять пальцев.

Мама уверена, что разграбить абсолютно весь город люди не могли. Учитывая, что до образования Сферы, в течение двух лет, людей в Чарльтоне и так было очень мало, то после ее появления стало еще меньше. Когда появились сообщения по всем частотам радио (единственная связь, которая сохранилась на тот период) о том, что всех выживших ждут в новообразованном безопасном городе «Сфера», то все люди стали приходить туда со всех уголков, куда эти сообщения могли долететь. Таким образом, в течение полугода, как рассказала мама, в Сфере собралось шестьсот тысяч человек, которым раздавали еду, одежду, комнаты, и предоставляли работу.

Родителям повезло, что Сфера находилась недалеко от их города Чарльтона, иначе с маленьким ребенком на руках, они вряд ли могли рассчитывать на длительные походы.

– Самое странное во всем этом, – как-то сказала нам мама. – Что Сфера перестала развиваться и расширяться. Когда мы только пришли в нее, нас встречали с огромной радостью. Всем людям обещали замечательное будущее, которое мы все будем строить вместе. Говорилось, что запасов необходимых ресурсов нам хватит на несколько десятков лет, пока мы сможем возобновить работу всех нужных фабрик, заводов, станций и производственных цехов. И когда стена была достроена, то я чувствовала такое воодушевление, что постоянно улыбалась. Мне казалось, что Бог дает нам второй шанс, и мы держимся за него всеми силами. Но потом все перестало меняться... В какой-то момент основатели Сферы перестали показываться на людях, перестали говорить о великольном будущем, о восстановлении заводов. Они даже сократили охрану стены и изменили суть патрулирования. Изначально патрули следили за проникновениями мутантов внутрь Сферы. Потом же патруль стал следить за установленным комендантским часом и наказывать людей, которые нарушают его. А после, появился отдел безопасности, который на самом деле был «отделом наказания», как прозвал его Майкл. Они не защищали людей. Они следили за строгим соблюдением всех законов, которые придумывались каждый день. А позже появились лицензии. По ним можно было получать одежду, еду и лекарства. Но вся ирония была в том, что лицензия на год стоила невероятных денег. До смерти вашего папы мы покупали одну лицензию на четверых, и она стоила его годового заработка. После его смерти я не могла купить ее, как и девяносто процентов жителей. – рассказала мама.

Мы с Дэйтоном не знали таких нюансов и историю Сферы. Я помнила свою жизнь в ней уже со всеми придуманными правилами и безопасниками. И лицензию, как я помню, мы использовали нечасто, так как папа не хотел привлекать много внимания. Когда безопасники фиксировали частое использования лицензии, они могли наложить штрафы, чтобы люди не думали, что с лицензией им позволено все. Лицензию покупали для крайних случаев, как болезни, но за все года, когда она у нас была, никто ни разу не заболел чем-то серьезнее насморка – закон подлости во всей красе.

Было ощущение, что Сфера быстро сдалась в попытке восстановить былую жизнь, и резко поделилась на неприлично богатых и ужасающе бедных (как мы). Я почти уверена, что основателям и управленцам в итоге пришла идея поработить труд в свое удовольствие.

Из маминого рассказа стало очевидно, что у выживших людей было немного выбора: либо работать в Сфере за гроши, но в защите от мутантов, либо идти за стену (чему безопасники особо и не мешали) и выживать собственными силами. И от безысходности люди привыкли быть рабами... как в далеком прошлом.

.....

Лесной домик. Мне нравилось здесь жить – я привыкла относиться к этому месту как к своему дому, родному дому.

Мама сказала, что когда поедем в город, то обязательно прихватим какие-нибудь картины оттуда и всякие красивые вещи. Она считала, что это втолкнет больше уюта в наш дом. Наш дом! Мне нравилось, как это звучало.

И вот наметилась наша первая вылазка, из-за которой мы были взволнованы, но это было приятное волнение. Я хотела поехать в город. Тем более, пока мы находимся в машине, мы в относительной безопасности.

Мама с Дэйтоном, конечно же, уже разработали целый список дел и алгоритмов действий, которых следует придерживаться во время поездки в город. Сначала мы проверим отдельно стоящие магазины и дома – в многоквартирные здания соваться не будем. Во-вторых, машина должна стоять как можно ближе ко входу, и один из нас всегда сидит в машине и следит за подходами – двое идут искать полезные вещи, и они же берут с собой пистолет.

Для первого раза мы решили, что Дэйтон останется в машине, а мы с мамой пойдем искать еду и вещи. Таким образом, и в машине будет сильный человек, и я не натворю глупостей и не замру, как статуя, в опасной ситуации, так как мама будет рядом. Меня это даже не обидело: они были абсолютно правы.

День вылазки настал, и выйдя на улицу, мы направились в сторону машины. Закрыв переднюю дверь изнутри, Дэйтон устроил на заднюю какой-то хитрый замок. Смысл его был в том, что с улицы дверь можно было открыть, только потянув за едва заметный провод, проведенный через щель в окне. И если в наше отсутствие кто-то решит зайти в дом, то ему придется выбивать дверь – что мы сразу обнаружим по прибытию. Замаскированные стекла мы тоже убрали, но вернем их на места, когда вернемся.

До машины было идти минут десять в восточном направлении. Дружно шагая по хрустящей листве – каждый по-прежнему со своим оружием – все мы чувствовали себя воодушевленно. Даже воспоминания о прошлой встрече с мутантом не тревожили мою душу.

Определенно точно, я чувствовала себя уверенней, потому что мы много тренировались с Дэйтоном – мы дрались на палках, и у меня неплохо получалось... для девчонки, как сказал брат. В любом случае, я ощущала себя иначе.

– Эй, мне нужно в кусты. Подождите меня. – сказал Дэйтон, отходя в сторону, вероятно, чтобы справить свою маленькую нужду.

– Только недалеко! Чтобы я видела твою спину! – остановившись, приказала мама.

– Есть, босс!

Мы ждали в умиротворяющем шелесте листьев, пока Дэйтон не начал присвистывать себе под нос, пока писал. Мы с мамой ради приличия улыбались друг другу: брат забавно фальшивил, а мы делали вид, что у нас с ней прекрасные взаимоотношения.

– Я все. Можем идти дальше. – сказал он, поравнявшись со мной.

– Чудненько! – мама пошла вперед.

– Стоять на месте! – выкрикнул кто-то справа.

Мы замерли, как монументы, в таком же порядке как шли. Меня пригвоздило к земле, и в ушах стали отбиваться удары собственного сердца. Боясь повернуть голову, я просто шарила глазами в разные стороны, но никого не видела. Заметила только, как стоящая впереди мама очень медленно ведет руку к пистолету за поясом.

– Не стоит, мисс! – выкрикнул голос справа. – Вы двое! Бросьте трубу и палку!

Ощущение было, что весь воздух выкачали из леса, и теперь я не могла вздохнуть. Рука разжалась, и палка с мягким шуршанием упала в траву. Дэйтон выбросил трубу.

– На колени и руки за голову! Все трое! Медленно! И без лишнего геройства! – приказал голос, владельца которого я все еще не видела. Даже если их несколько, этот главный, скорее всего.

Мы сделали, как он сказал: встали на колени и завели руки за голову. Кажется, я слышала стук сердца Дэйтона, как звонкий барабан, и его напряжение витало в воздухе. Мама, которая стояла спиной к нам, тоже опустилась вниз и смотрела вправо. Видимо, туда, где находился обладатель голоса.

Сразу стало понятно, что их несколько – трое или больше – потому что с нескольких сторон слышались звуки шагов по траве: кто-то приближался сзади, кто-то слева, и еще кто-то справа.

Повернувшись влево, я увидела не совсем такого человека, как можно было ожидать. Я представляла устрашающих неотесанных бродяг или головорезов, у каких мы угнали машину, а перед нами стоял парень не больше двадцати пяти лет. Короткие темные волосы, правильные и пугающе спокойные черты лица, и прямая естественная осанка. Его одежда была тоже простой: темно-зеленая футболка, поверх легкая черная куртка, обычные джинсы. А в руке автомат, направленный на маму.

У меня затряслись руки от ужаса: такую картину я и представить не могла, не то чтобы как-то морально подготовиться к ней.

Вдохнув поглубже, я посмотрела направо, откуда как раз слышался единственный разговаривающий голос. Его обладатель подошел вплотную к маме, которая даже не шелохнулась за все это время.

Это был высокий парень с короткими светло-русыми волосами. Он тоже был молодой, но очевидно старше первого, и выглядел намного опаснее. Его одежда была вся черная: майка с коротким рукавом и джинсы. Там, где заканчивались рукава майки, начинались татуировки: ими была покрыта полностью одна рука до запястья, и немного на второй руке и шее. Такой контраст черных вещей и светлых волос создавали впечатление, что сам ангел смерти предстал перед мамой. В руке у него, конечно, был пистолет, но дулом вниз. Хотя даже если бы его не было, по всему его образу и манерам двигаться было предельно ясно, что этот парень очень опасен, и не стоит пытаться удачу. Ледяное хладнокровие светилось в его глазах вместо зрачков.

Он посмотрел мне прямо в лицо. Это длилось пару секунд, прежде чем я опустила свои вниз, а взглянув на него еще раз, увидела, что он склонился над мамой и вытащил ее пистолет из-за пояса.

Дэйтон шумно вздохнул, и я на секунду испугалась, что он попытается что-то предпринять. Я не знала, что нужно делать, но точно не рваться в бой, сломя голову. Сейчас я бы хотела раствориться в траве, чтобы никто нас не увидел.

– Откуда вы тут взялись? – спросил «главный» парень, отдалившись от мамы на метр. Наш пистолет он держал в другой руке, так что теперь у него их было два.

– Издалека. – ответила мама спокойным голосом.

– А поточнее? – «главный» парень присел на одно колено и теперь был с мамой на одном уровне. Это дало мне возможность рассмотреть его лицо. У него были небольшие улыбающиеся глаза, голубые или синие – непонятно. Чистая светлая кожа, чуть темнее коротких взъерошенных волос. Он ухмылялся в ожидании ответа на свой вопрос.

– С севера! – добавила мать.

– Хм... – парень наклонил голову в бок, разглядывая ее. – С севера... – повторил он.

– Чего мы медлим? Мы и так задержались! Кончай их, и пошли! – произнес очень грубый мужской бас позади меня. Ни за что на свете я бы не рискнула обернуться назад, потому что от этого голоса у меня позвоночник покрылся льдом.

– Вы идите в дом, – «главный» кивнул кому-то позади меня, из чего я сделала вывод, что «грубый бас» там не один. – А мы с Ричем еще поболтаем с нашими гостями.

– Не хочешь ли ты позабавиться с этими красотками, не поделившись с нами? – спросил еще один голос сзади, который оказался не таким басовитым, как до него, но ядовитые слова заставили меня моментально возненавидеть его. Но больше всего я испугалась, что меня сейчас вырвет. И я услышала, как сжались зубы Дэйтона от ярости.

– Не беспокойся об этом! Вали в дом! – засмеялся «главный», переводя взгляд на кого-то прямо за мной. Если такие вопросы заставляют этого парня смеяться, то нам определенно не повезло.

К моему огромному облегчению, раздались удаляющиеся шаги и некоторые обрывки фраз, которые я не смогла разобрать. Но вскоре они оба заржали, от чего тело вновь покрылось мурашками.

Молчаливый парень слева переместился вперед, приставив автомат к своему плечу. Он – Рич, как я понимаю, и теперь Рич в полной боевой готовности. Я боялась моргнуть, поскольку он направил тонкий ствол на нас с братом.

Когда звуки шагов сзади совсем стихли, «главный» посмотрел на Дэйтона и на меня. Он смотрел только в глаза – у этого психа явно все в порядке с самооценкой. Но на этот раз я не сдалась и выдержала его взгляд, чтобы не казаться такой слабой, какой была на самом деле.

Глаза у него оказались светло голубые, и они будто мерцали. На лице не было ни одной эмоции, кроме постоянной ухмылки, которую я не смогла понять. Кажется, ему было весело, или он игрался. Не могла сказать, что из этого лучше, потому что и то, и другое пугало меня до одури.

– И так... На чем мы остановились... – он посмотрел себе под ноги и сдвинул брови к переносице, подняв руку с пистолетом к своему виску. – А! Точно! Мисс, вы говорили, что пришли из Сферы... И как же вы нашли этот дом?

Что? Что он... Откуда он это узнал? Мои глаза сейчас, должно быть, размером с галактику: настолько меня ошеломила его догадка. Я не видела маминого лица, но оно, наверно, было похоже на мое.

– Не из Сферы... С севера. Так я сказала. – заикаясь, сказала мама.

– Да. Точно. – улыбнулся «главный» и покачал пистолетом в ее сторону, будто соглашаясь. – Я просто подумал, что Вы перепутали слова, – он произнес это монотонным низким голосом и уже без улыбки. – И решил помочь вспомнить.

Новое выражение лица этого ублюдка напугало меня больше, чем мутант, который залез в наш дом. И я знала, что означал новый взгляд – он начал злиться. Мы бесили его.

Все молчали, когда «главный» встал и резко направил пистолет в мамину голову. Мы с Дэйтоном встрепенулись, но парень слева поцокал нам, и мы снова замерли. Предательские слезинки покатались по моей щеке, а я их даже вытереть не могла.

– Как вы нашли этот дом? – спросил парень сухо и без каких-либо эмоций: без игры, без смеха, жестко и требовательно. Ему не нужно было добавлять, что если он не получит ответ на свой вопрос, то пуля рассечет мамин лоб.

– Это наш дом! – дрожащим голосом ответила мама.

– Боюсь, я попрошу объяснить подробнее, мисс! Если вы еще не заметили, вам лучше отвечать на мои вопросы! – бросил он, не меняя выражение лица.

Мама вздохнула и опустила голову:

– Мы с мужем купили этот дом двадцать два года назад.

– Где муж? – «главный» наклонил голову и прищурился.

– Умер.

– Кто вы друг другу? – продолжил расспрос «главный» парень, указав пистолетом на нас с братом.

– Это мои дети. – объяснила мама.

Брови парня поднялись вверх, пока он осмотрел нас троих по очереди. Затем он на секунду глянул на Рича, который, кажется, вообще не вникал в разговор.

– Сходство нулевое, но вы, наверно, сами знаете. – констатировал «главный», вернув маску равнодушия.

– Что тебе надо? – прохрипела мама.

Он снова улыбнулся, хоть и фальшивой улыбкой:

– Как Вас зовут, мисс?

Пока мама молчала, он устало вздохнул и продолжил:

– Отвечайте на мои вопросы. От этого зависят жизни ваших детей. – и этим он сломал маму: ее плечи поникли, она села на ноги и опустила голову еще ниже. Мы были ее слабым местом, и этот больной ублюдок только что узнал это.

– Норин Ройс.

– Норин... прекрасное имя, Норин! Как зовут детей?

– Алексия и Дэйтон. – тихо произнесла она.

«Главный», кажется, смягчился и теперь улыбнулся практически широкой нормальной улыбкой.

– Зачем пришли сюда из Сферы? – продолжил он.

Прежде, чем мама смогла ответить, он сам добавил:

– Людей из Сферы видно сразу, Норин! Не играйтесь со мной! Повторю: от этого зависят жизни Дэйтона и Алексии. – он повторил по слогам наши имена, глядя сначала на брата, потом на меня.

– Нам надоело там жить! Мы устали от такой жизни и ушли! – это выдал брат настолько неожиданно, что я вздрогнула.

– О! – «главного» парня это заинтриговало. Он встал и подошел к нам.

Все это время Рич вообще не шевелился, но теперь он отошел к маме и наставил автомат на нее. Если это была какая-то стратегическая схема, то она отлажена до идеальной механики. В любой другой ситуации Дэйтон бы невероятно заинтересовался этим.

– Дэйтон, да? – он присел напротив нас. – Может быть, с тобой разговор сложится лучше?! – улыбнулся парень, переводя взгляд на меня. – Или с твоей сестрой?!

– Тронешь ее – я убью тебя! – Дэйтон действительно сказал это вслух, но парень даже не моргнул на угрозу.

– Похвальное геройство, но ты – «мальчик из Сферы» – ни черта не знаешь о настоящей жизни.

– Что тебе надо? – спросил громко Дэйтон, не обращая внимание на только что услышанное.

– Ответы на мои вопросы. – беспечно выдохнул этот кретин, пожав плечами и округлив глаза так, будто это самая очевидная вещь в мире. – Только и всего...

– Потом ты нас отпустишь? – спросила я дрожащим голосом, после которого вырвался непроизвольный всхлип.

Парень посмотрел на меня и нахмурился. Либо я сошла с ума, либо его действительно расстроили мои слезы. Лицо стало напряженным, и кажется, самым искренним с момента взятия нас в заложники. Но оно сразу же разгладилось и вернулось к прежней маске безразличия.

– Я вас не отпущу, малышка! Но пока вам нужно просто объяснить мне, какого хрена вы сюда пришли, и что хотите здесь найти.

– Это единственное место, которое мы знали кроме Сферы, – ответил Дэйтон. – Мы дошли до нашего дома, нашли еду и одежду и решили остаться здесь... Чтобы жить!

– С этим понятно. А куда вы сейчас направлялись? Вы не отходили от дома больше, чем на десять метров в течение двух дней, а сегодня куда-то помчались... Куда?

– На вылазку!

– Куда! Конкретнее!

– В Чарльстон. – это я проскулила, потому что мне не хотелось, чтобы он повышал голос на брата.

– Спасибо, малышка Алексия! Видимо, беседа сложится эффективнее, если я буду говорить с тобой. – и он передвинулся ближе ко мне на шаг, вызвав тем самым грозное рычание Дэйтона.

– Сколько вы здесь находитесь? – спросил меня «главный», наклонив голову ниже, чтобы поймать мой взгляд.

– Почти месяц... – заикаясь, ответила я.

– Машину в лес отогнали, стало быть, чтобы бежать в опасный момент?

Не знаю, почему меня это удивило, ведь было очевидно, что они серьезно подготовленные следопыты. Конечно же, они все знали, все проверили и обошли.

Как ни странно, чем безысходней становилось наше положение, тем равнодушной я себя ощущала. Откуда-то я точно знала, что они нас убьют, так что терять уже было нечего.

– Что ты с нами сделаешь? – спросила я, набравшись смелости.

Парень изучал меня, потирая подбородок дулом пистолета. Глаза переливались такой ледяной синевой, что казалось странным, как все деревья вокруг не заледенели. Я не сдавалась и не разрывала зрительный контакт, но парень ничего не говорил.

– Ты нас убьешь? – снова попыталась я.

Он не моргнул, не ответил, и не отвел глаз.

Моя уверенность начала испаряться без следа, как только я вспомнила слова «ядовитого» парня. Все теперь встало на свои места: почему мы еще живы, и почему он не отвечал на вопросы. Он сохранял нас, чтобы поиздеваться надо мной и над мамой... «позабавиться», как сказал тот другой.

Вся моя смелость бесследно улетучилась, а на ее место вступило отчаяние. Чувство собственной беспомощности разрывало изнутри... сложно было представить, что сейчас испытывал Дэйтон, если его посетили те же мысли. Он скорее умрет, чем даст нас в обиду.

– Ты... – несмотря на дрожащий голос, я пыталась задать этот вопрос. – Ты собираешься... Ты ... – я даже договорить не смогла, когда парень от чего-то напрягся, а лицо его приобрело озабоченный вид. – Ты хочешь... что-то сделать... со мной? – слезы покатались по щекам, но мне было все равно. Пусть я выглядела беспомощной и слабой, но страшнее изнасилования я не могла что-либо представить. Лучшим вариантом для меня была смерть!

Парень удивленно поднял бровь вверх, но сразу нахмурился: его что-то взбесило, и он не стал скрывать это. Непонятно покачивая головой, он спросил:

– Ты думаешь, я собираюсь насиловать тебя?

Дэйтон наклонился вперед, но парень резко поднял пистолет ему прямо в грудь, и брат замер.

– Ты хороший брат, Дэйтон. – сухо сказал «главный». – Но не переборщи. Как бы беды не вышло...

Дэйтон медленно вернулся в прежнее положение, но было ясно, что его разрывает от ярости.

– Малышка Алексия. – этот урод обратился ко мне. – Я не насильник.

Кажется, меня слишком рано накрыло осязаемой волной облегчения, но я хотела верить в эти слова. Они, как спасающие нити, протянулись ко мне... и, вероятно, к Дэйтону тоже.

– Я не говорю, что не хочу тебя, – улыбнулся «главный», а брат снова вскипел, на что парень не обратил никакого внимания, да и его пистолет все еще был направлен на Дэйтона. – Ты красивая, Алексия, но такие вещи я не беру без разрешения. Я подожду, когда ты сама меня попросишь! – дополнил он, а от моего страха уже не осталось и следа, на его место пришло злостное возмущение:

– Пошел ты, урод! Я никогда...

Я не успела закончить свою гневную тираду, потому что этот говнюк искренне рассмеялся, а Дэйтон схватил меня за руку. Видимо, неосознанно я намеревалась наброситься на него и выцарапать глаза, и брат испугался, что я действительно это сделаю. Я просто задыхалась от возмущения, но это состояние было явно лучше беспросветного ужаса, который окружал меня последние двадцать минут. Будь моя воля, я бы собственноручно придушила ублюдка!

Все это время ни мама, ни Рич не двигались. У мамы только тряслись руки, а вот стрелок абсолютно точно превратился в статую, окаменев в своей позе.

Главный парень поднялся, все еще посмеиваясь, отряхнул колени, заправил оба пистолета под майку и сказал:

– Встаешь сначала ты, Алексия! Я свяжу тебе руки. Потом Дэйтон, потом Норин. Рич! Держи всех на мушке. Если что учудят, то убей мамочку!

– Окей! – ответил Рич, голос которого оказался тихим и спокойным, и совсем не соответствовал образу профессионального убийцы.

«Главный» обошел меня сзади, пока я вставала на онемевших ногах. Подонок взял мои руки – не резко и не грубо – сложил их вместе, обмотал и крепко затянул, но ничего болезненного я не почувствовала.

– Вот и умница! Можешь ведь слушаться, когда хочешь! – прошептал он мне на ухо, пустив волну отвращения. Его дыхание пахло сигаретами и мятными конфетами. Я дернулась и разозлилась еще сильнее, а он лишь тихонько посмеялся позади и отошел к Дэйтону.

Парень поочередно связал руки брату и маме, которая, наконец, повернулась к нам лицом с блестящими следами от слез. Рич все это время контролировал нас своим автоматом, и я была уверена, что он сосредоточен на все сто процентов – любой промах с нашей стороны, и он, не задумываясь, всадит в каждого по пуле.

– Мы идем к нашему дому, – сказал главный парень, встав перед нами и вытащив оба пистолета. – Парень идет первый, затем крутая мамочка, потом малышка. Рич! Ты сбоку слева, подальше от парня, и не спускай с него автомат. И запомните: за Алексией иду я и держу свой прицел на ее затылке. Если кто-то из вас совершит хоть намек на побег или любое другое непонятное действие, малышка получит пулю в голову. А дальше – в порядке очереди! Всем понятно?! Тогда двинули! – закончил он, и Дэйтон вышел первым к дому.

Рич сразу сфокусировался на нем и перестроился левее в нескольких метрах. Он поочередно поглядывал то на дорогу впереди, то на брата. Следом за ними шла мама.

– Твоя очередь! – раздалось шепотом прямо у моего уха, обдав его мятным дыханием.

Я вздрогнула от неожиданности. Даже не услышала, как этот кретин подошел настолько близко, что чувствовала спиной тепло от его груди, хотя он не касался меня. Подавив отвратительную дрожь в теле, я пошла в сторону дома.

Его шаги присоединились к моим спустя несколько секунд. Звук щелкнувшего предохранителя также не заставил долго ждать, и не нужно было оборачиваться, чтобы понять: дуло оружия направлено мне в голову. Я шагала, смотря в мамину спину и удивляясь, насколько лес выглядел по-другому сейчас, чем полчаса назад. Сейчас мне казалось, что каждое дерево, листик и каждая травинка заодно с этими головорезами.

– Ну, с моим другом и первоклассным стрелком Ричем ты уже знакома... – негромко произнес парень, шурша ногами по траве, и добавил. – Меня зовут Джейс.

Глава 6

Пока мы молча возвращались в «уже не наш» дом, я не могла взять в толк, почему мы еще живы. Тем временем, Рич не спускал автомат с Дэйтона, но того это мало беспокоило. Брат не обращал на стрелка внимания и иногда посматривал на нас. Уверена, что в его голове вертелся миллион мыслей по решению нашего спасения, как, наверно, и у мамы, которая двигалась спокойно, изредка оглядываясь на меня.

Спустя какое-то время я все же набралась смелости и решила обернуться, чтобы посмотреть на нашего захватчика. Прямой походкой парень шел в метре от меня с опущенным оружием. Мне не стоило обнадеживаться: он все равно пристрелит меня при необходимости. Переведя взгляд с рук на лицо, я встретила с испепеляющими глазами, которые пристально изучали меня. Уголок его рта дернулся в усмешке, а голова по-детски наклонилась в бок.

– Хочешь что-то сказать, принцесса? – спросил он прежде, чем я молниеносно развернулась обратно и уже в десятый раз жалела, что решила проверить его.

Что он, что Рич пугали меня, но неистового ужаса не испытывала. Они были опасны, без сомнения, но что-то в них было такое, что давало ничтожную надежду на человечность. Но чем ближе мы подходили к домику, тем больше я понимала, кто меня в действительности ввергает в ужас. Это те двое, которые уже были в доме. Их фразы и смех не оставляли сомнений, что они были намного хуже «главного» и «стрелка». И как бы глупо и смешно это не прозвучало, но я не хотела, чтобы Джейс – так его зовут, он сказал – чтобы Джейс оставил нас с «грубым» и «ядовитым» наедине.

Я все еще не понимала, какие у него планы на нас, но раз он сразу нас не убил и не собирался использовать в своих отвратительных целях, то что он планировал делать? Зачем ему мы? Эти вопросы слишком жестоко играли с моим воображением, ведь кроме перечисленных вариантов, была еще куча жутких вещей, которые человек мог сделать с другим человеком. Всплывали мамины рассказы о каннибализме, «живых приманках» для мутантов и о рабстве, хоть правительство и утверждало, что в новом мире его нет. Все эти догадки будто пинали меня в живот с огромной силой, но я почему-то не падала, а продолжала идти вслед за мамой.

Неизвестность пугала намного больше, чем какой-то конкретный вариант. Если подумать лучше, то Джейс не сказал, что оставит нас в живых. Он сказал, что помогать не будет... без разрешения – долбаный психопат – но про сохранение наших жизней он не проронил ни слова. Поэтому, сколько нам осталось жить, возможно, было лишь вопросом времени.

Когда мы дошли до домика, для нас стало сюрпризом, что они знали про хитрый замок Дэйтона на задней двери, потому что обе двери были на месте в целости и сохранности, только задняя открыта.

– Откуда вы узнали про дверь? – не сдержалась я.

– Давай договоримся, малышка? Сначала я задаю все свои вопросы, а потом, возможно, ты, окей? У нас не демократия. – донесся до меня голос Джейса, который закрыл дверь, когда мы все прошли внутрь к лестнице.

Если бы я еще знала, что означало слово «демократия», но я просто кивнула, будучи уверенной, что он наблюдал за мной.

– Какого хрена, Джейс? – разнеслось из гостиной с «больше не нашего» дивана.

Это был «ядовитый» голос, и теперь я видела его обладателя. Худой мужчина с длинными русыми волосами, завязанными в низкий хвост. Серая свободная майка, спортивные черные брюки и черные кроссовки – вроде ничего особенного, но татуировки и лицо делали из него настоящего бандита. Лицо было очень сухое с резкими чертами. Один глаз был почти черным, а другой – мутным, покрытым белой пеленой. Видимо, он им ничего не видел. Через этот глаз от начала волос на лбу, и до подбородка пролегал узкий темный шрам. Джейс и Рич выглядели

опасно и внушительно, но все-таки молодо, и можно сказать, обладали достаточно привлекательной внешностью. На их фоне «ядовитый» смотрелся просто ужасающе: белый глаз сразу напомнил мне мутанта, а выражение его лица намекнуло на стопроцентную тягу к убийству меня, моей семьи и всех людей в этом мире. Столько злобы и ненависти было в его взгляде, хотя он вел себя абсолютно равнодушно, поглощая еду из контейнера.

– Зачем ты притащил их обратно?

– Они пока побудут с нами. – ответил Джейс. – Где Бун?

– В лесу гадит. Сейчас вернется. – кажется, тема нашего пребывания недолго интересовала «ядовитого», либо он не смел перечить Джейсу, что было маловероятно, учитывая его возраст и внешность.

– Миленко! – заключил «главный». – Много ли еды нам оставила эта чудная «сферная» семейка, Гай?

Рич встал на первых ступенях лестницы с автоматом, кружащим над Дэйтоном и мамой. Я была ближе всех к передней двери, но со мной почти вплотную находился Джейс. Я старалась запомнить, что этого звали Гай, а «грубого» – Бун.

– А сколько они здесь жили? – спросил Гай.

– Сказали, что месяц.

– Ну, тогда они были экономными. Хотя в следующий раз придется привезти новый запас. Они все-таки сумели потратить нашу трехнедельную провизию.

Я услышала тихий смех рядом и невольно сжалась в калачик всеми мышцами. Меня тревожило, что он был настолько близко ко мне, и я не знала, куда конкретно он смотрел.

– Да, вы просто маленькие паразиты! – прошептал Джейс рядом с моей щекой, отчего меня пронзило судорогой.

– Убьем их и сожрем вместо всей недостающей еды? – сухо спросил Гай, а мой желудок скрутился вокруг себя.

– Оо, Гай, не стоит пугать наших гостей своим изысканным чувством юмора. – ответил Джейс, встав в проеме между гостиной и коридором.

– Простите моего брата. Он очень любит пошутить над незнакомыми людьми. – добавил он, прислонившись к стенке.

– Какого черта, Джейс? Почему они еще живы? – воскликнул грубый бас со стороны задней двери.

Теперь я увидела последнего – это, стало быть, Бун. И он полностью соответствовал своему голосу: высокий, широкий, страшный и очень злой. Он был не толстым, а просто очень большим, с почти черными выющимися волосами ниже ушей, в черной футболке с каким-то готическим рисунком, потертых джинсах и высоких ботинках. Бородатое лицо не выражало ничего, кроме искреннего негодования и гнева. Брови так сильно сдвинулись вниз, что глаз вообще не разглядеть.

– Я решил пока оставить их себе. – спокойно объяснил «главный».

– Друг, мы же договорились, что больше не занимаемся этим дерьмом?!

Я только могла гадать, о чем они говорили, но мое воображение усугубляло любой вариант, даже самый милосердный.

– Бун, делай свое дело! – видимо, Джейсу уже надоело оправдываться: он не улыбался, говорил серьезно и властно.

Гай на секунду стрельнул глазами в Джейса, прежде чем вернуться к своей трапезе. Если они братья, то Гай, конечно, старший, но тем не менее, лидерство занимал Джейс, это точно!

Бун фыркнул и вышел на улицу, хлопнув задней дверью. Мы втроем вздрогнули, но Рич даже не моргнул, от чего я подумала, что он робот.

– В целях безопасности – нашей и вашей – мне придется запереть вас в бывшей ванной комнате. Надеюсь, вам там будет комфортно. – проговорил «главный», не пытаясь скрыть сарказм в голосе.

Первой моей мыслью было: «Это они вынесли все из этого дома, поэтому они знают, где раньше была ванная комната!» И только после, на меня нахлынула небольшая паника в связи с нахождением в замкнутом темном пространстве. Никакой клаустрофобии я за собой не замечала, но сейчас ванная комната казалась мне хуже ада.

– Надеюсь, с этим не возникнет проблем. Позже мы еще побеседуем. А пока нам надо отдохнуть. – закончил Джейс, проходя вдоль лестницы.

Он остановился около двери в ванную, и, хлопнув в ладоши, развернулся на пятках. Как «истинный джентльмен», парень открыл дверь и наклонился в поклоне, приглашая внутрь крошечной тьмы.

– Прошу, леди и джентльмен! Это ваши покои на ближайшее время. – широко улыбнулся он в своей высокомерной манере.

Мама зашла первая, когда Джейс развязал ей руки. За ней последовала я, и когда Дэйтон переступал за мной через порог, Джейс резко схватил его за руку. Они впились друг в друга глазами, и Джейс больше не улыбался. Если бы они могли сверлить взглядами, то у каждого уже было бы по сквозному отверстию во лбу. Но ни один не уступал другому.

– Из всей твоей семьи, ты напрягаешь меня больше всех... Вероятно, ты рисуешь себе картинки в голове, как спасаешь мать и сестру, как убиваешь меня, и вы живете долго и счастливо... Но тебе лучше не пробовать воплотить это в реальность, приятель. Я без колебаний пристрелю любого из вас. – затем он перевел взгляд на меня и, не отрывая его, продолжил. – Чтобы ты ни учудил, первой умрет твоя сестра!

Пока в мое тело заливалось расплавленное железо, он отпустил руку Дэйтона, вернул свою улыбку на положенное место и захлопнул за братом дверь, помахав дружелюбно рукой. Наступила крошечная тьма.

.....

Мы сидели на полу уже... я не знаю сколько. Часы остались в сумке, которую у нас забрали, хотя в такой темноте мы бы и циферблат не распознали. По ощущениям прошло, возможно, минут сорок или час. А может всего минут пять. Сложно сказать, сидя в крошечной тьме.

Все это время мы говорили очень тихо, чтобы с другой стороны двери было не слышно. Первое, что приказала мама, когда дверь закрылась, то, что ни в коем случае нельзя говорить про ограбление больницы. Им незачем было знать, что в Сфере нас объявили преступниками.

Дэйтон, конечно же, на ощупь исследовал всю ванную комнату, пытался открыть дверь, облазил все углы и все стены в поисках чего-то полезного, но безуспешно.

Выдвинув все свои предположения и мысли, мы так и не пришли к какому-то одному более подходящему – ответ знал только Джейс. И мало того, что мы сидели в невероятно маленькой комнатке, касаясь друг друга коленями и руками, в полной темноте, здесь еще стало настолько жарко, что вся моя одежда насквозь промокла, а Дэйтон снял футболку. Но и это была не главная моя беда – я ужасно хотела писать. И я даже не знала, что было лучшим вариантом: обоссаться в штаны; сделать это в угол, заранее попросив прощения у семьи, или постучать в дверь и попроситься на улицу. Все три варианта были настолько жалкие, что я прокляла физиологические механизмы человека.

– Кто-нибудь может сказать, сколько мы здесь сидим? – спросил Дэйтон в непроглядном мраке.

– Думаю, часа два. – ответила мама. – Сложно сказать. Да, еще и ни одного звука не слышно. Звукоизоляция на высшем уровне, черт бы ее побрал! – мама топнула ногой в пол, и звук эхом разнесся по маленькой комнатке.

– Что они там делают? – спросила я.

– Может быть, решают: продать нас или сожрать? – предположил Дэйтон.

– Рада, что в стрессовых ситуациях ты сохраняешь чувство юмора, сын!

– Мы не в стрессовой ситуации, мам! Мы в полной заднице! В настоящем дерьме! – брат был на пределе.

Я нащупала его руку в темноте и сжала ее. Я понимала, почему он нервничал больше нас. Потому что он мужчина, и, по его мнению, он обязан защищать меня и маму, а сейчас чувствовал себя совсем бесполезным, и это бесило его больше всего. Брата, скорее всего, еще мучила мысль об изнасиловании, ведь меня она тоже не покинула, но я всеми силами держалась за сказанные Джейсом слова: «Я не насильник!» Я жадно пыталась поверить в это, иначе снова бы разревелась, а слезы тут точно не помогут.

– Дети! – прошептала мама. – Вы должны кое-что пообещать мне! Если появится хоть малейшая возможность убежать, то вы без сомнений воспользуетесь ей. Если встанет выбор между мной и вами, вы должны выбрать ваши жизни и бежать вместе!

– Нет! – отрезал Дэйтон.

– Сынок, вы долж...

– Я сказал «НЕТ»!!! – взорвался он. – Даже слушать не хочу эту чушь!

– Дэйтон! – мамин голос звучал очень мягко, но он не действовал на него как раньше.

Я чувствовала, как брат дергался от гнева, его рука непроизвольно сжималась вокруг моей руки, но я не отпускала.

– Мам! Что бы ни случилось, мы сделаем это вместе! Вместе пройдем все! Давай без геройства и жертвоприношения! Не собираюсь больше слушать этот бред!

Маме не стоило продолжать разговор, и она сдалась. Я ощутила, как в темноте ее теплая рука нашла мою голень и легонько сжала ее, безмолвно умоляя, чтобы я поступила так, как она сказала, и спасла себя и Дэйтона. А я все не могла понять, почему мое сердце еще не разорвалось от душевной боли!

.....
..три недели назад...

– Итак, господа! Может, на этот раз вы меня порадуете? – спросил Президент в бордовом кабинете, где, кроме приглушенной лампы, больше ничего не горело.

– Господин Президент, сэр, отнюдь нет! – судорожно сглотнул мистер Уокер. – У нас нет вестей о местоположении семьи Ройс.

– Мистер Паркер? Что скажете Вы?

– Ну, мы продолжаем патрулирование, сэр! – ответил полковник.

– То есть, за неделю, которая прошла с последней встречи, вы не продвинулись ни на дюйм? – спросил Президент, сложив руки пальцем к пальцу.

На несколько секунд воцарилось неловкое молчание. Мистер Уокер, поджав губы, пытался найти хоть один аргумент в свою пользу, а полковник нервно теребил ниточку на манжете. Президент же буравил обоих взглядом, не скрывая испытываемого презрения.

– Мы сообщили всем общинам о наших поисках, дали наводки, сэр! – заикаясь, произнес безопасник.

– О, и какую реакцию вы получили, господа? – не без иронии спросил Президент.

– Фрилленгтон, Лестон, Нью-Йорк, Гроджстаун и Четвертый Центр согласились подействовать в поимке преступников, если те наведаются к ним. – оживился мистер Уокер. – Глондар, как и ожидалось, согласился на сотрудничество только с условием выгодного обмена.

– Гроджстаун безвозмездно согласился помочь? – несказанно удивился Президент.

– Да, господин Президент! Доверенный помощник Блэка сказал, что они сделают все возможное.

– Хм. Времена меняются, как говорится, и это хорошо! – себе под нос пробормотал Президент.

... настоящее время...

– Сэр, прошел месяц с побега семьи Ройс! – сказал полковник, облокотившись на отполированный темный стол.

– И что? – сухо спросил Президент, перебирая важные бумаги.

– Может быть, нам стоит прекратить поиски? Мы уже потратили огромные запасы провизии и военных запасов за это время. Постоянное патрулирование такой огромной территории – дело недешевое! Да, и восьмерых людей потеряли, когда наткнулись на гнездо мутантов.

– Мистер Паркер, Вы знаете, что сейчас происходит внутри Сферы? – спросил Президент, не отрываясь от чтения ценной информации.

– Никак нет, сэр!

– Правильно, ведь Вы заведуете именно внешней территорией, а вот мистер Уокер отлично осведомлен о внутренних делах. Советую Вас расспросить его подробно, когда он вернется из Глондара. А пока скажу лишь то, что в Сфере не все в порядке: люди умнеют, сопротивляются, пытаются что-то изменить – что абсолютно нам не интересно.

– И это все из-за Ройс, сэр? – удивился полковник.

– Конечно же, нет, мистер Паркер! Предпосылки были уже давно, но ограбление больницы, а в следствии и удачный побег без наказания, стали, как бы вам объяснить, некой отправной точкой. Наше стадо увидело в этом стимул для революции.

– И публичная казнь семейки Ройс утихомирят толпу?

– Не полностью и не сразу, полковник, но прежде чем переходить к силовым действиям, людям надо показать, что ничто не остается безнаказанным. Если они хотят воевать – пожалуйста, пусть воюют – но четко понимая, что их ждет впереди. Алексия Ройс украла собственность Сферы – за это она умрет! Ее семья поспособствовала ей в краже и побеге – за это они все умрут!

– Сэр, но если они уже умерли во внешнем мире?

– Тогда это немного отягощает наше положение, ведь народ не поверит, пока не увидит мертвые тела, но интуиция и кое-какие сведения подсказывают мне, что они не более мертвы, чем Вы, полковник.

– Извините за нескромный вопрос, сэр, но какие сведения?

– Если Вы изучали дело Норин Ройс, то знаете, что до прихода в Сферу, она с мужем и грудным ребенком выживала два года в смертельных условиях среди мутантов. И пусть тогда зомби были не такие развитые, как сейчас, это все равно не меняет того факта, что Ройсы умеют выживать в диком мире.

– Понял, сэр! Мы продолжим поиски с удвоенной силой! – вскопчил полковник, отдавая честь Президенту.

– В этом уже нет надобности. Так мы их не найдем. – Президент даже не взглянул на взволнованного полковника. – Подготовьте шпиона. Рано или поздно, Ройсы всплывут в какой-нибудь общине.

– Есть, сэр!

– Идите! Не забудьте ввести в курс дела мистера Уокера, когда он вернется. Кстати, сколько людей он повез в Глондар в этот раз?

– Точно не знаю, сэр! Вроде около тридцати.

– Вот видите, Паркер?! Такое количество бунтарей мы еще не меняли. Хотя и в этом есть свой плюс: к вам и вашим солдатам едет больше оружия, чем обычно!

– Да, сэр! Спасибо! – откланялся полковник и вышел из бордового кабинета.

.....

Я уснула. В такой темноте сознание все-таки сдалось, и решило хотя бы выспаться. Мне даже снился сон, в котором я снова встретилась с мутантом на лестнице, но в этот раз я была одна. Дэйтона и мамы не оказалось рядом. Мутант стоял наверху, я внизу, а мой фонарик снова мигал, но теперь в другой руке был пистолет, и я целилась прямо в голову голодного монстра. Но что-то во сне было по-другому: я не спускала глаз с мутанта, но я точно знала... чувствовала, что позади меня кто-то стоял. Я ощутила мятно-сигаретное дыхание, когда он прошептал мне на ухо: «Твоя очередь!» Эти слова вложили в мою руку уверенность, и я нажала на курок... и проснулась!

На меня светило яркое солнце! Оно ослепило меня, что я даже глаза не могла открыть! Солнце перебежало с моего лица на Дэйтона, и я поняла, что это яркий фонарь.

Дверь была открыта, и в проеме кто-то ждал, пока мы очухаемся. Дэйтон застонал от яркого света, просыпаясь. Мама тоже уснула, но уже растирала глаза тыльной стороной руки.

Луч обвел всех по очереди, подождал и, наконец, уперся вниз, дав мне возможность рассмотреть того, кто им управляет. Глаза были мутные, но по спокойному голосу я поняла, что это Рич.

– Выходите по одному, начиная с парня. Без фокусов. – сказал он монотонно и равнодушно, будто прочитал отрывок скучной книги. – Перед выходом протяните руки перед собой.

Дэйтон поднялся, за ним – мы с мамой. Все тело ныло от неудобного сна и невыносимой жары. И в туалет хотелось так сильно, что ноги сводило.

Рич связал нам руки какими-то пластиковыми проводами. В этот раз у него на плече было ружье, а с автоматом был Бун. Он стоял около передней двери, направив ствол на нас.

После того как я последняя подошла к лестнице со связанными руками, Бун опустил автомат, но Рич достал пистолет, снял с предохранителя и просто повернул дулом вниз. Все понятно: не делать глупостей, иначе нас убьют!

Бун оценивающе осмотрел нас, пожевывая спичку во рту, пробормотал что-то себе под нос – кажется, ругательства – и кивнул в сторону гостиной.

Дэйтон прошел первым, и мы за ним. Зачем они заставляли его всегда идти первым? Потому что он парень? Надеюсь, что Дэйтон не собирался их провоцировать. Несмотря на бандитский вид, они действовали слишком слаженно.

В гостиной был Джейс, развалившийся в мамином кресле. Одна нога лежала щиколоткой на колене другой. Одна рука – с пистолетом, а второй он потирал висок. Могло показаться, но он выглядел уставшим.

Я обратила внимание, что они переоделись. Хоть Джейс и был во всем черном, но это другие вещи. Теперь на нем была водолазка с длинным рукавом и брюки. Рядом лежала кожаная куртка. Рич был не в зеленой футболке, а в темно-красной. Бун тоже поменял майку – теперь она была чисто черная, без рисунка. Эти лже-гангстеры оказывается еще и любители чистоты.

– Прошу, на диван! – пригласил Джейс, не глядя на нас.

Мы сели в таком же порядке, как и зашли. Джейс кивнул Ричу, и тот исчез из виду, но спустя миг вернулся с коробками в руках: три контейнера с едой и три бутылки. Он раздал их нам, пока Бун держал нас под прицелом.

Это что шутка? Они решили нас покормить? Я совершенно ничего не понимала. И видимо, не я одна, так как никто не притронулся к еде, а Дэйтон вызывающе уставился на Джейса.

– Можете не есть, мне все равно! Но подумайте дважды, так как не уверен, удастся ли мне еще раз уговорить парней поделиться с вами едой. – сказал Джейс, достав из кармана пачку сигарет.

Пока он прикуривал одна металлической зажигалкой, мама открыла свой контейнер, взяла ложку и начала есть. Мы последовали ее примеру. Было бы глупо отказываться, учитывая, что мы были голодные.

Теперь ясно, что нас продержали там часов десять, если не больше, потому что через щели в окнах не проникала ни одна полоска света. Значит, был поздний вечер или ночь. Комнату освещали свечи и яркий напольный фонарь, расположенный в самом дальнем углу.

Спустя десять минут мы полностью опустошили контейнеры. Доедая свои консервированные овощи, я заметила, что Джейс одобрительно улыбался, глядя на нас.

Он сидел около свечей, сияние которых периодически исчезало в дыме его сигареты. Во всем черном, с сигаретой, в тумане дыма, тускло освещаемый свечами – он был похож на демона.

– Дети похожи на отца, или Вы им неродная мать? – неожиданно спросил Джейс, выдыхая клубы дыма.

Мама, ничуть не застигнутая врасплох, спокойно ответила:

– На отца.

– Поразительно! Никогда бы не подумал, что вас вообще связывают какие-то кровные узы.

Он покачал сигаретой и сдвинул брови, задумавшись, при этом дым медленно спускался и растворялся под ногами. Интересно, они всегда курят в доме?

– И так, попробуем еще раз. Я задаю вопросы – вы отвечаете. Попрошу в этот раз без массовых рыданий и неуместной гордости. Просто отвечаете и живете.

Дверь справа открылась (которая вела в непонятную комнату), и в дверном проеме появился Гай. Он один остался все в той же одежде, волосы только заделал в низкий пучок. И снова этот мутный глаз с отвратительным шрамом испугал меня до чертиков.

Джейс в кресле напротив, «ядовитый» справа, стрелок и «грубый» слева – все с оружием наготове. Они не оставили ни единого шанса на какую-нибудь глупость с нашей стороны.

– Почему ушли из Сферы? Повторите. – спросил Джейс, затушив сигарету в баночке с окурками.

– Потому что устали жить по их законам. – ответила мама.

– Сколько Вы там прожили, Норин?

– Двадцать лет.

Джейс удивленно поднял брови и покачал головой из стороны в сторону, показывая нам, что не верит.

– Двадцать лет жили себе и жили, а тут, значит, надоели законы... Рич, тебе не кажется это странным? – кивнул он стрелку, но тот лишь пожал плечами, опираясь на стену.

– Что бы вы там не скрывали, вам лучше говорить правду. – указал он на нас пистолетом. – Вторая попытка: почему ушли из Сферы?

– Мой муж... – запнулась мама. – Когда он умер, стало невыносимо жить, и мы ушли...

– Когда он умер?

– Год назад.

– Как?

Неужели снова нужно это переживать, пересказывая историю нашей трагедии?! Я не хотела, чтобы мама рассказывала об этом, а Дэйтон слишком злился сейчас, поэтому я осмелилась ответить на вопрос, пока мама глядела в пол.

– Его казнили! – сказала я и посмотрела на Джейса. – Его казнили за то, что он сломал своему начальнику руку и нос.

– Теперь понятно, в кого паренек такой бунтарь. – ухмыльнулся Джейс, но в его улыбке не было злости.

Мы немного помолчали, и главный парень продолжил:

– Казнили за парочку сломанных костей... Да уж... Я слышал про законы и наказания в Сфере, но каждый раз появляется что-то, что меня удивляет. Как звали папу, малышка?

– Майкл.

– И почему же Майкл искалечил своего босса?

– Потому что он предложил папе купить лицензию... – ответила я.

Это, конечно, не все, но я не смогла бы сказать отвратительную правду вслух.

– Что за бред, малыш? – прищурился Джейс. – Чего-то ты не договорила, а меня уже начинает бесить это принудительное вытягивание бесполезной информации.

– Этот мудака предложил отцу купить лицензию! – выплюнул Дэйтон. – Только не за деньги, а за секс с мамой или Лексой! – закончил он, а унижительные слезы снова скопились в уголках моих глаз. – А потом он предложил еще бесплатную еду на месяц – за обеих одновременно.

Мама терла переносицу, будто у нее болела голова. И я ее понимала, ведь мы так тщательно пытались забыть об этом, что теперь воспоминания ударили как в первый раз. Снова я видела, как напряженный папа пришел домой, как за ним приехали безопасники, а мы даже не знали, что случилось. Он рассказал нам обо всем, уже сидя в тюрьме, за неделю до казни. За такие побои могли приговорить к тяжелым работам или тюремному заключению, но начальник папы оказался с очень длинными и могущественными связями. И вместо исправительного труда и камеры, отец получил смертный приговор без суда в течение каких-то трех недель.

Джейс водил пальцами над пламенем свечи. Трудно сказать, какие эмоции он испытывал.

– А мудака не промах, – сказал он, возвращая свои глаза к нам. – Не могу сказать, что не понимаю, почему он захотел и маму и дочь... Но, в любом случае, жаль Майкла. Я поступил бы также на его месте.

– Нам не нужно твое сраное одобрение. Задавай следующий вопрос! – огрызнулся Дэйтон, не обращая внимания на едва проявившуюся мягкость Джейса.

– Ты прав, приятель! Продолжим! – Джейс, кажется, совсем не заметил дерзости моего брата. – Сколько вам лет? Чем зарабатывали на жизнь в Сфере?

– Ты серьезно? Тебя реально интересует это? – воскликнул Дэйтон.

Джейс не ответил. Ни одна мышца на лице не дрогнула. Он все также пристально смотрел на Дэйтона. А вот «ядовитый» Гай фыркнул и шагнул ближе к брату, чем сразу привлек мое внимание. Я не хотела, чтобы он был рядом с нами. Он пугал меня.

Дэйтон ждал ответ на свой вопрос, а Джейс – на свой. В итоге, брат успокоился, поняв, что другого выхода нет, и ответил:

– Маме сорок три, работала помощницей швеи в портновском цехе. Лексе двадцать два, она помогала убираться в школе по вечерам. Мне девятнадцать, и я был стажером у строителей в производственном цехе. Доволен?

– Вполне! А я думал, что мне показалось, когда ты первый раз назвал сестру Лексой.

Мне стало некомфортно, когда он обратил внимание на меня. Если бы еще было понятно, к чему он это все спрашивал...

– Как планировали добывать еду? Вылазками в Чарльтон?

Каждый вопрос озадачивал нас еще больше прежнего. Даже Дэйтон смутился от такого любопытства.

– Ну... да. – ответил он.

– Машина откуда?

– Нашли! – Дэйтон ответил настолько быстро и уверенно, что я сама чуть не поверила.

– Мало верится, конечно, но это не особо и важно. Важнее – откуда пистолет?

– В машине был! – тут уж Дэйтон не соврал.

– Нашли машину, в машине пистолет! Да, вы просто чертовы везунчики, а не «сферные» беженцы. – подытожил Джейс, наклонившись вперед и сложив свои руки вместе около губ.

Несколько секунд мы сидели в полном молчании. Только тени двигались на стене от колыхания свечей. До сих пор пахло сигаретным дымом, едой и воском.

– Ладно, – сказал Джейс, вставая с кресла. – Последний вопрос на сегодня. В доме появились пятна, которых раньше не было. Пятна от крови. Кого вы тут грохнули?

Еще одна страшная история из моей жизни. Этот парень за полчаса узнал краткую биографию нашей семьи. На этот вопрос ответила мама:

– Мутант выследил нашу машину, пока мы ехали по лесу, и напал в первую нашу ночь здесь. Залез по стене вон там, – мама указала на стену за креслом, на котором только что сидел Джейс. – Разбил стекло в детской и спустился по лестнице. Мы убили его в коридоре перед входной дверью.

Джейс медленно растянулся в улыбке и перевел взгляд на Буна, поднял указательный палец вверх и сказал:

– Я выиграл. С тебя пиво.

Бун выругался себе под нос, махнул рукой и ушел на кухню, оставив автомат Ричу.

– Теперь хотя бы понятно, зачем эти чокнутые заколотили все окна наверху. – произнес Гай своим хриплым ядовитым голосом.

– Да, понятно. – согласился Джейс. – А кто пристрелил мутанта?

– Мама! – ответила я.

Джейс удивленно вскинул брови и беззвучно произнес «вау».

– Кажется, я недооценил Вас, Норин! Прошу меня извинить. Больше такого не повторится. – сказал он и снял пистолет с предохранителя. – Вставайте и идите в свою новую комнату. А Рич даст вам подушки и матрасы. Как всегда, парнишка – первый!

Встав, Дэйтон направился к лестнице под зорким наблюдением Рича. Мама пошла следом, и я вскочила за ней, как только Джейс подошел ближе.

Когда Дэйтону уже развязали руки перед дверью ванной, я неожиданно для всех и себя повернулась к идущему за мной парню и сказала:

– Джейс?

Мы оба замерли. Не знаю, кто был в большем шоке. Он настолько опешил, что я назвала его имя, что даже не смог это скрыть, хотя прежде идеально контролировал все свои чувства. Он разглядывал мое лицо пять секунд и, переглянувшись с Буном, спросил меня:

– Да, принцесса?

Я сразу засомневалась. Не надо было этого делать! Как я могла сказать то, что собиралась, этому бесчувственному ублюдку, да еще и в окружении его дружков. Это было ошибкой.

Джейс почувствовал, что я готова была включить заднюю, и сделал шаг вплотную ко мне, а я буквально услышала, как Дэйтон скрипнул зубами около ванной.

– Лекса? – Джейс растянул каждую букву, словно пробуя мое имя на вкус. – Что ты хочешь мне сказать? – он встал прямо передо мной.

Он был выше, и мои глаза оказались на уровне его ключицы, но я не решалась поднять их.

– Джейс. – шепнула я в надежде, что только он меня услышит. – Я очень хочу в туалет! – прошептала я наконец-то, собрав всю смелость в кучку.

– О! – он округлил губы. – Мог бы сам догадаться! – сказал он, подхватил меня под локоть и подтолкнул к двери. – Я, как джентльмен, обязан сопроводить тебя в лес и подождать, чтобы вернуть в целости и сохранности твоему братцу, который слишком разбушевался.

Обернувшись, я увидела, что Гай и Рич держали Дэйтона под прицелом, которого разрывало от гнева. Я сказала ему одними губами, что я скоро приду, и мы с Джейсом вышли из дома. Вдвоем.

Сказать, что я чувствовала себя неловко – значит, ни черта не сказать. Если бы я умела краснеть, то моя кожа полопалась от прилива крови. Не знаю, как я надеялась сходить в туалет,

но почему-то для меня стало неожиданностью, что Джейс лично повел меня одну в лес. На самом деле, я надеялась, что со мной пойдет Рич – он не так действовал на меня.

Мы шли медленно. Джейс разглядывал все по сторонам, светя фонариком. Хоть он убрал пистолет за пояс, я ни секунды не сомневалась в его реакции. Он также держал мою руку, не давая отдалиться. Я не привыкла чувствовать чужих людей настолько близко и, кажется, уже забыла о том, что хочу писать. Все, о чем я могла думать, это его рука на моей, и мне хотелось, чтобы он отпустил ее. Джейс так легко касался меня, когда хотел, что это уже порядком бесило.

Зайдя за ближайшие деревья, он остановился. Я смотрела на него, но из-за темноты лица было не разглядеть, а фонарик его светил вниз.

– Ну, принцесса, чего ждем? – ухмыльнулся Джейс.

– Что? В смысле?

– Мы в лесу, а ты хотела сделать маленькое дело. Прошу! – он указал фонариком на траву. – Постарайся побыстрее: здесь очень опасно, и кроме того, я устал и хочу спать!

Он серьезно думал, что я сяду прямо тут и буду писать перед ним?! Он что, сумасшедший?! Пока я вскипала, он придвинулся ближе и спросил, наклонив голову к моему лицу так, что носы почти коснулись друг друга:

– Или ты заманила меня сюда, чтобы соблазнить, Лекса? – на последнем слове он показал мне язык.

Я была так зла, что собиралась начать орать, что было мочи, наплевав на всех мутантов, которые могли быть поблизости. И когда я уже готова была сделать это, он широко улыбнулся и указал фонариком на расстояние трех метров.

– Я отойду туда, но не дальше! И отвернусь, пока ты писаешь, малышка! Ты можешь попытаться сбежать, и я даже не попытаюсь тебя догнать, но я хочу, чтобы ты знала. Как только ты скроешься из виду... в эту самую секунду... твои мама и брат уже будут валяться в ванной в огромной липкой луже своей крови. Выбор за тобой!

И он отошел на то место, которое указал до этого, и отвернулся, светя перед собой фонариком. А я пыталась отогнать образы, которые Джейс только что обрисовал.

– Лекса, если ты не сделаешь это быстро, то будешь делать в ванной вместе с родней. Я устал и хочу спать, поэтому долго ждать не буду! – пропел Джейс, а я точно знала, что он улыбался.

Я расстегнула штаны. Всё-таки физическое желание пересилило все остальные. Присев к траве, я грозно взидала на Джейса, чтобы он не поворачивался. Я, конечно же, ничего не смогла бы сделать, если он решит обернуться, но мне так было спокойнее.

Я разглядывала его со спины в полумраке. Он стоял расслабленно и переводил голову из сторону в сторону. Сейчас он держал пистолет в другой руке, и на любой звук леса или птицы сразу дергал головой. Пока он сосредоточенно охранял нас, я поняла, что я полная идиотка. Ведь вместо того, чтобы беспокоиться о мутантах, которые могли сожрать меня прямо сейчас, или о том, что Джейс мог в любой момент выстрелить мне в голову, меня волновало лишь то, что он мог повернуться и увидеть меня с голой жопой. Отругав саму себя в безграничной глупости, я закончила дело и быстренько натянула брюки на положенное место. От моих шуршаний он еле заметно напрягся и спросил:

– Все?

– Да!

Обернувшись, главный парень указал пистолетом на дом, и уже не держал меня, когда мы пошли бок о бок. Без его стальной хватки я чувствовала себя комфортнее.

Перед входной дверью я остановилась и повернулась к Джейсу, а он напряженно замер и приподнял бровь. Кажется, он каждую секунду готов к тому, что я накинусь на него с ножом, непонятно откуда взявшимся.

– Спасибо! – проямлила я.

Он расслабился и растянул свою идеальную улыбку. Ничего не ответив, Джейс лишь коротко кивнул и повторно указал на дверь.

В коридоре никого не было. В гостиной я увидела лежащего на диване Гая. Горели лишь свечи. Видимо, Рич и Бун были наверху.

– Жаль, что ее не сожрали. – сказал Гай, не поворачивая голову.

– Ну, брат, что ты такое говоришь. – засмеялся Джейс, придерживая меня под локоть. – Во-первых, с нашей защитой никто не приблизился бы к дому незамеченным, а во-вторых... я должен был бы защитить такую красотку, как ты считаешь?

Гай ничего не ответил, лишь фыркнул. Джейс проводил меня к ванной, открыл замок и посветил фонарем на Дэйтона и маму, по которым было видно, что они места себе не находили.

У нас теперь были два матраца и три подушки. Они уже расстелили их и сидели поверх в ожидании меня. Как только я вошла, Джейс закрыл за мной дверь, не забыв дружелюбно пожелать «Спокойной ночи!». Вместе с Джейсом из этой комнатки пропал и весь свет. Мы снова оказались в нещадной темноте.

Устроились поближе друг к другу. Дэйтон спросил, все ли хорошо, и мы улеглись настолько удобно, насколько позволяла эта комнатка. Ни один из нас больше ничего не сказал, и я уснула, снова провалившись в странные необъяснимые сны. Вроде я снова видела Джейса.

.....

Я проснулась самая первая и старалась не шевелиться, чтобы не разбудить маму и Дэйтона.

В комнатке было все также темно, ужасно жарко и воняло спертым воздухом и потом. Дышать вообще нечем. Во сне я сняла верхнюю кофту, и теперь на мне была только майка, прилипшая как мокрая салфетка. Дэйтон тоже снял футболку – она лежала рядом со мной. Я взяла ее и, махая над собой, старалась создать жалкое подобие ветерка.

В такой темноте невольно возникало ощущение, что я ослепла. Казалось невозможным, что глаза не различали даже силуэта пальцев, которыми я водила прямо перед носом.

На душе кошки скребли от неизвестности и отчаяния, а ведь мы только привыкли к этой жизни. Даже мама уже не заикалась о Сфере и, кажется, научилась радоваться нашему побегу. Кто точно ни о чем не жалел и кайфовал от каждой минуты своей жизни – это Дэйтон. Он и в Сфере никогда не ныл, даже когда заболел, а уж когда мы оказались на воле, так складывалось ощущение, что именно о такой жизни он всегда и мечтал. О жизни, полной приключений, опасности, тяжелой работы и новых загадок. Что насчет меня?! Никогда не призналась бы, но я искренне радовалась, что мы сбежали. Этот месяц был насыщенней и глубже всей моей жизни в Сфере, даже учитывая сложные отношения с матерью. Жаль, что папы с нами нет! И жаль, что мы так нелепо попались в руки этих головорезов!

Совершенно непонятно, что хотели от нас эти подонки. Я даже не понимала, как к ним относиться, и как разговаривать. Вроде, ничего плохого они нам не сделали... пока. Ну, запирают в темноте, постоянно руки связывают, угрожают убить, но чего-то по-настоящему плохого не делают. Может, теперь это такие же правила выживания, как те, которым нас мама учила. Просто они изменились, дополнились, усовершенствовались.

Они нас накормили, и меня даже сводили в туалет – такие вещи обычно не разрешаются будущим трупам. Вспомнив свой поход в лес, я невольно съежилась – сейчас это представилось мне намного страшнее, чем тогда. Я должна была умереть от страха, если бы не была поглощена мыслью, что Джейс мог повернуться и увидеть мои интимные места. Какого черта меня вообще волнует, что он мог обо мне подумать?! Он всего лишь дикарь из этого нового мира, который просто приспособился жить в нем.

Вспоминая исторические рассказы о рабстве, я начинаю осознавать, что в Сфере люди находятся в таком же положении, просто на руках нет оков. По сути, такая же система: люди живут взаперти стен, в ужасной тесноте и трудятся день и ночь, чтобы есть, пить и иметь воз-

можность рожать детей. Только раньше не было мутантов, которые помогали бы держать такое огромное людское стадо вместе. Тут получается, что начальству Сферы даже на руку обрушившаяся Катастрофа и мутация восьмидесяти двух процентов населения. Интересно, а чем же наше нынешнее положение отличалось от заточения в рабстве?

Ответ этому я находила в том, что они нас ни разу не ударили, а рабов били... сильно... иногда до смерти. Они не заставляли нас делать что-то трудное или постыдное. Да, эти аборигены вообще нас не трогали, за исключением связывания рук, и момента, когда Джейс выводил меня из дома.

Как бы я ни пыталась убедить себя в их благонамеренном отношении, все же не могла найти ни одного стоящего варианта о развитии нашего будущего.

По всем законам новой жизни, они должны были убить нас, либо сделать то, что уроды делают с женщинами, а потом все равно убить. Сразу же блокирую воображение, которое вырисовывает страшные сюжеты – для меня все же смерть намного милосерднее изнасилования.

Снова подумала о Джейсе. Ему не больше тридцати лет, а значит, когда все началось, он уже жил в этом мире, но был слишком маленьким, чтобы выживать самостоятельно. Кто его спас? Родители? Брат? Возможно, брат. «Ядовитому» примерно лет тридцать пять. Где они жили все эти двадцать два года, если не в Сфере? Как такое возможно? Нас уверяли, что за стеной никто не выжил, а если выжил, то лишь по чудесной случайности, и осталось ему недолго. А мы лишь на пути из Сферы до лесного домика встретили две группы людей, серьезно подготовленных и особо жизнью не обремененных. По крайней мере, они не вели себя так, будто выживание для них – непосильная ноша. Жили и жили. А если кроме Сферы на нашем полушарии осталось много людей? Много Сфер? Вдруг наша Сфера, зная это, все равно нас обманывала, чтобы держать людей под абсолютным контролем?

Не менее любопытно было, как они передвигались, ведь мы не слышали ни единого звука мотора или чего-то похожего. Не ходили же они постоянно и везде пешком?!

Два дня... Джейс сказал, что они наблюдали за нами два дня. От этого по телу пробежали мурашки. Целых двое суток за нами из леса наблюдали четыре человека с огнестрельным оружием, а мы даже ничего не заподозрили.

Очевидным стало и то, что они нашли машину, прочесывая ближайшую местность. И конечно, ясно, что они знали про задний замок: они ведь видели, как Дэйтон его устанавливал и объяснял нам. Они также видели стекла, которые мы убирали, если, конечно, они не нашли эти ловушки раньше... чему бы я несколько не удивилась. Попав в дом, они сразу обсмотрели его и пересчитали остатки, но никакой ярости или неистового гнева по поводу пропажи запасов на нас не обрушилось. Скорее «ядовитый» и «грубый» были разочарованы и слегка в бешенстве, но они даже не попытались отомстить за это.

Рич. Ему было вообще все равно на еду, на нас и на все окружающее. Он четко и безропотно исполнял все, что скажет Джейс. Но это его супер-спокойствие и хладнокровность пугали меня не меньше, чем ледяной взгляд Джейса.

Пересмотрев свои приоритеты страха, я решила, что Бун и Гай, конечно, пугали меня, но, кажется, им не было особого дела до нас. И я уже склоняюсь к мысли, что при нашей первой встрече, они просто шутили и издевались. За все время, ни один из них не попытался даже и взглядом обидеть меня или маму. Они просто сами по себе были очень страшные: весь их внешний вид выглядел отталкивающе и совершенно не располагал к себе людей. Зато их равнодушное отношение радовало.

Рич пугал меня больше чем эти двое: он был слишком загадочный, спокойный, и беспрекословно следовал указаниям Джейса. Гай и Бун также его слушались, но они скорее признавали в нем лидера, а вот Рич... В какой-то момент у меня появилось ощущение, что он готов за него умереть и чуть ли не поклонялся ему. Что-то было в его взгляде. Либо это была разница в возрасте: Рич младше Джейса, тогда как другие двое были точно старше него.

Что касалось самого Джейса... Я боялась его больше, чем кого-либо. Он выделялся. Слабые, неуверенные или мягкие люди не становятся лидерами! А это значило, что наши три жизни полностью зависели от его настроения, а понять, что у него на уме, было невозможно. То он был вежлив и тактичен, разговаривал как джентльмен, то он обещал устроить из нашей семьи кровавое месиво. И не было сомнений в том, что он это сделает. Джейс убил бы нас, не моргнув и не прекратив курить. Когда он только впервые это сказал, я сразу поверила. У него есть такой дар, какой был у моего отца... Дар убеждения одним взглядом, не оставляющим сомнений в намерении говорящего. Не менее злой шуткой судьбы было то, что Джейс был красивый. Как можно быть таким привлекательным и диким одновременно? Хотя то, что он очень хорош собой, я заметила не сразу. Неистовый ужас затмевал восприятие, но сейчас, немного успокоившись и вспоминая его лицо, я могла точно сказать, что он обладал идеальной внешностью, что заставляло бояться его еще сильнее.

Мне было стыдно рассуждать о симпатичности главного убийцы, ведь он держал меня и мою семью в заложниках, угрожал, издевался, и ставил меня в отвратительно неловкое положение своим флиртом. Уже не говоря о том, что он «пождет, когда я сама попрошу». Ненавижу этого говнюка, какой бы внешностью он не обладал! И надо было давно понять, что никаких добрых намерений в отношении нас у него нет. Скорее всего, он продаст нас в рабство. Если в этом диком мире сохранились поселения людей, то должна же быть какая-то валюта или что-то ценное. Эти ублюдки продадут нас и обогатятся. Таков был самый правдоподобный вариант из уготованных нам.

Дэйтон пошевелился. Видимо, проснулся. За ним и мама начала елозить.

– Доброе утро. – буркнула я.

– С чего бы такой вывод, что оно доброе? И что это вообще утро? В поганой темноте ничего не разберешь. – буркнул брат, как всегда в своем духе.

– Давно проснулась? – спросила меня мама.

– Может, полчаса назад. Трудно сказать.

– Что-то было слышно оттуда?

– Абсолютно ничего. Мы будто в глухом бункере. Либо эти уроды еще сами спят.

И стоило мне договорить эту фразу, как мимо нашей двери кто-то прошел. Было еле уловимо по колебаниям и глухим звукам шагов, но это точно было движение прямо за нашей дверью. Но в какую конкретно сторону прошли – определить нельзя. Значит, они не спали и уже чем-то занимались.

– Я уверена, что они продадут нас каким-нибудь психам! – не выдержав, сказала я.

Сначала они промолчали, ерзая ногами в темноте, а потом Дэйтон сухо прокомментировал:

– Ставлю на то, что они нас сожрут. Оставили на случай, когда еда кончится. И кормят нас для того, чтобы мы потом посочнее были.

– Дэйтон, это не смешно! – сказала мама.

– Разве? – огрызнулся он. – На самом деле, я не шучу, мам! Это мой вариант нашего прекрасного будущего! А ты что думаешь?

Мама секунду помолчала, а я отметила для себя, что не верю в то, что они каннибалы. Оснований для этого было несколько. Во-первых, у них была еда в контейнерах, и ее было много, пока мы не пришли сюда. И эта еда далека от человечины. Во-вторых, зачем бы они тогда задавали все эти свои странные вопросы?!

– Я думаю, что они отведут нас в Сферу.

– Что? – выпалила я. – Зачем? Почему ты так решила???

Меня затрясло от одной этой мысли. Какими бы подонками не были эти парни, но возвращение в Сферу было равно мгновенной смерти. Именно это ждало меня там! Меня и моих близких казнили бы через три недели, стояло нам только появиться на пороге под стеной.

– Этот главный... Он зачем-то расспрашивал нас об этом. Я думаю, что сбежавших преступников можно вернуть в Сферу за вознаграждение. Я думаю, что парень из-за этого спрашивал, почему мы бежали. И я больше, чем уверена, что он не поверил ни единому нашему слову! А если у него есть какая-то связь с кем-то из Сферы, то он уже в курсе, кто мы.

Она была права! Она была настолько права, что меня чуть не стошнило!

Мы просидели еще какое-то время. Я снова не могла определить сколько: чувство отсчета здесь вообще отсутствовало. Но я успела тихонько поскулить, поплакать и успокоиться. Дэйтон успел поругаться, и мама ни слова ему не сказала. Даже передать сложно, в каком подавленном состоянии мы сейчас пребывали. Можно ли трястись от страха еще сильнее?

Дверь открылась, ослепив нас лучом света. Поток прохладного свежего кислорода ворвался в легкие и всю меня целиком. Не открывая глаз, я пыталась надышаться. Здесь было настолько жарко, что теперь стало холодно от прикосновения с нормальным воздухом.

Человек, открывший дверь, терпеливо ждал, пока мы привыкнем к свету и встанем. Это снова Рич с таким же беспристрастным выражением лица и тихим голосом:

– Выходите, как обычно. Парень первый. Протягиваете руки.

Это уже как отработанная схема для нас. Мы сделали, как он сказал, и построились в коридоре, в котором, кстати, больше никого не было.

– В большую комнату. – приказал он, указав автоматом на гостиную.

Мы молча потопали в гостиную друг за другом. Надень на нас цепи, и мы перевоплотимся в настоящих заключенных.

В гостиной сидел «главный» – в том же кресле, снова с сигаретой. На этот раз у него еще была книга. Странно видеть читающего Джейса. Его гангстерский образ никак не укладывался с любителем художественной литературы. Но когда мы сели на диван, он оторвался от книги и отложил ее в сторону.

Осмотрев нас всех по очереди, Джейс остановился на мне. От его взгляда я примерзла к дивану. Его глаза пристально изучали мои, а я пыталась не сдаться и выдержать эту пытку, чего бы мне ни стоило. Но он недолго смотрел мне в лицо. Быстро проскользил почти осязаемым взглядом по моему телу... и его скулы напряглись. Джейс сглотнул, от чего мышцы шеи сократились. Это было страшно! Я была в ужасе, когда его взгляд задержался ниже моих ключиц, и он тут же отвернулся.

Рич вошел в комнату с контейнерами еды и раздал их нам, но прежде чем я успела открыть свой, Джейс встал и подошел к нам.

– Отложи контейнер. Мне нужно поговорить с тобой... наедине. – сказал он... мне??? Это было сказано мне? Он хотел поговорить со мной «наедине»? Теперь я действительно испугалась!

Но мне ничего не осталось, как машинально отложить контейнер и встать рядом с ним. Дэйтон схватил меня за руку и впился взглядом в этого ублюдка.

– Она никуда с тобой не пойдет! – зарычал он.

– Успокойся, ковбой! Ешь свою еду! Я верну ее через несколько минут в целости. – сказал ему Джейс настолько суровым голосом, что я тут же кивнула брату, чтобы он отпустил. Я не хотела больше проблем, чем у меня уже было на данный момент! Сейчас я больше всего боялась потерять сознание от напряжения.

Джейс взял меня под руку, но сразу отпустил и просто подтолкнул в спину в сторону непонятной комнаты. Я вошла внутрь, Джейс последовал за мной и закрыл дверь.

В этой комнате валялись все наши вещи – они перенесли сюда наши сумки и порылись в них. Все было в полном беспорядке! Здесь же были наши фонарики и баночки с таблетками Дэйтона. Я совсем забыла про его болезнь. Надо каким-то образом захватить лекарство с собой.

Набравшись смелости, я повернулась лицом к Джейсу, который не сдвинулся от выхода ни на миллиметр. Он стоял, облокотившись на дверь, и смотрел на меня. Непонятные чувства

бушевали в нем, но такого я еще не видела за весь наш период знакомства. Если бы я так не боялась, то предположила бы, что ему сложно контролировать себя, и причина тому – я.

Он снова осмотрел меня целиком своими ярко-голубыми глазами, которые практически светились от своей синевы. Челюсть его сжалась, прежде чем он выдавил:

– Переоденься!

Мои глаза, наверно, округлились до размера луны, а зрачки вылезли за свои края. Ладони вспотели, и теперь я сжимала липкие кулачки.

– Ч.... что?

– Ты глухая? Переодевайся. Все твои вещи здесь. – сказал он резче и кивнул в сторону наших сумок.

Я посмотрела вниз, чтобы понять, что я такого сделала, и сразу поняла. Моя майка... она полностью просвечивала тело. Майка и так была белая, но когда я вспотела, она промокла слишком сильно, и ее будто не стало. Каждый изгиб груди и очертания живота были видны невооруженным взглядом. Даже кожу было видно через тонкую мокрую материю. Я стояла, словно, голая!

Машинально прикрывшись руками, я едва не расплакалась, но сумела промямлить:

– Ты... ты больной психопат!

Он удивленно вскинул бровь.

– Я? Это ты вышла такая из своей комнаты. Переодевайся! Мне, к черту, не надо провоцировать своих парней твоим голым телом! – каждое ядовитое слово звучало тише, но жестче.

Мне не нужно повторять: я уже кинулась к сумкам и выхватывала все подряд. Меня буквально пожирал огонь изнутри – так стыдно и обидно мне не было никогда. Даже когда я разделась перед своим первым и единственным парнем.

Я, наконец, нашла свою коричневую футболку с коротким рукавом. Хотя она была облегаящая, но зато сухая и плотная. Обернувшись на этого извращенца, я обнаружила его, тщательно следящим за мной с хмурым выражением лица.

Я даже не успела ничего сказать, он все понял и отвернулся лицом к двери. Еле стянув мокрую майку, я отшвырнула ее на пол, и на целую секунду оказалась наполовину голой в одной комнате с беспощадным убийцей! Сухая футболка уже обернула мое тело, и я выдохнула огромный клубок напряжения.

– Я готова. – сказала я совершенно равнодушным голосом. Я больше не собиралась позволять этому говнюку издеваться надо мной. Пусть лучше пристрелит.

Не дожидаясь, пока он что-либо скажет, я прихватила таблетки для Дэйтона и пошла к выходу. Джейс быстро обвел взглядом новую футболку и отодвинулся от двери, к ручке которой я уже тянулась.

Мама с братом обеспокоенно уставились на меня и на свежую футболку. Если они все поняли, то лучше мне стореть со стыда прямо тут, лишь бы не мучиться.

Насколько было возможно, я гордо прошла к своему месту, передала брату лекарство и открыла свою еду. Схватив ложку, я запихнула в себя овощи без особого желания. И плевать мне было, что там увидел или подумал этот психопат. Теперь, вдобавок к ужасу и страху, я его презирала и с радостью бы посмотрела, как его сожрут мутанты!

Я уже доела все овощи, когда «главный» появился из непонятной комнаты и сел в кресло. Я не собиралась на него смотреть. Уверена, что если взгляну, меня сразу же вырвет от отвращения.

– У вас есть здесь еще какие-то вещи, кроме тех, что были в сумках и рядом с ними? – услышала я голос Джейса.

– Машина еще... – ответила мама.

– Машина, сумки с одеждой, фонарики, какие-то баночки и ваши чудные палки. Что-то еще есть? – переспросил Джейс.

Я все же взглянула на него. Закрыв глаза, Джейс тер висок пальцем, а другая рука постукивала пистолетом о колено.

– Вроде, нет.

– В таком случае, сейчас вы сходите по одному в лес, если кому-то надо, соберете свои вещи в той комнате, – он указал пистолетом туда, где я только что переодевалась. – И через час мы выходим.

На этих словах он встал и пошел к передней двери.

– Куда ты нас поведешь? – выкрикнул Дэйтон в его спину.

Джейс не остановился и не повернул голову. Уже открыв переднюю дверь, он бросил:

– В Гроджтаун.

Когда дверь за ним захлопнулась, мы сидели, переглядываясь, и совершенно ничего не понимали.

Отлепившись от стены, Рич подошел к креслу и направил на нас автомат. Но он уже не так пугал, как раньше: что-то стало мягче в его позе и взгляде, хотя голос абсолютно не изменился:

– Кому-то надо в лес?

Дэйтон и мама синхронно покивали, а я не хотела – меня еще держали воспоминания прошлого похода. Кивнув, Рич сказал:

– Парень – первый.

– Что, один? И никто не будет следить за мной? – Дэйтон даже немного обиделся.

– Да, один – пожал плечами Рич, совершенно не изменившись в лице. – Если ты не вернешься в течение десяти минут, я застрелю сначала твою сестру, затем еще через десять минут мать.

Дэйтон опешил, но даже не шелохнулся. Они просто глядели друг другу в глаза. А я повторно отметила, что как бы там дальше ни случилось, с Ричем связываться не стоило. Совсем не стоило! Под его меланхоличной спокойной внешностью скрывался крайне беспощадный убийца. Готова поверить на миллион лет вперед, что он действительно сделает то, что сказал.

Дэйтон, наконец, взял себя в руки, встал и вышел из комнаты, сказав, что он скоро вернется. Я слышала, как открылась и закрылась дверь, и теперь мы сидели в полном молчании. Рич смотрел на нас, мы на Рича.

Он был такой молодой. Симметричные черты лица. Никаких недостатков. Кожа светлая, а глаза светло-карие. Такую внешность еще называют сладкой. Но взгляд был взрослым... будто, много повидавшим. Да, и постоянный автомат в руках также прибавлял Ричу возраст.

Он видел, что я пристально разглядываю его уже минут пять, но ни слова не сказал. Уверена, Джейс бы уже съязвил или задал какой-то неловкий вопрос. А этот стрелок просто наблюдал и ничем не показывал, что его это бесило или интересовало. Может, он правда робот? Может, в этом мире создавали кибер-стрелков, которых невозможно отличить от человека? Я даже в Сфере не видела таких равнодушных людей, а она была чемпионом по безразличию.

Дверь снова открылась и закрылась – Дэйтон вернулся. Он обошел нас и сел на диван с непривычно прямой осанкой и сложил руки на коленях. Ох, на уме у брата что-то недоброе.

– Ваша очередь, мэм! – сказал Рич, не спуская глаз с Дэйтона. – У вас тоже десять минут.

Мама встала, поправив брюки, и вышла из дома.

Дэйтон «прилежно» сидел, как младшеклассник, и проявлял крайний интерес к молчаливому собеседнику, но Рич был беспристрастен.

– Как вы, черт возьми, добрались к дому и следили за нами два дня, если мы даже не слышали ваши мотоциклы? – не выдержал Дэйтон, сменив лицо озабоченного ребенка на подозрительно любопытное.

Рич ничего не ответил, а я повернула голову и удивленно взглянула на брата. Что он несет? Дэйтон, услышав мой немой вопрос, объяснил:

– У них там три мотоцикла перед нашим домом и четвертый на нашей машине, которая, кстати, тоже здесь. Эти двое страшил прикрепляют байк к ее крыше.

Да, теперь вопрос Дэйтона был действительно актуальным: мы не слышали ни звука ни от одного мотоцикла, а их было четыре.

– Ну, мальчик с автоматом, поделись секретом! – продолжал дерзить Дэйтон.

Но стрелок будто заморозился во всей своей внешности. Он только моргал... и то не часто.

– Да ладно тебе? Мы все равно ваши заложники. Скажи, как? – Дэйтон уже начал настаивать. Такое бывало, когда жгучее любопытство перевешивало все остальное.

Это были напрасные мольбы, потому что Рич не сказал ни слова. Он-то в присутствии Джейса ничего не говорил, а сейчас вообще мог застрелить нас в любой момент. Но неожиданно для всех в этой комнате, Рич произнес своим невероятно спокойным тихим голосом:

– Если куда-то нужно попасть тихо и без хвоста, то лучше заглушить всю технику за полтора километра от этого места. – сказал он. – И остаток пути пройти пешком, а технику спрятать, чтобы вернуться за ней позже. После того, как убедитесь в безопасности места.

Минуту брат тупо смотрел на Рича, но потом, хлопнув рукой по коленке, воскликнул:

– Круто, черт возьми!

Никакой реакции от Рича на восхищенный комментарий Дэйтона не последовало, но брат значительно успокоился, хоть и не отстал от стрелка.

– Вы здесь живете?

– Что-то в этом роде. – отвечая, Рич совершенно не выказывал никаких эмоций. Он губами-то еле шевелил.

– Но вас не было здесь больше месяца. Где же вы были? – спросил брат.

– Работали.

– Работали?

– Работали.

Эта игра вопрос-ответ была даже забавной. Мне и самой хотелось задать кучу вопросов, но я бы никогда не осмелилась. Они нам не друзья, и кто его знает, когда у этого робота кончится терпение. Но Дэйтон не согласился бы со мной.

– Откуда эта еда? Ну, в контейнерах и консервах которая?

– Скоро узнаешь сам. – ответил Рич.

Сложно сказать, злился ли он, но судя по его ответу, я бы не задавала больше вопросов. И слава Богу, когда Дэйтон уже собрался открыть рот для следующего вопроса, вернулась мама.

Стрелок сразу же встал, ткнул автоматом на дверь, ведущую в непонятную комнату, и сказал:

– Собирайте вещи.

Войдя в маленькую гостиную, где на полу валялись наши сумки и вещи, а также моя мокрая белая майка, меня снова накрыло злостью. Я вспомнила этот блуждающий взгляд на моем теле, и мне захотелось надеть на себя всю имеющуюся одежду.

Поскольку все было вывернуто вверх дном, нам потребовалось десять минут, чтобы собрать все обратно. Отвратительно думать о том, что эти подонки трогали мои вещи, мое нижнее белье, мою зубную щетку своими грязными омерзительными руками.

Все было на месте, кроме моей палки и трубы Дэйтона. Из того, что могло худо-бедно сойти за какое-то оружие, были только фонарики. Они, конечно, тяжелые, но вряд ли мы смогли бы отбиться ими от четырех профессионально подготовленных головорезов.

Рич стоял в дверном проеме, и как ни странно, выглядел расслабленным: автомат висел дулом вниз, одна рука в кармане джинсов. Он следил за нами, но взгляд уже не был аномально сухим и холодным. Он просто наблюдал. Конечно, если бы вдруг кто-то из нас сотворил нечто

глупое или неожиданное, стрелок бы молниеносно среагировал... но все же что-то изменилось. Хотя бы даже то, что он начал разговаривать.

Когда мы закинули готовые сумки на плечо, нам было велено вернуться в гостиную и ждать. Рич задержался у кресла, лениво облокотившись на его спинку. Снова воцарилось молчание. Дэйтон вытерпел лишь десять секунд:

– Мы чего-то ждем?

– Да. – получил сухой ответ.

Брат выдержал для приличия еще пару секунд, прежде чем снова спросить:

– Чего?

Рич еле заметно вздохнул, и клянусь, я видела, как его уголок рта дернулся в подобие улыбки. Это было на тысячную долю секунды, но было, я уверена. Он сразу же принял обычное выражение лица и продолжил молчать, оставив любопытного Дэйтона в неведении.

– А вы часто сталкиваетесь с мутантами? – не сдавался брат.

Стрелок приподнял одну бровь, подумал и ответил:

– Относительно.

– Относительно? Что это значит?

– Относительно Сферы – часто. Относительно года Катастрофы – редко.

– Логично, конечно, но например, скольких ты видел? – не унимался Дэйтон.

– Видел?

– Видел – убивал? Какая разница! – фыркнул брат так, будто для него это плевое дело.

– Перестал считать после ста. – равнодушно ответил Рич.

Не успели мы ужаснуться от этой цифры, как вошел Джейс.

Главный парень прошел к креслу, а мне сразу вспомнилась мокрая майка, и я его снова возненавидела.

– Мы сейчас сядем в машину и поедем в Гродж. – сказал Джейс. – За рулем – пареньек, рядом Норин. Я, Алексия и Рич – сзади.

Я и эти двое... в тесноте на заднем сидении машины – что может быть, «лучше», черт возьми?! Хотя я и вскипела, вслух ничего не сказала. Не надо, чтобы кто-то узнал, как ужасна сама эта мысль.

– На всякий случай предупрежу, что мы всегда наготове. Хотя мы и везем вас в общину, это не значит, что я не пристрелю любого, кто решит учудить какую-нибудь глупость по пути. Или любую.

– Какую еще общину? – спросил Дэйтон, нахмурившись.

– Скоро увидите сами. Еще вопросы?

– И зачем вы нас туда везете?

Джейс демонстративно удивился и спросил:

– А ты сам как думаешь, Дэйтон? – он развел руки в стороны, намекая на очевидность ответа. – Чтобы поместить вас в безопасное место, где вас научат быть полезными обществу, дадут оружие, еду, постоянный ночлег и людей, с которыми иногда очень даже приятно поболтать.

Потеряв дар речи, мы втроем уставились на него. Первой мыслью было, что он врет. Это просто не могло быть правдой: сначала они нас взяли в заложники, потом держали в черной комнатухе и вдруг решили, что можно нас спасти от этого опасного мира? Так это должно выглядеть?

– Ну что ж, если вопросы кончились, пошли! Я не планирую растягивать эту ситуацию еще дольше, чем уже получилось. – закончил Джейс и встал с кресла.

Рич также принял вертикальное положение, с повисшим автоматом на плече, но все же он не спускал с нас карих глаз.

Меня обуяло двоякое чувство. С одной стороны хотелось верить, что они не убьют нас, и даже более того, отвезут в нормальное человеческое сообщество. Но с другой стороны, все это было чертовски подозрительно.

Я, конечно, была благодарна, что мы вообще еще живы, и никто над нам не издевался. И за то, что они даже кормили нас и выводили в лес по нужде. Но все это время Джейс ни на секунду не дал усомниться, что их стоит опасаться для своего же блага. Он являл собой идеальный образ хладнокровного беспощадного убийцы. И теперь сложно разглядеть в нем доброго отзывчивого спасителя невинных жизней. Хотя я буквально молилась об этом.

Как только Джейс вышел, Рич кивнул нам, и мы, обескураженные, последовали за ним.

Джейс придержал для нас дверь и указал в сторону машины. Все, как сказал брат: три мотоцикла стояли около крыльца, один был примотан к крыше машины. Мотоциклы были чистые, блестящие – три черных и один серый.

Стоя у крыльца, Гай молчаливо курил, а Бун что-то ему эмоционально доказывал. Если бы единственный глаз Гая не наблюдал за нами, я бы подумала, что они нас даже не заметили. Спустя секунды Бун также присоединился к бдительному наблюдению напарника, крепче сжав ружье на плече.

Я старалась смотреть на мамину спину, которая шла впереди, но волей-неволей поглядывала по сторонам. Я любила эти деревья, несмотря на сложившуюся ситуацию. И мне все равно было немного грустно, что мы сейчас отсюда уедем. Даже нашу комнату в Сфере я покинула легче, хотя прожила в ней всю жизнь. А здесь мы пробыли месяц, но я считала это нашим домом... Моим домом! Я даже ощутила, как меня съедает ревность, потому что эти странные охотники продолжают здесь жить, вместо меня.

– Не проще их убить? – крикнул Бун грубым басом.

Джейс даже не обернулся.

– Проще! – ответил он громко. – Но мы ведь не ищем легких путей, да, Бун?!

Тон Джейса явно дал понять, что ответ не требуется, и Бун плюнул себе под ноги, пробурчав что-то нечленораздельное.

Здоровяк ушел в дом, а вот оставшийся Гай был необыкновенно злой. На его лице проступила чистая ярость. И она была направлена не только на нас, но и на Джейса. Они не сошлись во мнениях? Двое хотели нас убить, а двое нет? Что вообще между ними происходило? Никак не реагируя, Гай отвернулся, присел около серого мотоцикла и начал прочищать его детали.

Я видела мотоциклы третий раз в жизни: первый раз – в кино, второй – у специальных безопасников, которые приезжали за папой. Не могла с уверенностью сказать, что относилась к ним плохо или хорошо. Мотоциклы выглядели опаснее, чем машины. Я вообще не понимала, как на них балансировать? Вероятно, двигаться через лес с ними удобнее и прятать их легче, чем машину. Но этот вид транспорта все равно оставался для меня загадкой.

Мы подошли к нашей машине – если она еще считалась нашей. Хотя честно, нашей и не была никогда, так как мы ее угнали, но этим подонкам об этом не стоило знать. У меня одной промелькнула мысль о том, что эти четверо и те четверо из города могли быть знакомы? Не зря же главный парень интересовался машиной и пистолетом?!

Открыв переднюю пассажирскую дверь, Джейс провел рукой в знак приглашения.

– Норин! Прошу Вас присаживаться первой! – сказал он с широкой улыбкой.

– Спасибо, но может быть я сяду за руль? – вежливо предложила мама. – Я лишь объясняла детям, как водить машину, но они еще ни разу не вели ее самостоятельно дальше, чем на пять метров.

Джейс на мгновение подозрительно прищурился, но сразу же улыбнулся и воскликнул:

– Что ж Вы сразу не сказали?! Садитесь за руль, конечно! Нам не нужно, чтобы кто-то в машине обделался от страха, так ведь? – он пропустил маму в обход машины, но резко схватил ее за руку. – Но если это какой-то фокус, Норин... Вы знаете, каких ждать последствий.

– Да, знаю! Никаких фокусов! – спокойно ответила мама, прежде чем Джейс отпустил ее.

Пока она устраивалась на водительском кресле, Дэйтона усадили на пассажирское, а вот мое место не изменилось – мне предстояло сидеть сзади с двумя профессиональными убийцами.

Когда передние двери захлопнулись, Джейс уже сидел прямо за мамой. Я должна была сесть посередине, и он посмотрел на меня с самой мерзкой усмешкой на лице. Улыбнувшись, Джейс похлопал рукой по сидению в паре сантиметров от своего бедра.

Приняв максимально равнодушный вид, я залезла внутрь и устроилась рядом с главным ужасно красивым парнем. Он сразу приказал заводить машину. А за мной уже залез Рич и захлопнул дверь. От страха и неловкости мне казалось, что весь воздух исчез. Я так нервничала, что меня подташнивало.

– Расслабься, Алексия. Мы не кусаемся. – проговорил Джейс почти мне на ухо.

Набравшись смелости, я повернулась к нему, и между нашими лицами осталось сантиметров десять нейтрального пространства, но я холодно и спокойно приняла вызов.

– Вот и умница! Такая послушная... – ухмыльнулся Джейс.

Он наклонил голову, и небесная синева глаз блеснула так ярко, что ослепила. Ресницы у него были черные. Брови чуть темнее волос и расположены так, что казалось, что Джейс всегда усмехался. Кожа была слишком гладкая, несмотря даже на еле заметную щетину.

– Если ты будешь продолжать так разглядывать меня, – услышала я его шепот. – То я возьму свои слова обратно.

– Какие слова? – не поняла я.

Джейс широко-широко улыбнулся, обнажив белые зубы, и показал мне язык.

– Те слова-обещания, что я дождусь разрешения, Лекса! – закусив губу, он откинулся на спинку сиденья и отвернулся в окно.

К моему огромному облегчению, никто больше этого не видел, и мы уже ехали. Я не заметила, когда мы тронулись и, покачиваясь на кочках, медленно прокладывали дорогу между деревьев. Дэйтон и мама смотрели вперед, а Рич перезаряжал пистолет.

Скажем прямо, моя уверенность в собственной безопасности стала нестабильна. «Слова-обещания, что я дождусь разрешения!» Я продумывала эту фразу вновь и вновь, но каждый раз она становилась все ярче. Этот ненормальный извращенец просто издевался надо мной?

– Как вы нашли этот дом? – спросила мама, энергично крутя руль.

– Случайно. Наткнулись на него в самый критический момент. – ответил Джейс, хотя я думала, что никто не будет отвечать на наши вопросы. – Убегали от мутантов через лес, и дом спас нас. Не всех... но большинство. Мы смогли убить двадцать шесть мутантов из окон, пока они царапали стены дома.

Вместе с произнесенными словами, я услышала глухое забытое воспоминание, смешанное с болью и скорбью.

– А когда это было? – обернулся к нам Дэйтон.

– Четыре года назад.

– Почему вы не убили нас? – неожиданно спросил брат.

– Ну... – вздохнул Джейс. – Может, потому что мы не монстры. Ты не думал об этом, парень?

– О, я как раз именно так думал о вас! – огрызнулся Дэйтон, на что Джейс хихикнул, а Рич вздохнул.

– Я не нарываюсь, – добавил Дэйтон. – Но вы точно хотели избавиться от нас вначале. Если ты утверждаешь, что вы не монстры, то какого черта вы нас просто не отпустили?

– Если бы у вас был наш опыт, то вы бы пристрелили чужаков с пятидесяти метров. – холодно сказал Джейс.

– Расскажешь, что за опыт?

– Нет.

И наступила тишина. Я отлично знала, как тяжело Дэйтону держать язык за зубами, но все понимали, что продолжать не стоит. Кто бы мог подумать, что именно Рич нарушит молчание:

– Год назад мы встретили людей и привели их в дом, прежде чем отвести в общину.

Я посмотрела на стрелка. Он расслабился и грустно смотрел вперед. Я впервые видела какие-то эмоции на его мраморном лице.

– Они, видимо, решили, что не хотят в общину, а хотят жить в нашем доме со всеми нашими вещами. – продолжил стрелок. – И напали на нас ночью.

Затаив дыхание, я глянула на Джейса. Он продолжал смотреть в окно, но кулак его сжался до белых костяшек.

– Нас тогда было шесть. Их пять. Они успели ранить двоих в комнате, которая оказалась ближайшей.

Столько печали было в его голосе, и повернувшись, я видела отражение тяжелой скорби на молодом лице: на лбу образовалась складка, а глаза потускнели.

– Мне жаль! – произнес Дэйтон. – Правда, жаль!

Тем временем, мы выехали из леса и продолжили ехать по почти ровной асфальтированной дороге.

– Вы же знаете куда ехать, Норин? – уточнил Джейс, сменив тему.

Мама кивнула, сконцентрировавшись на дороге. Интересно, она слышала слова Рича?

– То есть, после того раза, вы теперь запираете людей в ванной, если встречаете? – благородная меланхолия Дэйтона быстро улетучилась, и он принялся за старое.

– Нет! – устало ответил Джейс. – После этого происшествия мы ни разу не подбирали людей. Когда мы видели выживших, то не подходили к ним, не спасали, не защищали, не звали. Убивали, если они представляли угрозу или препятствие.

Дэйтон резко обернулся к нам и спросил у главного:

– Почему тогда мы еще живы вообще?

Ничего не смогла с собой поделать и посмотрела на Джейса. Этот вопрос действительно до сих пор оставался самым непонятным. На миг я засомневалась, что мы едем в безопасную свободную общину.

– Не знаю. – беспечно бросил Джейс, и это был его конечный ответ.

Он повернулся ко мне, и мы пялились друг на друга, пока я не отвернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.